

Л. А. МЕРЦАЛОВА

Германский
фашизм
в новейшей
историографии
ФРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Узбекистон Республикасига

Абду Умаровга

Сизнинг ақли ва энергия сизнинг

ва кўзи билан кўраётган ҳақиқатлар

А. Муҳаммадова

20.03.1990

Л. А. МЕРЦАЛОВА

Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ

Воронеж

Издательство Воронежского университета

1990

В монографии проанализирована современная западногерманская буржуазная историография фашизма: ее организационные и источниковые основы, методологические принципы, важнейшие историографические направления, подвергнуты критике новейшие концепции германского фашизма. Особое место занимает изучение оценки сущности и социальной политики германского фашизма, данной либеральными историками. Анализируется доктрина тоталитаризма в свете новейшей критики сталинизма.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, пропагандистов.

The monograph examines the methodological and organizational foundations of the research into the history of the German fascism in the German Federative Republic. The author gives a critical analysis of the concepts underlying this research. Emphasis is placed on the evaluation of the essence and social politics of the German fascism given by the liberal historians. The author analyzes the doctrine of totalitarianism from the point of view of the newest criticism of Stalinism.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Научный редактор — д-р ист. наук А. Ф. Носкова

Рецензенты:

д-р ист. наук А. В. Басов, канд. ист. наук А. Г. Сепчаков

М 0503030000-024
М174 (СЗ)-90 8-90

ISBN 5—7455—0237—1

© Мерцалова Л. А., 1990
© Оформление. Издательство
Воронежского университета, 1990

Введение

Разгром агрессивного блока во второй мировой войне, главной силой которого был германский фашизм, оказал исключительное влияние на последующее развитие всего человечества. Он открыл «...новые возможности для борьбы народов за мир, демократию, национальное освобождение и социализм. Победа советского народа высоко подняла международный авторитет Советского государства»¹. Анализ этого события и ныне составляет важную задачу науки. Проблемы истории войны стали предметом идеологической борьбы. Одна из них — фашизм и Сопротивление.

Империализм, породивший кровопролитные войны, в современных условиях представляет собой угрозу самому существованию человечества. Изучение фашизма и опыта борьбы с ним имеет научное и политическое значение. Этот опыт способствует организации в наши дни борьбы против милитаризма как «самого чудовищного порождения» империализма². Эту связь времен понимает и часть историков ФРГ³. Левосоциалистический историк Р. Кюнль подчеркивает, что «научная критика фашизма» 20—40-х гг. «одно-временно означает политическую критику»⁴ современного капитализма.

В ФРГ находится один из крупнейших в капиталистическом мире центров изучения новейшей истории. В первую очередь это относится к фашистскому периоду истории Германии, истории войны 1939—1945 гг., которую многие в ФРГ считают «центральной событием мировой истории»⁵. Немарксистская литература по истории германского фашизма и Сопротивления получила в ФРГ несравненно большее развитие, чем в других странах Запада. В 70—80-е гг. эта тема стала здесь главной⁶, как и проблема ответственности за первую мировую войну в немецкой историографии 20—30-х гг.⁷

Без анализа литературы ФРГ, обладающей значительными источниками, картина фашизма была бы неполной, тем более, что и в целом Германия военных лет, как уже отмечалось учеными СССР и ГДР⁸, изучена еще недоста-

точно. На отставание в изучении фашизма и современной западногерманской буржуазной и социал-демократической историографии германской истории указывалось в специальном распоряжении Президиума АН СССР от 21 мая 1987 г. «О мерах по развитию советской германистики и изучению актуальных проблем германского государства». Мы учитываем при этом и общую ситуацию в советской критической литературе. Среди «идейно-теоретических и методологических просчетов в изучении ряда явлений и процессов» координационное совещание руководителей академических и других научных учреждений исторического профиля в июне 1986 г. отметило «плохую осведомленность о состоянии зарубежной историографии и как следствие — отсутствие ее критического разбора»⁹.

Так же, как консервативные историки отражают регрессивные тенденции в политической жизни страны, историки неконсервативных направлений, усилившие свое влияние в последние годы, отражают различные альтернативные, в том числе и демократические движения¹⁰. Для современной ФРГ характерна резкая идейно-политическая поляризация: рост активности сторонников и противников НАТО, борьба за охрану окружающей среды, против «запрета на профессии»¹¹. Большинство населения страны, по свидетельству В. Брандта, «больше не хочет иметь ничего общего со злым прошлым», стремится к сотрудничеству с СССР¹². Руководитель ГКП Г. Мис отмечает укрепление репутации Советского Союза и его лидеров, рост нового отношения к странам социализма¹³.

Разгром фашизма — «это не только история, но и день нынешний», — подчеркивает М. С. Горбачев¹⁴. Различные силы стремятся извлечь уроки из опыта прошлого. Реваншисты в ФРГ и их зарубежные единомышленники пытаются обосновать свои несправедливые и опасные требования пересмотреть итоги войны¹⁵. Официальная пропаганда представляет бундесвер в качестве «продолжателя традиций Сопротивления»¹⁶, объявляет «недопустимыми любые параллели ФРГ с «третьей империей»¹⁷. С другой стороны, миролюбивые демократические круги черпают силы в истории Сопротивления 1933—1945 гг.¹⁸ ФРГ, полагает социал-демократический исследователь Д. Пойкерт, не может преодолеть наследие «третьей империи», «не отдавая должного антифашистскому Сопротивлению во всем его многообразии»¹⁹. Марксистско-ленинские и другие прогрессивные историки

борьбу за мир считают одной из главных функций исторической науки²⁰.

Анализ историографии фашизма соответствует важной задаче советских ученых — взаимодействию с немарксистским обществоведением²¹. Марксистско-ленинская критика опирается на положения XXVII съезда партии о глубоком изучении процессов, происходящих в капиталистическом мире, новом подходе к международным делам, курс КПСС не на конфронтацию, а на диалог и взаимопонимание²².

Критика рассматривает предмет анализа в его развитии и дифференциации. Расслоение немарксистской историографии, специфика различных национальных литератур отражают неоднородность непролетарских слоев современного капиталистического общества, углубляющаяся «неравномерность» развития стран внутри капиталистической системы²³. Подобный подход к инакомыслящим, разработка соответствующих приемов полемики с представителями различных направлений историографии приобретает особо важное значение в свете насущной задачи коммунистических партий «добиваться расширения классовых союзов на платформе антимонаполистических, антивоенных действий»²⁴, в свете всемерного укрепления потенциала сил мира, возникновения движения за выживание человечества. Сформулированные в трудах классиков марксизма-ленинизма задачи научной критики — разграничение положительного и отрицательного, использование достижений буржуазной историографии, развитие знания — перекликаются с положением Программы партии: «КПСС — сторонница широкого взаимного обмена подлинными культурными ценностями между всеми странами»²⁵.

Пониманию литературы о фашизме способствует представленная в партийных документах оценка роли монополий в современном мире. «Монополии, — подчеркнуто в Программе КПСС, — производящие оружие, генералитет, государственная бюрократия, идеологический аппарат, милитаризованная наука, слившись в военно-промышленный комплекс, стали наиболее рьяными проводниками и организаторами политики авантюризма и агрессии»²⁶. Более глубокому осмыслению фашизма и антифашизма, а также освещению их в немарксистской историографии, в частности известной доктрины тоталитаризма, способствует последовательно осуществляемая в СССР после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС критика сталинизма. В трудах советских

обществоведов раскрываются истоки и сущность сталинизма, его проявления во внутренней и внешней политике, экономической и духовной сферах²⁷.

Исследователь западногерманской историографии фашизма опирается на изучение историками из СССР и ГДР немарксистской исторической литературы. Это — в первую очередь работы Ю. Н. Афанасьева, М. А. Барга, Л. А. Безыменского, И. Я. Биска, К. Б. Виноградова, Л. И. Гинцберга, И. В. Григорьевой, А. И. Данилова, В. И. Дашичева, Р. В. Долгилевича, Н. П. Комоловой, Д. Э. Куниной, Г. Лоцека, Б. И. Марушкина, Д. Е. Мельникова, А. Н. Мерцалова, Б. Г. Могильницкого, А. Ф. Носковой, Л. В. Овчинниковой, М. И. Орловой, А. И. Патрушева, Е. И. Половой, Д. М. Проектора, О. А. Ржешевского, В. И. Салова, А. М. Самсонова, В. А. Секистова, С. З. Случа, В. П. Смирнова, Н. И. Смоленского, С. Р. Сухорукова, С. Л. Тихвинского, В. А. Тишкова, В. Хрисанфова, Н. С. Черкасова. Их работы содержат трактовки тех или иных периодов истории, освещают конкретно-исторические темы, творчество отдельных ученых. Ими созданы общие работы об историографии, ее социальной и политической ориентированности, методологических основах различных ее направлений, ее эволюции в 40—80-е гг., организационной и источниковой основах. Исследованию темы способствуют также новые труды о предыстории и современном развитии ФРГ²⁸.

Тема предлагаемой читателю книги в марксистской литературе изучена недостаточно. Освещены лишь отдельные моменты в общих работах о буржуазной историографии ФРГ и других стран, главным образом США, Англии, Франции, Италии. Таковы работы А. С. Бланка, Л. И. Гинцберга, Г. Лоцека, П. Ю. Рахшмира, Р. Рихтера. Предмет их анализа составили труды, в основном изданные в 50—70-е гг. Некоторые моменты освещены в ряде частных работ: статьях А. Г. Сенчакова и Н. С. Черкасова о книгах Й. Феста и К. Д. Брахера²⁹, рецензиях Л. А. Безыменского и С. З. Случа³⁰.

В критической литературе наблюдается стремление рассматривать суждения о фашизме вне тесной связи с анализом концепции Сопротивления. Представляется, однако, целесообразным исходить из того, что фашизм и борьба с ним непосредственно — логически, исторически и историографически — связаны. Так, в духе персонификации фашизма борьба с ним, как правило, сводится к устранению

одного лишь Гитлера; с расширением же круга лиц, социальных групп, слоев, ответственных за фашизм, изменяется и трактовка борьбы. Из оценки фашизма как движения народных масс вытекают выводы о невозможности народного Сопrotивления и возможности свержения фашизма лишь с помощью внешних сил или путем верхушечного государственного переворота³¹. Иными словами, понятия фашизм и антифашизм (объект, субъект, формы борьбы) органически связаны друг с другом. То же необходимо сказать и о вовлечении в исследование некоторых трудов о второй мировой войне. Проблемы фашизма, войны, антифашистской и антивоенной борьбы не только органически связаны друг с другом, но и в значительной степени совпадают. Это сознают и некоторые немарксистские авторы³².

Автор исследования опирается на труды историков СССР и ГДР по истории фашизма³³, прежде всего на коллективное исследование «История фашизма в Западной Европе» (М., 1978). Многочисленные публикации предприняты в ГДР в связи с 50-летием со дня установления фашистской диктатуры³⁴, особое место занимает 6-томное издание «Германия во второй мировой войне»³⁵.

Однако ряд важных проблем по-прежнему изучен недостаточно. Среди них — взаимоотношения фашизма с различными классами и слоями Германии в 1933—1945 гг., структура государства, экономическая и социальная политика, ряд вопросов внешней политики, повседневная жизнь немцев, место истории этого периода в современном политическом сознании населения ФРГ. В этой связи повышается актуальность критики буржуазной историографии германского фашизма, но усложняется и сама задача критики.

В последние десятилетия тема фашизма и антифашизма нашла отражение также в документах ГКП³⁶, трудах ее руководителей³⁷ и марксистской литературе ФРГ³⁸. Эти публикации имеют принципиальное значение для осмысления немарксистской литературы о фашизме и Сопrotивлении как особого явления современной общественной мысли ФРГ.

Исследование истории фашизма и антифашизма, его использование в политических и идеологических целях претерпели в ФРГ эволюцию. Это исследование уходит своими корнями в публицистику военных лет, от демократической и либеральной (в эмиграции) до фашистской — в самой Германии. Тогда появились многие современные взгляды,

Во второй половине 40-х гг. в литературе Западной Германии были широко представлены антифашистские тенденции. Фашизм и антифашизм освещались сравнительно объективно. Либеральный историк В. Альтгельд доминировавшую тогда мемуарную литературу участников Сопротивления верно оценивал как «продолжение борьбы за лучшее будущее Германии»³⁹.

Во время «холодной войны» регрессивные силы в политике, идеологии, историографии затормозили развитие научного знания. Крайне консервативные историки, мемуаристы, публицисты, выражавшие, по существу, точку зрения правящих кругов, представляли фашизм в виде порождения порочных идей Гитлера и его ближайших сообщников, но выдавали его за «народное движение», нарочито смешивая его массовую базу и социальную сущность, отрицали его связи с монополистическим капиталом, военными и штатскими чиновниками. Эти же авторы апологетически оценивали правое крыло заговора 20 июля 1944 г., хотя фактическое его влияние на ход войны было весьма незначительным; феномен Сопротивления предельно сужали до покушения 20 июля, а мотивы его ограничивали религиозно-этическими. В это время в ФРГ вспыхивали кампании травли Сопротивления. «Прославление нацистского господства до сих пор (Альтгельд писал эти строки в 1984 г. — Л. М.) встречается в старо- и новофашистских кругах»⁴⁰.

В последние 20 лет большинство консервативных историков ФРГ отмежевались от грубой клеветы в трактовке фашизма и Сопротивления. Они составили умеренно-консервативное направление. Некоторые авторы стали говорить о появлении «критического социально-исторического анализа» (Г. Шульц)⁴¹. Определенное усиление реалистических моментов и переход от грубых искажений к более гибким характерны для всей буржуазной историографии⁴². Получила развитие либеральная, буржуазно-демократическая, социал-демократическая, левосоциалистическая литература о фашизме и Сопротивлении*. В это же время в ФРГ возникла марксистско-ленинская литература. Однако наибольшее распространение по-прежнему имеют труды консервативных историков.

Эволюция немарксистской историографии фашизма в

* В настоящей книге принята классификация немарксистской историографии, разработанная Г. Лоцеком, А. Н. Мерцаловым, В. А. Тишковым и другими учеными.

определенной мере вызвана внешними факторами: эволюцией мирового социалистического содружества, в том числе успехами марксистской историографии СССР и ГДР в осмыслении фашизма и Сопrotивления; весьма успешными попытками капитализма приспособиться к новым условиям, стремлением к саморегулированию, крахом политики «холодной войны» и разрядкой международной напряженности. В самой ФРГ, несомненно, действовали такие политические факторы, как правление социал-либеральной коалиции, некоторая демократизация внутренней жизни страны, существенные изменения в ее внешней политике; стремление СДПГ создать собственную историографию, в первую очередь истории новейшего времени.

Главную же роль сыграли внутринаучные факторы. Повысился профессиональный уровень исторической литературы. Усилилось внимание к методологической, историографической, библиографической работе, расширилась источниковая база. В науку пришли молодые силы, в меньшей степени обремененные старыми традициями: В. Випперманн, В. Егер, Д. Пойкерт и др. Оказали воздействие развитие западногерманской, главным образом социал-демократической историографии рабочего движения⁴³; попытки разработать методологическую концепцию «социальной истории» взамен «истории событийной»⁴⁴.

Характеризуя в самых общих чертах новый, наиболее распространенный в ФРГ подход, отметим более или менее последовательный отказ от старого, весьма узкого и формирования более широкого (хронологически, географически и тематически) взгляда на предмет исследования. Была создана литература по региональной истории страны⁴⁵. Ученые обратились к генезису фашизма и Сопrotивления, различным другим проблемам. В несравненно большей степени получили освещение преемственность германского милитаризма и империализма в XIX—XX вв., ответственность за установление фашистской диктатуры и ее преступления различных кругов правящей элиты — владельцев монополий, чиновничества, глобальный характер завоевательной программы германского империализма, место операции «Барбаросса» в его общих планах.

Возникла сравнительно большая литература по экономической истории Германии фашистского периода⁴⁶, что нашло отражение, в частности, в I томе официального десятитомника «Германская империя и вторая мировая война».

Во второй части тома довольно полно освещена военно-экономическая подготовка агрессии. Автор этой части Г.-Е. Фолькманн* обращается к таким нетрадиционным для консервативных историков ФРГ, но представленным в марксистско-ленинской литературе вопросам, как мировой кризис 1929—1933 гг., и попытки преодолеть его на путях милитаризации экономики, фашистская организация хозяйства, внешнеэкономическая экспансия, военная экономика и агрессия⁴⁷. Во многих новейших трудах представлено мнение об авантюристичности агрессивной программы, особенно о ее военно-экономической необеспеченности⁴⁸.

Весьма широкое развитие получила научная литература о внешней политике германского фашизма⁴⁹ и его преступлениях, в том числе концлагерях⁵⁰. Характерно, что если в ранних трудах преобладал интерес к нравственной стороне проблемы, то в поздних — к ее социально-экономической стороне. Так, в т. 11 «Германской истории» показано, что «использование Бухенвальда давало ежемесячный доход в 2 млн. марок»⁵¹. Наряду с объективным материалом в ряде книг по-прежнему представлен несостоятельный тезис об общей ответственности за преступления всех участников войны⁵². Получили распространение труды о церкви⁵³, юстиции⁵⁴, науке и школе⁵⁵, художественной литературе в фашистской Германии⁵⁶. Заметное место в историографии заняла литература о повседневной жизни в стране 1933—1945 гг. и связанные с нею труды об интеллигенции, женщинах, молодежи; появился ряд работ о разгроме фашизма, о «Германии в час ноль»⁵⁷.

Фальсификация, свойственная идеологической функции главным образом консервативной историографии, стала носить, как правило, изощренный характер⁵⁸. Лавируют даже неофашистские публицисты. Так, Э. Хельмдах фарисейски отмежевывается от «коричневых комиссаров» с их «тотальной ненавистью к славянству», с их «несолдатскими приказами». Другие приняли тезис умеренных консерваторов об «общей ответственности». Изображая внимание к простым людям, неофашистские издания предоставляют свои страницы для воспоминаний рядовым и унтер-офицерам вермахта⁵⁹.

Предмет нашего исследования составила западногерманская буржуазная историография истории немецкого фа-

* Принадлежность к доминирующему в историографии ФРГ умеренно-консервативному направлению в книге не оговаривается.

шизма, опубликованная в основном в конце 70-х — первой половине 80-х гг. Именно в это время в литературе произошли существенные количественные и качественные изменения. Изучение фашизма и антифашизма в условиях обострения противоборства милитаристских и антивоенных сил приобрело сильное идейно-политическое звучание. Расширились социальные функции исторической науки. И среди ученых, и среди населения вырос интерес к непосредственной предьстории ФРГ⁶⁰.

В книге в первую очередь анализируются специальные труды видных представителей главных направлений западногерманской историографии, а также документы и материалы политических партий, выступления политических деятелей страны, в которых отражены те или иные моменты истории фашизма. Тема отражена и в большинстве работ по новейшей истории. Многие крупные историки разрабатывают проблемы истории фашизма, Сопротивления, второй мировой войны, ее итогов, пытаясь рассмотреть события и явления в их взаимозависимости. Это значительно расширяет историографический источник. Он включает также специальные историографические и библиографические работы, документальные и мемуарные публикации; материалы о деятельности исследовательских учреждений, Союза западногерманских историков. Анализируются труды, изданные в связи с 50-летием прихода к власти фашизма, 40-летием покушения полковника К. Штауффенберга 20 июля 1944 г., 40-летием окончания второй мировой войны в Европе. Многие из них носят итоговый характер. Особое внимание уделено качественно новым для историографии ФРГ явлениям: освещению фашизма и антифашизма в трудах школы Ф. Фишера, других либералов, историографии повседневной жизни в Германии 1933—1945 гг.

Расширение предмета исследования связано также с тем, что в последние полтора — два десятилетия дальновидные представители литературы ФРГ о современной истории усилили попытки вывести ее из кризиса⁶¹, они понимают, что без совершенствования теоретического инструментария историография не может выполнять свои социальные функции. Актуальная литература о фашизме и антифашизме используется в качестве своеобразной лаборатории для разработки наиболее эффективных методов и приемов исследования прошлого и применения научных достижений в идеологических и политических целях. История фашизма, Соп-

противления, второй мировой войны представляет собой главную арену полемики марксистско-ленинской и немарксистской историографии. Речь идет не только о господствующих в историографии ФРГ умеренных консерваторах. Стремление СДПГ, СвДП, различных общественных организаций использовать знания в идеологических и политических целях обусловили повышенный интерес к методологии также и со стороны других немарксистских историков. Адекватное представление о новейшей историографии фашизма и Сопротивления можно получить, лишь рассматривая ее на широком методологическом фоне. В этих же целях в ряде случаев привлекаются труды социал-демократических историков.

Отмеченные черты новейшей историографии ФРГ обусловили и структуру книги. Первая глава посвящена организационным и методологическим вопросам буржуазной историографии*. Во второй и третьей главах предмет критики составили трактовки германского фашизма в различных направлениях литературы.

* Выделение такой главы обусловлено не только особенностями историографии ФРГ, но и требованиями XXVII съезда КПСС о творческом развитии методологии социального познания (см.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 167).

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

§ 1. ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАШИЗМА

Как и в прошлые десятилетия, ныне в ФРГ нет единого центра изучения фашизма, исключительно занимающегося этой проблематикой. Ее исследуют многие учреждения. Наиболее крупным из них является мюнхенский Институт современной истории, созданный в 50-е гг. специально для изучения возникновения фашизма, его внутренней и внешней политики, причин его разгрома. Масштабы деятельности института широки. Значительное место занимают сбор и обработка документов, воспоминаний очевидцев, других материалов. Уже в 1959 г. он располагал 35 тыс. томов документов различных партийных и государственных органов, фотокопиями актов Нюрнбергского процесса и др.¹ Они широко используются исследователями, находят отражение в виде документальных публикаций. Так, сотрудник института Х. Буххайм издал материалы об использовании военной экономикой Германии в 1941—1943 гг. оккупированных территорий СССР².

Ученые института и сотрудничающие с ним специалисты создали ряд крупных трудов. Прежде всего это специальные исследования директора института М. Брошата «Государство Гитлера», «Захват власти»³. Одним из первых среди немарксистских ученых он показал связь фашизма с монополиями, обратил особое внимание на политические и иные разногласия между фашистской партией (НСДАП), вермахтом, государственным аппаратом и монополиями. Брошат правдиво оценил концлагеря, показал широкое использование труда узников в промышленности и сельском хо-

зьястве⁴. К 50-летию со дня установления диктатуры институт подготовил три сборника статей «Третья империя»⁵. Переизданы двухтомник документов «Анатомия государства СС», подготовленные видным историком и политологом Г.-А. Якобсеном документы СД о попытке государственно-го переворота 20 июля 1944 г., составленный В. Хофером сборник документов «Нацизм»⁶.

С 1953 г. институт выпускает журнал «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». Тема фашизма неизменно в нем представлена. Таковы проблемы: экономическое «умиротворение» Германии со стороны Англии и Франции, оккупационная политика на Украине, молодежное оппозиционное движение, прусская традиция в истории Германии 1933—1945 годов⁷. Нетрадиционными для журнала, как и умеренно-консервативной историографии в целом, являются новейшие попытки исследовать германское общество в фашистский период и его реакцию на законодательную политику, движение Соппротивления, пацифистское движение в последние годы Веймарской республики, взаимоотношения фашизма и церкви⁸.

В 1982 г. институтом проведено обсуждение теоретической проблемы — «Особый германский путь — миф или реальность?» с участием К. Д. Брахера, Э. Нольте, М. Штюмера; в 1984 г. организован симпозиум по изучению повседневной жизни в Германии⁹. Институт опубликовал материалы международной конференции о причинах установления в Германии диктатуры. Ряд авторов пытались высказать влияние мирового экономического кризиса на этот процесс¹⁰.

Другой центр изучения фашизма — это Военно-историческое исследовательское ведомство во Фрайбурге, созданное в 1957 г. министерством обороны. Самой крупной его публикацией является издающийся с 1979 г. уже упоминавшийся десятитомник «Германская империя и вторая мировая война» (выпущены первые пять томов). Авторский коллектив составили известные исследователи в основном умеренно-консервативного направления — В. Ветте, В. Дайст, К. А. Майер, М. Мессершмидт, Х. Роде, Х.-Э. Фолькманн, Б. Штегеманн, Х. Умбрайт. В вышедших пяти томах рассмотрены причины и предпосылки «немецкой военной политики» (т. е. агрессии), попытки установить гегемонию на европейском континенте, события на Средиземном море и в Юго-Восточной Европе в 1940—1941 гг., начальный период

войны против СССР. Из последующих книг издания наибольший интерес для изучаемой темы, очевидно, представят тома о военной экономике Германии и причинах краха фашизма. Отметим также отдельные публикации Фрайбургского центра по истории фашизма, сопротивления среди военных, военной истории страны 1933—1945 гг.¹¹

Исследование фашизма осуществляется институтами исторических и политических наук большинства университетов ФРГ. Так, профессором Боннского университета Г.-А. Якобсеном были изданы в последнее десятилетие серьезные труды о преобладающей во внешней политике Германии, роли дипломатии в «третьей империи»¹². Профессор этого же университета К. Д. Брахер издал книгу «Германская диктатура», которая в 1969—1983 гг. выдержала шесть изданий и остается заметным явлением в историографии. Из его трудов следует отметить книгу «Европа в кризисе» (проблемы внутри- и внешнеполитической истории континента после 1917 г.). Антикоммунизм в политике империалистических держав в 20—30-е гг. рассматривается в его статье (в книге «Германский вопрос и европейское равновесие»). Написанный им историографический обзор литературы о фашизме опубликован в книге «Развитие политической науки в ФРГ»¹³.

Ряд трудов издан университетом в Маннгейме. Среди них — работы В. Михалки: «Риббентроп и германская мировая политика 1933—1940»¹⁴ и двухтомный сборник документов (в их числе и впервые увидевшие свет) «Третья империя». В т. I «Народная общность» и великодержавная политика 1933—1939 годов» и т. II «Претензии на мировое господство и национальный крах в 1939—1945 годах» представлены документы политического, социального, экономического господства, в меньшей степени — повседневной жизни. Они сгруппированы по темам в хронологической последовательности. Каждому разделу предшествует анализ проблемы. I том снабжен значительным числом таблиц, в которых отражена главным образом экономика страны. Некоторые суждения автора противоречивы: монополист Я. Шахт был одновременно и «рупором крупной промышленности» и «противником экспансии и вооружения»; «царило согласие между нацистами и представителями почти всех политических, экономических и военных элит в оценке целей и методов германской внешней политики» и в то же время «рейхсвер, крупная индустрия и церковь» были «противниками фашизма»¹⁵.

Исследованием и популяризацией знаний по истории фашизма и Сопротивления занимается федеральный центр политического образования в Бонне и его региональные отделения. Публикуемые им материалы сопровождаются примечанием о том, что он не несет ответственности за их содержание. Характерно, что центр опубликовал и книгу видного советского историка и экономиста В. И. Дашичева «Отказаться от образа врага»¹⁶. С центром активно сотрудничают историки умеренно-консервативного, либерального, социал-демократического, в меньшей степени буржуазно-демократического направлений. В 1983 г. было опубликовано итоговое исследование «Нацистская диктатура»¹⁷, написанное К. Д. Брахером, А. Хилльгрубером, Г.-А. Якобсенем, Ф. Фишером, М. Функе. Издана также книга «Разрушение и захват власти» (К. Д. Брахер, А. Хилльгрубер, В. Альтгельд, Р. Лилль, П. Штайнбах, В. Хофер). Захват власти фашистами здесь отождествлен с «кризисом конституционной системы и политической культуры», при этом предпочтение отдано идеологическим факторам в ущерб социально-экономическим. Заслуживают внимания главы Хофера об историографии фашизма и Лилля — о сравнительном анализе итальянского и германского фашизма¹⁸. Книга «Нацистское господство»¹⁹ написана преимущественно либеральными историками — Х.-У. Велером, Г. А. Винклером, П. Диль-Тилем, А. Зальдерн, Х. М. Лампертом. В ней отражены захват власти фашистами, социальная база движения и социальная политика режима, соотношение внутренней и внешней политики, место этого периода в германской истории. Преподаванию истории фашизма и Сопротивления посвящены книги «Нацизм как дидактическая проблема» и «Политика в школьных учебниках»²⁰. Эта тема привлекает исследователей и из других учреждений, в частности из института им. М. Планка²¹.

Некоторые моменты истории фашизма отражены в трудах иных исследовательских центров. Так, обществом им. Л. Ранке²² в серии «Германские руководящие слои в новое время» выпущены книги «Немецкий офицерский корпус в 1860—1960» и «Дипломатический корпус в 1871—1945»²³. В 1986 г. Институт европейской истории в Майнце опубликовал монографическое исследование об англо-германских отношениях 1933—1939 гг. «От конкуренции к враждебности» и работу «Индустрия и политика в третьей империи»²⁴. Имеют отношение к теме труды кельнского ин-

ститута восточных и международных исследований: книга его директора Д. Гейера «Клио в Москве и советская история» и его же статья «Восточная политика в историческом сознании немцев»²⁵.

Вклад в изучение фашизма и его предыстории вносят фонды Ф. Тиссена, К. Сименса, Фольксвагенверке. Среди многочисленных публикаций, осуществленных с помощью первого из них — книга «Веймар: самоубийство демократии»²⁶. Председатель попечительского совета фонда К. Биренбах в одном из своих выступлений, выдержанных в крайне консервативном духе, сказал: «Нацизм, вторая мировая война и раздел Германии являются разрывом с национальной традицией». Он не скрывал, что деятельность фонда идеологически ориентирована против ГДР, коммунизма вообще²⁷. Значительную роль в изучении фашизма играют такие известные журналы, как «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», «Aus Politik und Zeitgeschichte», «Historische Zeitschrift», «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht» (опраны Союзов историков и учителей истории ФРГ), «Frankfurter Hefte», «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte» и др. Они публикуют новые документы, проводят дискуссии по методологическим вопросам*.

Центром, объединившим ряд либеральных историков, стал журнал «Geschichte und Gesellschaft». Он возник в 1975 г. и выходит четыре раза в год. Членами редколлегии являются известные ученые К. Бойме, Х.-У. Велер, Х. А. Винклер, Д. Гейер, А. Екель, К. Кокка, В. Й. Моммзен, Т. Шидер, Г. Х. Шрёдер и др. Интересы журнала и его авторов обширны. Он обсуждает крупные проблемы. Среди них — «Наполеоновское господство и модернизация» (1980), «Национальные проблемы в Восточной Европе» (1982). В журнале были опубликованы материалы по предыстории и истории фашизма, например о внешних сношениях Германии в области экономики и политики, системе фашистского господства. Второй номер журнала за 1986 г. посвящен теме «Фашизм в авторитарных системах» (статьи А. Хайнена, В. Л. Бернекера о фашизме в Румынии, Венгрии и Испании). Интересны многочисленные публикации о западногерманской литературе (1981, № 2). Среди них — обобщающая статья В. Й. Моммзена «Современные тенденции в историографии ФРГ».

Значительное место занимают дискуссии по ряду спор-

* Подробнее см. главу вторую.

ных проблем: о «больном» хозяйстве Веймарской республики (1985, № 5), о роли «Германского трудового фронта» и о положении «старого среднего слоя» (1986, № 2).

Журнал привлекает зарубежных единомышленников. Такова статья канадского профессора М. Катера «Конфликт поколений как фактор развития нацистского движения». В центре внимания автора — «связь между разочарованием молодежи после первой мировой войны и подъемом нацизма», слабое влияние фашизма на коммунистическую молодежь. Он пытается выяснить, насколько верно мнение о «нацизме как продукте среднего сословия», «движении провинциалов», изучить особенности мышления людей из провинции, где конфликт поколений будто бы был «менее интенсивным, чем в крупных городах». «Фашизм, — считает автор, — был всем чем угодно, но не явлением крупных городов»²⁸.

В третьем номере (1986) журнала показано развитие науки в фашистской Германии (обществознание, математика, физика). Автор введения к номеру В. Липенис ставит под сомнение тезисы о «тяжеловесной упрощенности тоталитарной социальной структуры», «всеобщей нетерпимости» и показывает, что в 1933—1945 гг. «официально проводились научные исследования и обучение; дисциплины, которые должны были бы вызвать подозрительность властей, переживали решительный профессиональный сдвиг, из которого они (науки. — Л. М.) извлекали пользу и после 1945 г.»²⁹

В статье «Разочарование и двусмысленность. К истории правых социологов в «третьей империи» Дж. Мюллер (США) опровергает известный тезис Э. Нольте о фашизме как движении против модернизации и отрицании научно-технического прогресса³⁰. «Вероятно, самым удивительным открытием новейших исследований о социальной науке в «третьей империи», — считает автор, — являются масштабы эмпирических исследований и других форм «прикладных» социальных наук, а также преемственность, которая связывает эти науки в периоды веймарский, фашистский и послевоенный». Автор иллюстрирует свои выводы широко поставленными исследованиями по «психологии господства», «психологии люфтваффе», сообщает, что при «Германском трудовом фронте» был создан «Германский институт технического обучения»³¹.

Наряду с известными еще с 50-х гг. умеренно-консервативными издательствами «Bernard und Graefe», «Droste»

активизировались издательства «Campus»³², «Schwann»³³, «Klett-Cotta»³⁴, публикующие в основном либеральных авторов. Специальные труды о роли крупной индустрии в становлении фашизма, государственной экономике, социальной политике, пацифистских движениях, месте историографии фашизма в политическом образовании граждан ФРГ вышли в издательстве «Vandenhoeck & Ruprecht»³⁵. В издательстве «Bertelsmann» опубликованы книги, написанные с различных методологических позиций. Так, популярное издание «Вторая мировая война. Картины. Даты. Документы» выдержано в крайне консервативном духе. Разделы и главы о фашизме пятитомника «Германия. Портреты нации» написаны умеренными консерваторами и либералами. Отметим, в частности, что автором предисловия к первому тому является Р. Вайцекер, президент ФРГ, выступающий и как либеральный историк³⁶.

Крупнейшим в ФРГ центром буржуазно-демократической историографии является книгоиздательская и книготорговая фирма «Die Tat», объединяющая в первую очередь издательства «Röderberg»³⁷ (Франкфурт-на-Майне) и «Pahl-Rugenstein» (Кельн).

Основанное в 1957 г. издательство «Pahl-Rugenstein» выпускает в настоящее время ежегодно более ста книг, рассчитанных на самые широкие читательские круги. 80 процентов его продукции посвящено истории и политике, в том числе — фашизму и антифашизму³⁸. Особое место занимает литература, выходящая под девизом «Прошлое не умерло. Оно еще даже не прошло». Она является важным подспорьем для всех демократических сил страны. В этом издательстве вышла известная публикация «Генералы за мир». Здесь же изданы работы прогрессивного публициста Г. Каде, в частности «Русские и мы», исследование Э. Дидфельбингера о движении за мир в ФРГ в 1948—1955 гг.³⁹ Выпускаются книги в сотрудничестве с советскими издательствами. В их числе — «Предыстория германо-советского пакта о ненападении» В. Сиполса, «Московская битва» Л. Безыменского, «Сталинград» Н. Крылова. Это издательство выпустило полный текст докладов М. С. Горбачева на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС и на торжественном заседании в Кремле 2 ноября 1987 г. и его книгу «Перестройка» (1988).

Среди новейших книг по истории фашизма, опубликованных кельнским издательством, отметим труды У. Хёрстер-

Филлипс⁴⁰. Ряд книг посвящен захвату власти в Германии фашистами⁴¹; значительно количество публикаций по истории немецкого Сопротивления, в том числе антифашистской борьбы молодежи⁴². Автор исследования «Концепции фашизма и антифашистская стратегия СДПГ» В. Заггау, оценивая теорию и практическую деятельность этой партии в последний период Веймарской республики и в эмиграции, показывает, что сотрудничество руководства СДПГ с буржуазными партиями отвлекало трудящихся от борьбы против фашизма⁴³. В 1984—1985 гг. издательство выпустило в свет двухтомный указатель памятных мест, связанных с историей Сопротивления и фашистского террора в Германии⁴⁴.

Значительным центром демократической литературы является журнал «Blätter für deutsche und internationale Politik». Его издатели — историки, философы, экономисты, юристы, теологи буржуазно-демократической или левосоциалистической ориентации. Интересующая нас тематика постоянно находит место на страницах журнала. Большое внимание уделено ей в связи с 50-летней годовщиной установления фашизма в Германии, 40-летием заговора 20 июля и разгрома фашизма. Многие выступления журнала связаны с темой монополий и политической власти в прошлом и настоящем⁴⁵, а также с неофашизмом и другими проявлениями непреодоленного прошлого⁴⁶. Демократические историки публикуют свои работы и в журнале «Zivil Courage». Ученые-демократы, занимающиеся проблемами фашизма, активно сотрудничают с Марбургским университетом, где еще в 60-е гг. возникла известная школа левосоциалистических историков во главе с В. Абэндротом.

Существует несколько зарубежных центров исследования фашизма и антифашизма, тесно связанных с западногерманской историографией. Среди них — «Историческая комиссия» (Западный Берлин), занимающая в основном умеренно-консервативные позиции. Ею в 1984—1985 гг. издан сборник статей о захвате власти фашистами⁴⁷, материалы международной конференции о 40-летию покушения К. Штауффенберга⁴⁸. Западноберлинский центральный институт социальных исследований при Свободном университете в 1982 г. привлек историков, экономистов, философов, юристов, чтобы изучить структуры фашистского господства⁴⁹.

Исследование фашизма осуществляют и западногерман-

ские институты, находящиеся в Англии, Италии, Франции. Основанный в 1976 г. Институт германской истории в Лондоне наряду с ассигнованиями правительства ФРГ получает «щедрую» (по оценке английского ученого Д. Кершоу⁵⁰) поддержку из фонда Фольксвагенверке. На протяжении почти десяти лет институт возглавлял либеральный историк В. Й. Момзен. Важнейшими исследовательскими темами института являются немецкая эмиграция в Англию 1933—1945 гг., структура фашистского государства, английская политика «умиротворения» 30-х гг.⁵¹ Институт стремится поддержать интерес к немецкой истории среди ученых и общественности Англии. С этой целью историки страны получают возможность стажироваться в ведущих научных учреждениях ФРГ, публиковать свои труды. Сотрудники института принимают участие в международных конференциях⁵².

Немецкий институт в Риме находится в ведении правительства Западной Германии. Традиционной тематикой остаются средние века (появление института в 1888 г. было связано с открытием архивов Ватикана), однако значительно внимание исследователей и к германо-итальянским отношениям 30—40-х гг., ими создана большая литература о фашизме⁵³. Совместно с Институтом современной истории был проведен коллоквиум по истории германского и итальянского фашизма⁵⁴. Аналогичный германский исторический институт функционирует и в Париже⁵⁵.

§ 2. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ НАУКИ

Новейшим трудам ряда консервативных историков свойственны недостаточно высокий профессионализм и идеологическая обусловленность. Наряду с этим и вопреки этому они предпринимают подчас небезуспешные попытки всесторонне подойти к прошлому, усиливают внимание к социально-экономическим факторам. Проблема фашизма занимает узловое место в литературе по истории новейшего времени. Эту проблему нельзя изучить вне связи с исследованием всей новейшей истории, в первую очередь самой Германии, от ее участия в первой мировой войне до современного развития ФРГ. История фашизма особенно тесно связана с историей второй мировой войны, в ходе которой он проявил свою сущность наиболее полно. Во 2 и 3 раз-

делах главы рассматриваются лишь самые общие вопросы* — усиление внимания к методологии исторического исследования и социальным функциям науки; антикоммунистические и националистические проявления в литературе ФРГ.

Повышение общего интереса к методологии характеризуется в ФРГ выходом в свет сравнительно большого числа специальных работ. Среди них — труды об историзме и других общих проблемах⁵⁶; материалы дискуссий по теории исторической науки, публикации о связи историографии с иными общественными науками⁵⁷. В специальных и общих книгах отражены различные методологические вопросы изучения фашизма и Сопротивления⁵⁸.

Появились очерки методологии в крупных конкретно-исторических исследованиях. Такова работа Г.-А. Якобсена⁵⁹. В его главном труде «Путь к разделу мира» (о политике и стратегии периода второй мировой войны) большое место занимают вопросы истории фашизма и антифашизма. В методологическом очерке он разбирает замеченные им в мировой литературе пять принципов исследования истории: военный, национально-государственный, региональный, всемирно-исторический, идеологический. Не без оснований автор показывает ограниченность ряда принципов, в первую очередь «военного», по его мнению, доминирующего.

На самом деле многие консервативные историки ограничиваются изучением почти исключительно военных действий. Нельзя отрицать определенного его значения, однако, верно отмечает Якобсен, такой подход не позволяет «ответить на решающий вопрос о смысле войны»; ее рассматривают лишь как «некий феномен огня и движения»⁶⁰. Тем не менее Якобсен не замечает одного важного обстоятельства, на которое обращал внимание академик А. М. Самсонов еще в 1965 г. Само по себе повышенное внимание к чисто военной истории не может объяснить те ее сознательные искажения, которые характеризуют работы многих западногерманских военных историков, игнорирующих истоки войны и фашизма.

Якобсен справедливо отмечает ограниченность «национально-государственного» принципа, последователи которого истолковывают историю главным образом с точки зрения особенностей отдельной нации, вследствие чего событие час-

* Методологические аспекты трудов о фашизме рассматриваются также в последующих главах.

то выступает как «провинциальное явление»⁶¹. Они забывают, что их нация составляет «лишь часть громадного сообщества» наций. Автор не сумел, однако, показать, что данный принцип на деле часто оказывается националистическим и даже шовинистическим и потому апологетическим и ненаучным. Самому исследователю не удалось до конца преодолеть это. В книге выделена специальная глава «Европейское Сопротивление 1939—1945», показаны цели Сопротивления в Европе и освободительных движений в Азии наряду с военными целями великих держав. Однако Сопротивлению в Германии отведено неоправданно большое место⁶². Не показаны его связи с движениями в других странах, его особенности, место в истории.

Якобсен не принял неонацистский тезис о «ненависти» лидеров антифашистской коалиции ко всем немцам⁶³, но полагает, однако, что противники будто бы проявляли «раздражительность к немцам, трагически отождествляя их с нацизмом». Он подчеркивает преимущества «всемирно-исторического подхода», который «предъявляет как к ученым, так и к читателям, бесспорно, наивысшие требования», позволяет отразить «охватывающее весь мир переплетение политики, экономики, военного руководства», «глобальную взаимозависимость, все усиливающуюся начиная с 1941 г.» Свою книгу автор посвящает исследованию «всемирно-политических связей и последствий 1939—1945 гг.». Положение о единстве всемирно-исторического процесса давно обосновано классиками марксизма-ленинизма. В. И. Ленин так сформулировал одну из черт марксистской диалектики: «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения»*. Эта мысль составляет основу марксистско-ленинского понимания истории. К. Маркс постоянно отыскивал взаимосвязи жизни отдельных народов с жизнью всего мира⁶⁴.

Советской наукой уже в начале 60-х гг. в известной мере была создана концепция истории фашизма и антифашизма, истории второй мировой войны, которая учитывала связь многих военно-политических событий с важнейшими тенденциями современной эпохи, в том числе теми, ко-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 55. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте.

торые Якобсен недооценивает или не замечает. Отмечая «огромный поток литературы» о войне, он почему-то считает, что «до сих пор не удалось» показать место войны во всемирной истории, раскрыть ее как «феномен позднего империализма, эпохи революций, национально-освободительных движений». Этот тезис Якобсен высказал впервые на рубеже 50—60-х гг. Уже тогда он был по меньшей мере спорным. Но автор повторяет его и в конце 70-х гг. Такая задача в определенной степени решена марксистскими историками, хотя и не освещено еще вредное влияние сталинизма на внешнюю политику СССР, международное освободительное движение⁶⁵.

Заимствуя некоторые моменты марксистско-ленинской концепции, Якобсен подвергает ее критике: последователи «идеологического принципа исследования», «прежде всего» историки социалистических стран, минувшее будто бы «кладут в прокрустово ложе марксизма-ленинизма»⁶⁶. Вульгарная идеологизация исторического знания действительно свойственна советской историографии, деформированной сталинизмом. Тем не менее научная добросовестность, достаточно глубокое осмысление архивных и иных материалов позволили ряду историков добиться определенных успехов в воссоздании картины фашизма и борьбы народов против него.

В профессиональном отношении очерк Якобсена нельзя оценить высоко. Им не разработан критерий выделения принципов исследования, он характеризует их вне связи с общими дискуссиями западногерманских специалистов по теории исторической науки, в частности по вопросам о значении идиографического и номотетического методов, событийного и проблемного подходов, о роли структурных методов в историографии, о месте «социальной истории». Суждения автора подчас нелогичны, наблюдается разрыв между провозглашенными им методологическими требованиями и его конкретной исследовательской практикой. Так, историю войны он делит на два больших периода: «Борьба за «новый порядок» в Европе и Великоазиатское пространство. 1939—1943» и «Умиротворение» (кавычки Якобсена. — Л. М.) агрессоров антигитлеровской коалицией. Борьба за создание новой системы обеспечения мира во всем мире. 1943—1945». В ранних своих работах эти периоды он выделял с позиций фашистского блока, сейчас — лишь первый. Но если следовать «всемирно-историческому принци-

пу», было бы логичным всю периодизацию от начала до конца осуществить с позиций антифашистской коалиции, а не представлять ее лишь в качестве объекта агрессии. Выделение же Якобсеном периодов на разных логических основах создает ложное представление о том, что вместе с изменением характера вооруженной борьбы в 1942—1943 гг. изменились и политические цели агрессоров.

Методологический очерк Якобсена — явление весьма характерное для современной консервативной историографии ФРГ. Его идеи перекликаются со многими идеями упоминавшегося 10-томника. Издающие его основатели фрайбургского ведомства уже на рубеже 50—60-х гг. в значительной степени отмежевались от крайне консервативных методов изучения военной истории. Один из тогдашних руководителей ведомства Г. В. Грооте в докладе на XII международном конгрессе исторических наук рассматривал ее как часть политической истории, связанной также с экономическими и социальными факторами. Последующая деятельность ведомства показала, что группирующиеся вокруг него исследователи на самом деле в определенной мере преодолели пороки старой школы.

По мнению известного советского историка и журналиста Л. А. Безыменского, в наше время все труднее становится преподнести общественности Запада примитивные концепции, реабилитирующие фашизм. Такие взгляды критикуют сейчас не только марксистско-ленинские ученые, но и многие буржуазные и социал-демократические историки, хотя их критика и бывает подчас ограниченной. Автор ссылается при этом на труды Г.-А. Якобсена, А. Хильгрубера, К. Хильдебранда. Играют здесь роль также соображения политические, военно-прикладные. Представители умеренно-консервативной историографии воздерживаются от фальсификации, стремясь извлечь из прошлого те или иные уроки в интересах современного капиталистического общества⁶⁷.

Представляют интерес некоторые принципы, провозглашенные авторами 10-томника. Они раздвинули границы пред истории фашизма и войны, искусственно воздвигнутые крайними консерваторами. Во введении военная история верно истолковывается как «история общества в период войны» вопреки известной традиции сводить все к описанию военных действий и дипломатии. Авторы намерены изучать и уже изучают не только чисто военные, но и социально-

экономические проблемы. Изучение отдельных сторон события, верно полагают они, не дает еще полной его картины. Характерно, что они «совершенно не одобряют больше аксиому Мольтке», требовавшего «щадить престиж военных руководителей во имя войскового товарищества»⁶⁸. Иными словами, они намерены преодолеть апологию немецкого генерального штаба, деятельность которого составляет органическую часть истории фашизма. В первом томе более полно, чем в любой другой западногерманской книге, рассмотрена осуществлявшаяся фашистами всесторонняя подготовка агрессивной войны. Его первая часть названа: «Идеология, пропаганда и внутренняя политика как предпосылки военной политики третьей империи», вторая — «Подготовка к войне нацистской экономики», третья — «Вооружение вермахта», четвертая — «Внешняя политика и подготовка войны».

Однако упомянутые принципы, к сожалению, не обязательны для всех создателей книги. На деле оказывается, что позиции авторов разных глав и разделов, особенно четвертого тома, выражаясь словами одного из них — Ю. Фёрстера, «очень различны»⁶⁹. Это отнюдь не повышает профессиональный уровень издания. Многие вопросы фашизма и антифашизма освещены с разных позиций; крайне консервативных, умеренно-консервативных и либеральных, идеалистических и материалистических. Это свойственно и всей немарксистской историографии. Для методологии этих историков характерна также объективистская позиция. И. Дюльффер, осуждая ее, считает «необходимой и полной смысла критику существующих интерпретаций больших и малых событий»⁷⁰.

Из общих вопросов методологии наибольшее внимание ученых ФРГ привлекает проблема социальных функций историографии, ее места в современном обществе⁷¹. Рассматривая этот вопрос, необходимо руководствоваться всесторонней трактовкой социальных функций общественных наук, представленной в новой редакции «Программы КПСС» (М., 1986. С. 85). Большинство известных западногерманских авторов прямо или косвенно высказывают мысль о возрастании социальной роли исторической науки в современном мире. Так, уже на конференции западногерманских историков в 1971 г. был поставлен доклад Р. Козелека «Зачем нужна еще история?»⁷². В последующее время эта тема стала постоянной⁷³.

Т. Шидер в 1983 г. опубликовал статью «Историческое сознание и ориентация в будущем — о пользе истории для политической деятельности». Он полагает, что вопрос о том, «насколько исторические элементы определяют те или иные политические решения, «с точностью не изучен». Тем не менее он вполне определенно считает, что «история является необходимой составной частью политического образования», что, «устанавливая постоянные факторы политического поведения», разумно «используя исторические параллели», историк может «указывать предполагаемое развитие», «по крайней мере, должен предпринимать попытку» в этом направлении. Автор называет отдельных политических деятелей (в частности, К. Аденауэра), которые остро нуждались в этом. Шидер считает, что само «занятие историей» очень часто мотивировано преимущественно политически. При этом он ссылается на развитие научных исследований в Германии после первой мировой войны об ответственности за ее развязывание, после 1945 г. — о приходе фашистов к власти. Он напоминает, что историография участвовала в борьбе за объединение Германии в XIX в. Автор полагает возможным говорить о существовании ныне «политической историографии в собственном смысле, о продолжении политической борьбы научными средствами»⁷⁴.

Точку зрения Шидера разделяет близкий к СДПГ историк Х. Клессманн. В статье «Исследование Востока и политика жизненного пространства в третьей империи» он считает, что «исследование прошлого Восточной Европы с самого начала было более непосредственно переплетено с политикой, чем другие области исторической науки. Последняя получала от политики импульсы и порой сама с готовностью служила политическим целям». И далее: «Национал-консервативно-либеральная немецкая историография истории Восточной Европы едва ли расценивала 1933 г. как провал». Обращение представителей этой историографии к «исследованию Востока», с полным основанием отмечает Клессманн, «имело важное политическое значение для нацистской политики 30-х гг. и особенно периода второй мировой войны»⁷⁵.

Часто эти историки констатируют тесную связь современного политического развития с прошлым⁷⁶. Автор введения к 10-томнику М. Мессершмидт отмечает, что вторая мировая война изменила Европу «окончательно и бесповоротно», «создала новые всемирно-политические центры»,

вызвала глубокие изменения политико-социальных отношений Европы с другими континентами, изменила способы ведения войны. Без выяснения причин и итогов войны нельзя понять современность; «германской империи принадлежит центральная роль» в развязывании и ведении войны, поэтому «на историков ФРГ ложится особая ответственность за освещение истории войны»⁷⁷. Объективистские тенденции ослабляют позиции автора. Неясно его отношение к упомянутой «роли германского фашизма», а также к «последствиям» войны. Он безрезультатно пытается примирить свои собственные 10-томнику реалистические и апологетические тенденции.

Многие умеренные консерваторы, констатируя единую линию в развитии империалистической политики Германии XIX—XX вв., не идут, однако, дальше 1945 г. Они обходят молчанием и тот факт, что современные реакционные круги ФРГ продолжают, как подчеркивает Г. Мис, «роковую линию преемственности со старым германским империализмом»⁷⁸. К. Хильдебранд считает необходимым «поиск исторической преемственности и интеграционной силы для нового западногерманского государства» лишь в истории Сопrotивления⁷⁹.

Большинство немарксистских историков прямо или косвенно отмечают ныне партийность своей науки. Якобсен, всегда нарочито подчеркивавший свою «беспартийность», выдвинул требование изучать этическую сторону исторического явления. «Необходимо установить, как это собственно происходило», — повторяет он известный принцип Л. Ранке, который многие современные буржуазные историки представляют в качестве свидетельства своей объективности. Однако Якобсен фактически пересматривает этот принцип, делая к нему весьма существенное добавление. Исследователь, по его мнению, должен также «показать людям их вину, назвать своими именами зло и мрак»⁸⁰. Социал-демократический историк В. Егер, отмечая влияние на науку внеисториографических факторов, не без оснований полагает: «Как бы ни отличались друг от друга политические и научные взгляды различных историков, социологов и публицистов, всех их объединяет то, что они реконструируют прошлое с точки зрения практико-политических интересов, с учетом ориентации в настоящем и будущем»⁸¹. К. Карстенс в докладе на боннской конференции Союза (1982 г.) по теме: «Значение исторического сознания для демократического развития» призывал своих коллег активно поддерживать

внешнюю и внутреннюю политику правительства страны⁸².

Значительное число трудов посвящено роли историографии в развитии ФРГ, ее влиянию на различные социальные движения⁸³, формирование политического сознания⁸⁴. Создан ряд специальных работ о фашистских и антифашистских традициях в сознании немцев послевоенных десятилетий⁸⁵.

Ряд историографов в последние годы обратились к проблеме использования знания о современной истории правительствами ФРГ⁸⁶. В одном из своих выступлений канцлер Г. Коль говорил, что «отношение к Сопротивлению и нацизму является частью политической культуры ФРГ. Критика нашего прошлого отражает развитие и укрепление нашего демократического самосознания»⁸⁷. В историко-политическом приложении к официальной газете «Das Parlament» в 1984 г. была опубликована статья У. Эмриха и Ю. Нётцольда об «использовании заветов Сопротивления обоими германскими государствами для обоснования законности их политических порядков». Не принимая объективистских попыток поставить ГДР и ФРГ на одну доску, нельзя не согласиться с авторами в том, что правящие круги ФРГ действительно обращаются лишь к тем оппозиционным силам 1933—1945 гг., которые следовали «западной ориентации», что оправдывало бы современное вхождение ФРГ в НАТО. В трактовке Сопротивления, по справедливому мнению авторов, отражается также состояние отношений между двумя германскими государствами, между Востоком и Западом в целом. «Холодная война» породила в ФРГ «отождествление политического порядка ГДР с нацизмом». С разрядкой международной напряженности перешли к «чествованию Сопротивления», к антифашистским движениям начали относить также деятельность левых сил, в новой концепции Сопротивления покушение 20 июля уже не стало играть былую «центральную роль»⁸⁸.

Близкий к СДПГ Э. Костхорст еще раньше не без оснований отметил, что «трактовка Сопротивления в ФРГ находилась в прямой зависимости от отношения к нему правительства»⁸⁹. Это верно в том смысле, что правящие круги страны постоянно уделяют исключительное внимание недавнему прошлому, что ни в одной другой стране капиталистического мира проблематика фашизма и антифашизма не связана столь органически со всей общественной жизнью, что взгляды консервативных историков ФРГ действительно близки к концепции истории, принятой ХДС/ХСС. Однако не-

льзя односторонне представлять себе, что правительство само разрабатывает оценку того или иного события, а историки лишь принимают ее. Речь должна идти скорее о своеобразном взаимодействии. Как уже было показано критикой, например, необходимость изменить отношение ФРГ к социалистическим странам вначале была обоснована в исторической и иной общественно-научной литературе и лишь потом это нашло свое выражение в политике правительства. Опубликование в последние годы в ФРГ сборника речей президентов республики, посвященных покушению 20 июля 1944 г.⁹⁰, а также речей канцлера Г. Коля позволяет обратиться в данном вопросе к самим источникам*.

Можно привести и другие примеры единства между политико-историческими взглядами деятелей ХДС/ХСС и концепцией консервативной историографии. По мнению Якобсена, лозунг о восстановлении статус-кво 1937 г. будто бы был одной из целей антифашистской коалиции, стремившейся создать после войны прочную систему коллективной безопасности⁹¹. Сообщая об этом, как о чем-то само собой разумеющемся, автор игнорирует, что к 1937 г. Япония, например, захватила северо-восточные провинции Китая, Италия — Эфиопию. Тезис этот противоречит и известным решениям держав-победительниц о границах самой Германии. Характерно, что газета «Die Grünen» (1986. № 45. S. 4) осуждает «пересмотр исторических концепций» под влиянием ряда выступлений Коля.

Социальные функции немарксистской историографии нельзя ограничивать лишь одной идеологией и тем более — одной пропагандой. Достижения этой историографии активно пытаются использовать правящие круги капиталистических стран в интересах управления обществом, формирования внутренней и внешней политики, развития экономики и военного дела. Специалист по истории международных отношений Г. Хюртен подчеркивает в этой связи, что историческая наука обладает «сокровищницей опыта», которая «имеет большое значение» для современной деятельности людей во всех ее сферах и разработки планов на будущее. «Знание прошлого, — заключает он, — необходимо тому, кто думает о будущем»⁹². Весьма характерно, что в ФРГ вышел ряд работ, специально посвященных «роли исторического знания в ориентации на будущее, использованию истории в политических целях»⁹³.

* Анализ концепции Г. Коля см. в главе второй.

Усилилось внимание к прошлому для разработки определенных рекомендаций в интересах хозяйственного развития. На IX международном конгрессе по экономической истории широко обсуждалась, в частности, задача извлечь уроки из «великой депрессии» 30-х гг., использовать их как «самое эффективное средство», позволяющее ориентироваться в современной кризисной ситуации⁹⁴. Часто инициаторами исследований выступают монополии. Такое наблюдение относительно литературы США уже сделано В. А. Тишковым⁹⁵. Аналогичное прослеживается в литературе ФРГ⁹⁶. Часть исследований, осуществляемых по истории экспансии фашистской Германии в странах Юго-Восточной Европы, субсидируется концерном Фольксваген. Автор исследования по истории германо-японских отношений в XIX—XX вв. Э. Пауэр подчеркивает роль науки в развитии экономических контактов между ФРГ и Японией⁹⁷.

В 1979 г. на конференции в Кёльне К. Д. Брахер, К. Д. Эрдманн, А. Хилльгрубер и др. пытались извлечь уроки из краха Веймарской республики в поисках выхода из кризисного положения ФРГ (экономическая стагнация, «падение авторитета государства», «отчуждение молодежи») ⁹⁸. Другие авторы стремятся преодолеть «кризис патриотизма» среди молодежи⁹⁹. Брахер изучает Соппротивление, находя в нем образец для ФРГ¹⁰⁰. Его борцы возродили нарушенные фашизмом «гуманистические и освободительные традиции немецкой истории»¹⁰¹. Вопреки этому Брахер утверждает, что «главный лозунг нацизма ... примирение рабочего класса и национального государства» сохраняет свое значение и в наши дни, особенно для развивающихся стран¹⁰².

В предисловии к книге «Соппротивление и неповиновение в Германии 1933—1945 гг.», написанной с социал-демократических позиций, подчеркнута «неослабевающее драгоценнейшее влияние немецкого Соппротивления» на политическое «согласие», составившее основу ФРГ. В наши дни, когда это «согласие» пошатнулось, «идея Соппротивления», по мнению авторов, должна послужить «предостережением» для граждан республики¹⁰³. Более последовательно решает эту проблему Р. Кюнль. Он понимает, что историография фашизма и Соппротивления непосредственно связана с современной борьбой за демократию и прогресс. Вопрос о социальной основе фашизма он называет «истинным нервом капиталистического общества, в котором мы живем». «В этой ситуации, — пишет он, — выяснение правды о фашиз-

ме — его сути, причинах возникновения, движущих силах его политики — приобретает все большее значение»¹⁰⁴. По мнению близкого к СДПГ историка П. Штайнбаха, изучение опыта Сопrotивления необходимо для того, чтобы не допустить восстановления фашистской диктатуры¹⁰⁵.

Часть историков, преимущественно социал-демократы, считают себя приверженцами новой отрасли науки — исторической дидактики*. Они не без оснований исходят из воспитательного значения историографии фашизма и антифашизма. Среди их трудов отметим публикации федерального центра политического образования ФРГ «Нацизм как дидактическая проблема», института им. Ф. Эберта — о сопротивлении и эмиграции немецких рабочих 1938—1945 гг.¹⁰⁶, а также работы Э. Костхорста и Т.-Д. Шрамма¹⁰⁷. Х. Хан подвергает критике пессимистические выводы ученых из франкфуртского института социальных исследований, осуществивших в 1981 г. опрос молодежи. 95% опрошенных считали, что войны неизбежны, 80% ссылались при этом на дефицит полезных ископаемых, экономические кризисы и голод, 76% смирились с разрушением окружающей среды техникой и химией. В этой связи автор считает, что учитель должен объективно показывать уроки войны, предостерегает против примитивной трактовки молодыми людьми причин установления фашистской диктатуры. «Этот феномен, — отмечает автор, — много сложнее». Он считает необходимым учитывать политику правительства Брюнинга, положение рейхсвера в государстве, отношение различных слоев населения к парламентской демократии¹⁰⁸.

Многие военные историки и мемуаристы пишут книги, чтобы «передать наследие» вермахта бундесверу¹⁰⁹, разрабатывают специальные рекомендации¹¹⁰. Представляет интерес глава полковника из фрайбургского ведомства Н. Виггерхауса о влиянии Сопrotивления на население и армию ФРГ в книге «Сопrotивление военных Гитлеру и нацистский режим 1933—1945 годов». Не без оснований автор отмечает, что в ФРГ, «в отличие от других европейских стран, традиции Сопrotивления не укоренились в политической культуре населения». Он подчеркивает важность признания этих традиций для развития внешнеполитических связей страны, «завоевания доверия мира»¹¹¹.

* В ФРГ в это понятие вкладывают воспитание на материалах прошлого. Ср.: Полит. самообразование. 1985. № 10.

Между научной и идеологической функциями немарксистского обществоведения существуют противоречия. Известно, например, что стремлению консервативных историков извлечь из прошлого те или иные уроки для настоящего и будущего в интересах своего класса мешает их неспособность отделить представления, навеянные ненавистью к социализму, от политико-исторических реальностей. Издатель книги о внешней политике ГДР, например, верно отмечает враждебные «эмоции», представляющие собой «трудности исследования» в ФРГ истории ГДР¹¹². Именно эти противоречия в значительной степени объясняют появление в трудах представителей одного и того же направления, подчас одного и того же автора взаимоисключающих трактовок тех или иных исторических событий. Этим наряду с другими факторами объясняется встречающееся определенное несоответствие доминирующих тенденций в политике и идеологии господствующего в ФРГ класса, с одной стороны, и в буржуазной историографии — с другой.

Отмеченное суждение Костхорста некорректно. Даже в годы «холодной войны» в литературе ФРГ не было единой трактовки Сопrotивления, поскольку отнюдь не вся историография следовала официальной установке. Заметим, что и в правящих кругах нет единого мнения о фашизме и Сопrotивлении. Интересны в этом смысле позиции президента Р. Вайцекера и канцлера Г. Коля. С большим удовлетворением восприняла прогрессивная общественность заявление Вайцекера о том, что «8 мая было днем освобождения от человеконенавистнической системы нацистского господства», что между двумя датами немецкой истории — 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г. — существует прямая связь. Президент призвал отдать дань памяти погибшим в годы фашизма. Резко осудив преступления фашистов, он призвал осмыслить опыт истории: «Кто закрывает глаза на прошлое, оказывается слепым перед настоящим». Актуально прозвучал призыв Вайцекера научиться жить «вместе друг с другом, а не против друг друга»¹¹³.

Весьма показательны нападки крайних реакционеров на некоторые положения речи Вайцекера в бундестаге по случаю 40-летия окончания войны. Недовольство лидера «союза изгнанных» депутата парламента Г. Чая и других реваншистов вызвали мысли об ответственности фашистской клики за развязывание войны, геноцид, преследование социал-демократов, коммунистов и других демократов и

патриотов¹¹⁴. Близок к Вайцекеру по своей позиции бургомистр Штуттгарта М. Роммель. В 1939—1945 гг., говорил он, «огромное большинство немцев было убеждено в том, что Германия должна выиграть войну. Сегодня ... громадное большинство немцев убеждено в том, что было бы лучше войну под эгидой Гитлера проиграть, чем выиграть ее вместе с Гитлером»¹¹⁵.

Широко известно осуждение Марксом в «Критике Готской программы» сектантского утверждения о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют якобы сплошную реакционную массу (Т. 19. С. 12). Это относится и к критике немарксистской историографии. Расслоение последней отмечают и сами ее представители. Так, К. Хильдебранд исследовал различные трактовки внешней политики фашизма в историографии ФРГ. В отдельную группу им выделены апологеты фашизма, которые, по его мнению, в последние годы утратили преобладающее влияние¹¹⁶. Социал-демократический историк М. Г. Катер констатирует в историографии фашизма и Сопротивления «плюрализм исторических взглядов»¹¹⁷.

Современные антивоенные движения и деятельность историков, особенно демократического, социал-демократического, либерального направлений, тесно связаны. Правдивое освещение истории фашизма и антифашизма само по себе способствует лучшему взаимопониманию народов. Именно это было оговорено в советско-западногерманском соглашении о культурном сотрудничестве (1973 г.). Значительная часть этих историков помимо своей исследовательской работы непосредственно участвует в борьбе за мир. Таковы выступления издателей и редакторов кельнского общественно-политического журнала «Blätter für deutsche und internationale Politik» против превращения ФРГ в стартовую площадку для американского ядерного оружия. В дискуссии, организованной журналом по теме «Историческая катастрофа» или освобождение», приняли участие известные западногерманские историки-демократы. В частности, Абендрот отметил, что «капитуляция (и тем самым разгром «третьей империи») была и остается освобождением мира и Германии от фашизма, она открыла для немецкого населения путь к будущей гуманной цивилизации»¹¹⁸.

Показательно название работы историка-демократа В. Борма «Извлечь, наконец, уроки из немецкой истории»¹¹⁹. Б. Маусбах-Бромбергер, член президиума Союза

антифашистов, анализируя современную литературу о фашизме, отмечала «связь исторических исследований со всей политической работой Союза антифашистов. Учиться у истории означает бороться за мир и разоружение, против враждебности к иностранцам. Историографическая работа способствует политическому сотрудничеству с профсоюзами, социал-демократическими организациями и другими кругами»¹²⁰. Среди политических уроков, которые извлек О. Когон из краха Веймарской республики и последующего развития Германии, — требование прекратить гонку вооружений, «укрепить международное сосуществование и сотрудничество противоположных политико-экономико-культурных систем, защитить окружающую среду»¹²¹.

Часть историков и публицистов, учитывая усиление репрессий против участников альтернативных движений со стороны властей ФРГ и других стран Запада, обратились к более тщательному изучению «террора нацистов в тюрьмах и концлагерях». При этом прямо подчеркивается цель исследований: «предотвратить повторение преступлений и вызвать сострадание и солидарность с людьми, которые в различных частях планеты живут и умирают в аналогичных условиях»¹²². В литературе ФРГ активизировалась дискуссия о праве на сопротивление. В 1984 г. была опубликована книга Р. Лидтке «Сопротивление — долг гражданина». В ней помещены интервью с видными политическими деятелями, бургомистрами, учеными, писателями, военными, служителями церкви¹²³. Несколько усилилось внимание к истории борьбы за мир в предвоенные годы. Так, в издательстве «Schwann» в 1983 г. под редакцией Й. Каллиса вышел сборник статей с совершенно определенной задачей — привлечь внимание общественности к пацифизму как политическому движению в прошлом и настоящем, способствовать формированию «активного пацифизма» в интересах современной борьбы за мир¹²⁴. По мнению председателя Союза историков ФРГ Х. Майера, задача историков состоит в том, чтобы «помочь взаимопониманию между людьми»¹²⁵.

Определенное усиление реалистических тенденций не означает, однако, исчезновения старых антикоммунистических и националистических веяний в историографии ФРГ.

§ 3. АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

При чтении трудов современных антикоммунистически ориентированных историков на память невольно приходят слова видного немецкого военного историка и теоретика XIX в. К. Клаузевица, произведения которого так популярны в ФРГ¹²⁶. Он полагал, что «крайне важно проследить явления вплоть до их начальных элементов, т. е. до бесспорных истин, и не останавливаться, как это так часто бывает, на полпути, т. е. на каких-либо произвольных допущениях или предположениях». «Подлинное зло, — по мнению автора, — бывает тогда, когда за недостатком точных данных и полуизвестное признается достоянием», когда «выдумывают историю вместо того, чтобы ее писать»¹²⁷.

Эти мысли показывают, насколько далеки многие современные историки от их предшественника. Но в литературе, пораженной антикоммунизмом, мы сталкиваемся не только с полупрофессиональностью, с бездумным смешением научного поиска с вымыслом. При идеологически обусловленной методологии исследователь часто сознательно отказывается от элементарных научных норм. То, что в обычных условиях ученому представляется нелепым, в данном случае не подвергается сомнению, лишь бы оно служило обоснованию «образа неприятеля». Этим непосредственно обусловлено применение различных версий, несостоятельных и в научном, и этическом отношениях. Так, крайний консерватор Э. Топич пытается представить, что долговременной целью СССР является будто бы «установление московского мирового государства»¹²⁸.

Так же, как антикоммунизм империалистических политиков лишает их возможности трезво оценивать происходящие в современном мире события, соответствующая методология консервативных историков заслоняет от них реальное положение вещей в прошлом. Такова уже отмечавшаяся в советской историографии эволюция Брахера. В свое время он сравнительно много сделал для изучения фашизма и антифашизма. Усилившаяся в последние годы ненависть к коммунизму снизила его научные потенции. Он сделал предмет своей критики главным образом Советский Союз¹²⁹. В его книге «Европа в кризисе»¹³⁰, по существу, обойдены молчанием антисоветские планы фашизма, слабо отражен советско-германский фронт. Подтверждаются старые наблю-

дения: антикоммунист не может быть более или менее последовательным антифашистом и ученым.

В буржуазно-демократической и левосоциалистической литературе объективно показано влияние курса правящих кругов стран НАТО на освещение в значительной части консервативной литературы многих важных проблем истории. В книге М. Барча, Г.-Ф. Шебеша и Р. Шеппельманна читаем: «Враждебное представление о советском коммунизме, вбитое в головы немцев геббельсовской пропагандой, живет и поныне. Антикоммунизм и антисоветизм стали идеологией холодной войны и узаконения милитаризации»¹³¹. В исследовании К. Фюльберга-Штольберга об освещении СССР после 1945 г. во многих западногерманских учебниках по истории показано, что у населения целенаправленно воспитывается предубеждение против СССР, по фашистской традиции создается «портрет врага». «Агрессивный коммунизм» как «преемник русских царей» сделан «ответственным за холодную войну и раскол мира на враждебные блоки». Лозунг мирного сосуществования диффамируется как «инструмент идеологического манипулирования». отождествляя фашизм и коммунизм, правые круги ФРГ «противопоставляют восточно-коммунистическую диктатуру свободно-либеральной демократии». Фабрикуемый страх используется для того, чтобы представить политические и военные акции Запада в виде реакции на потенциальную угрозу. Автор показывает, что в этом отражены внутрисоциальные противоречия¹³². В новейших документах и материалах КПСС показано, что советской дипломатии не всегда удавалось использовать имевшиеся возможности в реализации лозунга мирного сосуществования. Мы позволили, в частности, втянуть себя в гонку вооружений¹³³. Концепция Фюльберга-Штольберга не отражает этого. Тем не менее в принципе она верна.

Наибольшим искажениям подвергаются взаимоотношения между ВКП(б), КПГ и другими коммунистическими партиями в 30—40-е гг. Коминтерн, как и современное мировое коммунистическое движение, консерваторы пытаются представить исключительно в виде «инструмента транснациональной политики»¹³⁴. Область применения этого приема широка. Как «предателей национальных интересов и агентов Москвы» правые третируют, по существу, всех инакомыслящих, в первую очередь участников антивоенных движений. В трудах историков-антикоммунистов доминирует

мысль, выраженная, в частности, Брахером: «Коммунисты Германии, как и других стран, действовали по директивам центра из Москвы, следовали интересам советской внешней политики»¹³⁵. Это заключение органически сочетается с концепцией «экспорта революции», известной еще со времен Великой французской буржуазной революции и подвергнутой критике в трудах основоположников марксизма-ленинизма¹³⁶.

В 30—40-е гг. коммунистическое движение в Германии, как и ряде других стран, было сильно ослаблено сталинизмом. Ложный тезис об идентичности фашизма, социал-демократизма и пацифизма, преступления при осуществлении коллективизации и индустриализации, физическое уничтожение большевистской гвардии, свыше 40 тыс. командиров Красной Армии, репрессии против членов КПГ и других партий подрывали саму идею коммунизма. Однако Сталину и его окружению не удалось полностью подчинить духовному и иному влиянию Коминтерн, КПГ и другие компартии. В них жили подлинные марксистско-ленинские традиции. Это позволило им в последующие десятилетия восстановить свои массовые организации и возглавить борьбу трудящихся своих стран¹³⁷.

В новейшей консервативной литературе антикоммунизм наиболее ярко выражен при освещении возникших в СССР в 1943 г. Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) и примыкавшего к нему Союза немецких офицеров (СНО). Названное движение немецких патриотов подчас, как и прежде, тенденциозно рассматривается исключительно в плане внешней политики СССР. Новой явилась попытка связать трактовку НКСГ с тезисом о сепаратных переговорах, которые будто бы вели советские дипломаты с фашистами во время войны*.

Важное место среди антикоммунистических концепций занимает доктрина тоталитаризма. Она оказывает влияние на трактовку фашизма и антифашизма большинством консервативных историков. Согласно этой доктрине фашизм и социализм являются вариантами так называемой «тоталитарной системы», возникшей в различных странах в XX в. вследствие развития «современного индустриального общества». Доктрина воспроизводит известную схему К. Каутского «демократия — диктатура», которую он использовал в

* Критику этих трактовок см. в главе второй.

своих попытках дискредитировать Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ленинизм. Несостоятельность этой схемы в свое время была вскрыта В. И. Лениным (см. т. 11, с.121; т. 37, с. 251). Последователи доктрины широко используют в антикоммунистических целях упоминавшиеся сталинские преступления на почве злоупотребления властью. Они нанесли серьезный ущерб делу социализма и авторитету КПСС. Тем не менее, подчеркивает М. С. Горбачев, «культ личности не был неизбежным. Он чужд природе социализма», «отступления от принципов социализма не могли свернуть наш народ, нашу страну с того пути, на который она встала, сделав свой выбор в 1917 году»¹³⁸.

В наше время в сочетании с концепциями индустриального общества и модернизации названная доктрина широко применяется в целях скрыть органическую связь фашизма с империализмом. Противоречие между социализмом и капитализмом ее адепты пытаются подменить схемой «свобода или тоталитаризм», направить естественную ненависть широких народных масс к фашизму в антикоммунистическое русло. Доктрина тоталитаризма используется как идеологическое оружие. В то же время она составляет методологическую основу консервативной историографии истории новейшего времени. Критику проявлений доктрины в немарксистской историографии марксисты с полным основанием считают одной из главных своих задач¹³⁹.

Доктрина оказывает воздействие на консервативную трактовку сущности фашизма и его внешней политики, что подтверждают некоторые представители самой историографии ФРГ¹⁴⁰. Так, Г. Раух считает, что в 30-е гг. Европе будто бы угрожала опасность раздела между Германией и СССР¹⁴¹. Под влиянием доктрины истолкованы многие аспекты второй мировой войны, особенно Великой Отечественной войны советского народа. По мнению Якобсена, эта война представляла собой «с обеих сторон тотальную идеологическую войну на уничтожение»¹⁴². Хильдебранд утверждает, что военные цели СССР и Германии в 1939—1941 гг. были «похожими как близнецы»¹⁴³. Доктрина составляет основу тезисов о «двух агрессорах», об «общей ответственности за военные преступления»¹⁴⁴. С помощью доктрины фальсифицируют понятие «Сопrotивление», трактуя его как «борьбу против притязаний тоталитарного государства на права гражданина», а партизанское движение в СССР — как коллаборационизм¹⁴⁵. Доктрина действует на освещение в

учебниках истории СССР¹⁴⁶, развития ГДР и ФРГ¹⁴⁷, современных международных отношений¹⁴⁸. Она оказывает влияние и на немарксистскую литературу в других странах Запада¹⁴⁹.

Нельзя полагать, что названные историки в равной степени следуют в своей практике доктрине тоталитаризма. Часть ученых в последние двадцать лет подвергли доктрину более или менее глубокой критике¹⁵⁰. Мессершмидт и другие авторы 10-томника провозгласили отказ от доктрины как метода исследования сущности фашизма¹⁵¹. На деле, однако, насколько можно судить по первым пяти томам, им не удалось полностью освободиться от ее влияний, особенно в трактовке деятельности КПГ. Имеются расхождения в применении доктрины к тому или иному конкретному событию. Так, многие консерваторы пытаются объяснить советско-германский пакт о ненападении «идеологическим родством» заключивших его режимов*. В наиболее грубой форме это выражено Брахером. В специальном разделе его книги, названном «Культ Сталина и путь к пакту с Гитлером», автор утверждает, будто все развитие советского общества закономерно вело к этому «союзу двух тоталитарных диктатур»¹⁵². На самом деле не было «союза»; пакт, несмотря на все отступления Сталина и Молотова от ленинских принципов, представлял собой главным образом соглашение о вооруженном нейтралитете. Неверно выводить заключение пакта из развития советского общества. Пакты о ненападении заключили с Германией в 30-е гг. и другие государства.

Никому из сторонников доктрины тоталитаризма, начиная с 1939 г., не удалось определить какие-либо черты пакта 23 августа, свойственные исключительно соглашениям так называемого «фашистско-коммунистического типа». Хильдебранд попытался использовать историю пакта, чтобы поставить под сомнение всеобщность понятия «фашизм» и укрепить понятие «тоталитаризм»¹⁵³. Тем не менее он пришел к выводу, что «решающее значение имели не «тоталитарная» идеология, а военно-политические факторы, обусловившие заключение договора в конкретной ситуации 1939 г.» Это разделяет и И. Дюльфер¹⁵⁴.

Представителями либерального и особенно буржуазно-демократического направления были подвергнуты критике

* О пакте 23 августа 1939 г. см.: Второй Съезд народных депутатов СССР//Правда. 1989. 24 дек.; Известия. 1989. 25 дек.

сами основы рассмотрения фашизма и его внешней политики с позиций доктрины тоталитаризма. Так, Ю. Кокка открыто отверг суждение о будто бы «смежном характере нацизма и социализма», раскрыл их несовместимость, политическую и нравственную. Он показал, что фашизм в отличие от социализма «насквозь пронизан расизмом, антисемитизмом, враждебностью к демократии, свободе, прогрессу». Автор отвергает «сближение систем, которые резко отличаются друг от друга по социально-экономическим условиям их возникновения, классовому базису, социальным последствиям». Кокка приходит к выводу о «социально-историческом бесплодии» доктрины тоталитаризма, считает, что ее адепты «с большим опозданием попадают на удочку нацистской пропаганды», выдававшей фашизм за социализм. При этом он подчеркивает, что в фашистской Германии «остались незабытыми основные принципы капиталистического хозяйства, а социалисты и коммунисты были подвергнуты преследованиям», что «коммунисты оказались более стойкими в противоборстве с нацизмом, чем различные либеральные и консервативные течения», и, как следствие этого «рабочие подверглись влиянию нацистов несравненно в меньшей степени, чем бюргерство, крестьяне и высшие слои». Признавая, что в становлении фашизма большую роль сыграл его лидер, Кокка справедливо считает, что «в научном отношении интереснее, а в политическом — разумнее раскрыть те экономические, социальные, политические и культурные структуры и процессы, которые сделали возможным успех» этого лидера. По существу, ученый критикует персонализацию истории. Однако, показывая несостоятельность доктрины, Кокка обнаруживает подчас непоследовательность. Так, вопреки собственной концепции, он полагает, что «традиции свободы» будто бы чужды «коммунистическим диктатурам вообще»¹⁵⁵.

С позиций, близких к социал-демократическим, А. Плак подвергает критике тезис Ф. И. Штрауса и других крайних консерваторов о фашизме как «варианте социализма». Автор приводит нелепые утверждения составителей официальных документов ХСС о фашистских лидерах как «марксистах» и показывает, что фашисты исключительно из пропагандистских целей называли себя «социалистами», «людьми из рабочего класса»; их «социализм» — лишь лицемерная маска. В программе НСДАП, пишет Плак, были некоторые социалистические моменты, в частности «требование раздела при-

былей крупных предприятий», но, придя к власти, «Фюрер» отнюдь не осуществил их. Его «социализм» был органически связан с планами мировой германской империи, а его «социальная революция» сводилась к превращению всех немцев в «народ господ». Он не хотел бесклассового общества, выступал вовсе не за передел богатства в пользу неимущих социальных слоев, но за раздел завоеванных земель и другой добычи.

Однако вопреки своим верным высказываниям Плак относит фашизм к числу так называемых тоталитарных режимов, по существу отказываясь от анализа его социально-экономических основ. Характерна для книги следующая фраза, на первый взгляд безупречная в научном отношении: «Империализм и социализм в принципе исключают друг друга, потому что завоевание и управление новыми областями делают излишними социальные преобразования в собственной стране. Разумеется, нацизм был типичным правоориентированным движением»¹⁵⁶. Однако империализм рассматривается здесь с традиционных домарксистских позиций — лишь в качестве политики внешних завоеваний. И главное: лишь внешние обстоятельства, по мнению автора, но не органически присущие фашизму свойства делают его несовместимым с социализмом.

В упоминавшейся книге Фюллерберга-Штольберга показано, что антикоммунисты и не ставят себе цели научного исследования истории. Они «стремятся просто дискредитировать коммунистическую систему путем отождествления ее с фашизмом». Автор верно считает, что с прекращением деятельности антифашистской коалиции и началом «холодной войны» доктрина была использована главным образом для нападков на коммунизм, хотя до тех пор она была ориентирована преимущественно против фашизма. Разделяя в принципе эту точку зрения, нельзя согласиться с представлением автора о том, что «в научной литературе» в ФРГ от доктрины «почти отказались, ее влияние сохранилось лишь в учебной и пропагандистской литературе»¹⁵⁷. В действительности доктрина показала свою полную научную несостоятельность. Но антикоммунистически ориентированные авторы отнюдь не отказались от нее. Доктрина, писал в 1979 г. Хильдебранд, «и сегодня занимает решающие позиции в исследовании фашизма»¹⁵⁸. Другое дело, что в связи с перестройкой в социалистических странах, распространением в мире нового политического мышления и другими позитивными

факторами происходит дальнейший подрыв влияния доктрины тоталитаризма как в общественном сознании, так и в массовом сознании.

С антикоммунизмом в литературе ФРГ о фашизме и антифашизме органически связаны традиционные методологические принципы, обусловленные национализмом¹⁵⁹. Он занимает значительное место и в современной буржуазной идеологии¹⁶⁰. Аналогичные явления в империалистической пропаганде начала XX в. проанализированы Лениным. «Войнам, — писал он, — благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности» (т. 17, с. 188). В трудах Ф. Энгельса раскрыт националистический характер ряда принципов буржуазной историографии¹⁶¹. В трудах В. И. Ленина показана недопустимость толкования истории в отрыве от социально-экономических факторов, как и нигилистической недооценки национального фактора (см. т. 25, с. 301).

Важно подчеркнуть, что в ФРГ наряду с великодержавными тенденциями, стремлением поглотить ГДР и связанными с ним спекуляциями вокруг реваншистской идеи «немецко-национального единства», есть и противоположные тенденции. «Национальное единство, — писал известный деятель «зеленых» генерал бундесвера в отставке Г. Бастиан, — принесло только несчастье, оно не явилось благом ни для Германии, ни для Центральной Европы, ни для всего мира. И будет лучше, если немецкоязычные народы организуются в несколько малых государств»¹⁶².

Националистические проявления в историографии ФРГ разнообразны. Многие авторы, имея в виду империалистические цели фашистов, применяют по меньшей мере нестрогие определения: «национальные», «национально-государственные», вслед за фашистской пропагандой называют фашизм «национализмом»¹⁶³. Подобные суждения встречаются и в выступлениях консервативных политиков ФРГ¹⁶⁴. Характерно, что А. Кун, ссылаясь на известный «протокол Хосбеха», верно показывает, что НСДАП отнюдь не руководствовалась «национальными целями»¹⁶⁵. В неофашистской публицистике и крайне консервативной историографии встречаются суждения об «отечественной войне» фашистской Германии¹⁶⁶. Весьма часто смешиваются категории сугубо

военные и политические, способы вооруженной борьбы и цели войны. В этом проявляется не только реакционность политических взглядов, но и слабая теоретическая подготовка. Утверждают, например, что если военные действия идут на территории данной страны и ее народ несет жертвы, то, следовательно, идет справедливая война; что, утратив способность наступать, немецко-фашистская армия будто бы стала вести «отечественную войну».

Однако далеко не всегда обороняющаяся армия преследует справедливые цели, а наступающая — агрессивные. Уже А. Жомини, видный военный теоретик и историк XIX в., выводил характер войны из ее политических целей, но отнюдь не из способов ее действий. Имея в виду войны справедливые и войны преступные, он подчеркивал: «Без всякого сомнения, каждая из этих войн может быть наступательной и оборонительной». Специальную главу своих очерков он посвятил «войнам оборонительным в отношении политическом, но наступательным в отношении военном»¹⁶⁷. Для Жомини в то же время было аксиомой: война, в которой народ поддерживает свою армию, имеет справедливый характер.

Крайний консерватор В. Пауль, нарочито назвавший свою книгу об агрессиях 1939—1945 гг. «Отечественная война», тем не менее отмечает провал попыток фашистских лидеров поднять немцев в последние месяцы войны «на борьбу за немецкое отечество». «Движение вервольфов... осталось лишь мечтой нацистских пропагандистов», они «перещеголяли готовность немцев умирать за систему»¹⁶⁸. Противоречиво истолковывает эту проблему единомышленник В. Пауля Г. Дивальд. По его мнению, немцы «вели именно войну Гитлера, но они отдавали свои жизни не за него, а за Германию», поскольку война будто бы «стала оборонительной»¹⁶⁹. Эти историки игнорируют принципиальное обстоятельство: «Миллионы немецких солдат, — писал Г. Грасс, — думали, что они борются за «фюрера, народ и отечество» в действительности же они служили организованному преступлению...»¹⁷⁰. С первого до последнего выстрела война 1939—1945 гг. со стороны Германии была несправедливой.

Многие умеренные консерваторы уже в 60—70-е гг. констатируют захватнический характер войны. Но делают это весьма непоследовательно. Так, они пишут о фашизме, «обманувшем надежды всей нации», представляя ее классово нерасчлененной. В этом — образец сугубо ограниченной кри-

тики фашизма с позиций монополистической буржуазии. Они представляют едиными и самые различные группы Сопротивления. П. Хоффманн, например, оценивает шансы на успех и значение покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. в первую очередь с точки зрения возможности продолжения захватнической войны и предотвращения оккупации немецкой территории и лишь вскользь сообщает о намерениях Штауффенберга «сократить сроки войны и уменьшить разрушения»¹⁷¹. Это нельзя совместить с демократическими и гуманистическими декларациями таких историков.

В крайне консервативной историографии по-прежнему господствует так называемая «немецкая точка зрения» на историю страны периода фашизма. По существу, это плохо прикрытая традиционная точка зрения германского милитаризма, весьма близкая к фашистской пропаганде. На первый план выдвигается то, что удалось немцам и что не удалось их противникам. Наиболее наивно эта точка зрения выражена в тезисе о вермахте, который в 1943—1945 гг. и отступая, будто бы побеждал. Во многих книгах воспеваются его «доблести»¹⁷².

Вместо «немецкой точки зрения» крайних консерваторов ряд ведущих умеренных консерваторов приняли так называемый «германоцентризм»¹⁷³. Но и он не свободен от пороков старого подхода. Тема фашизма и антифашизма в Германии занимает ведущее место в литературе ФРГ, посвященной этим, как известно, международным явлениям. Немецкие оппозиционные движения, в первую очередь «движение 20 июля», многими историками рассматриваются в узко национальных рамках, в отрыве от Сопротивления в других странах. Так, подавляющее большинство работ, получивших отражение в библиографическом указателе У. Картариуса, посвящено немецким движениям. Эта тенденция сохраняется и в литературе по современной истории в целом. В историографическом труде Хилльгребера¹⁷⁴ о литературе по истории мировой войны речь в основном идет также о Германии. В известной мере автор отходит от этого метода в одной из своих новейших книг «Крах на Востоке в 1944—1945 годах как проблема германской и европейской истории»¹⁷⁵.

Разумеется, нельзя категорически осуждать преимущественное внимание ученых данной страны к отечественной истории. Дело, однако, в том, что германоцентризм, как и любой другой подобный принцип, сопровождается методологическими ошибками. Так, авторы т. I известного 10-том-

ника сосредоточились почти исключительно на «причинах и предпосылках германской военной политики». Это наряду с их «европеистскими» симпатиями привело к тому, что в книге отсутствует общая картина происхождения мировой войны¹⁷⁶. ими не раскрыта вина правящих кругов Англии, Франции, США. Они игнорируют борьбу прогрессивных сил за коллективную безопасность.

Германоцентризм обусловил такое искажение истории, которое не было свойственно доминирующему в литературе ФРГ направлению. Вывод авторов тома о ведущей роли Германии в развязывании войны¹⁷⁷ не вызывает сомнений. Но их утверждение о том, что «причины войны коренятся в политике (одной лишь — Л. М.) Германии»¹⁷⁸, означает шаг назад. Неофашисты уже воспользовались этим просчетом для своих нападок на тезис об особой ответственности Германии¹⁷⁹.

Националистические убеждения представителей немарксистской литературы, с другой стороны, проявляются в уже подвергнутом критике стремлении переложить главную ответственность германской империалистической буржуазии за фашизм и войну на другие страны. Явно тенденциозны сохранившиеся попытки объяснить сравнительную слабость Сопротивления в Германии с помощью ссылок на негативное отношение западных держав к «движению 20 июля»¹⁸⁰. Сравнительно более взвешенная оценка представлена в книге «Сопротивление и эмиграция». Один из ее авторов С. Миллер пишет: «Отмечая ответственность великих держав за постоянное расширение сферы нацистского господства, нельзя видеть в них главных виновников успехов нацизма и его преступной политики»¹⁸¹.

С националистическими убеждениями связано и нарочитое подчеркивание «великих страданий», перенесенных Германией. Попытками вызвать жалость к «германскому народу, ставшему лишь объектом истории и безоружной жертвой», особенно отличаются крайне консервативные авторы¹⁸². Они забывают при этом, кто начал войну и кто совершил колоссальные преступления. В литературе умеренных консерваторов эта тенденция проявляется реже¹⁸³. Такова ссылка на бомбардировку территории Германии, которая сильно затрудняла антифашистскую борьбу, как будто в других странах условия были более легкими.

Проявления национализма в литературе по истории Германии фашистского периода весьма многообразны. Один

из авторов книг о немецких военнопленных 1939—1945 гг. непомерно преувеличивает их вклад в восстановление народного хозяйства СССР в военные и послевоенные годы. Все это созвучно тенденции, которая представлена в литературе по другим разделам истории. Авторы скрупулезно выясняют, сколько царей дали немцы России, как много сделали для нее немецкие поселенцы, сообщают о «решающей помощи, которую оказал Красной Армии в годы Рапалло германский рейхсвер»¹⁸⁴. В сочинениях крайних консерваторов читатель встречает утверждения о том, что «источник краха наполеоновской империи необходимо искать не в снежных пустынях России, не в постоянной враждебности Англии, но в поражениях, нанесенных империи громадной динамической силой германского народа в ходе его освободительной войны», что «Польша была освобождена от русского господства силой германского оружия и ценой германской крови, пролитой во время первой мировой войны»¹⁸⁵.

«Немецкая точка зрения» в той или иной мере оказала влияние (естественно, не без воздействия антикоммунизма и так называемой атлантической солидарности) и на зарубежные историографии. Так, вполне сознательно была названа изданная в Лондоне книга: «Русский фронт: Война Германии на Востоке 1941—1945». Авторы довольно часто освещают события так, как их видели фашистские военно-политические руководители, выясняют причины поражения вермахта, но не победы Красной Армии.

На западногерманскую буржуазную историографию истории фашизма и антифашизма оказывает сильное воздействие и другая разновидность национализма — концепция атлантизма и европеизма, противоречащая общечеловеческим задачам¹⁸⁶. Одна из главных их догм предполагает исключение СССР (России) из «региона европейской культуры», его историческое и политическое противопоставление «западному миру»¹⁸⁷. В литературе прослеживается, в частности, стремление представить заговор 20 июля в виде некоего «решения Европы против Азии». Наиболее ярко тенденциозность проявилась в трудах В. Липгенса о разработанных в некоторых группах Сопротивления планах создания федерации в послевоенной Европе. Он подчеркивал, что основной документ группы «Крайзау» начинался предложением: «Европа является федеративным государством с единым суверенитетом», что документ относил к компетенции европей-

ского союза внешние сношения, вооруженные силы, экономике. Липгенс выступал как активный сторонник Европейского Экономического Сообщества и «борец против остатков протекционистского эгоизма в Европе». В его трудах получил применение известный принцип: «история — это опрокинутая в прошлое политика». Так, чтобы укрепить современные идейно-политические позиции ЕЭС, он пытался представить Соппротивление периода второй мировой войны в качестве «наднационального феномена»¹⁸⁸.

В непосредственной связи с шовинизмом находится русофобия, также оказывающая отрицательное воздействие на литературу о фашизме и Соппротивлении. В новейшее время русофобия тесно переплетается с антисоветизмом¹⁸⁹. Широко распространен тезис о преемственности во внешней политике (особенно по отношению к Германии) царской России и Советского Союза¹⁹⁰. Внимание ряда историков привлекает надуманная тема «Вклад России в нацистскую идеологию»¹⁹¹. Искусственно относят к «первым российским фашистам» Союз русского народа и находят заимствования идеолога германского фашизма А. Розенберга из «русских источников», но оказываются не в состоянии сделать необходимую ссылку хотя бы на один из них¹⁹². В трудах умеренных консерваторов прослеживается стремление противопоставить русский народ Советской власти. Так, К. Менерт, выразив пожелание «дружественных отношений немцев с великим русским народом», заявляет: «Русским — да! Советскому режиму — нет!»¹⁹³.

В новейшей консервативной литературе по истории Германии фашистского периода распространено сионистское влияние¹⁹⁴. Критикой уже отмечалось, что в этой литературе пытаются создать впечатление, что евреи были главной или даже единственной жертвой фашизма.

Современный сионизм широко использует в своих интересах и антисемитизм, в том числе фашистского типа. Проявления антисемитизма в изученной нами литературе ФРГ встречаются редко. Так, А. Шикель в книге «Немцы и поляки (тысячелетняя история)» утверждает, что сведения о «миллионах жертв никогда не были доказаны». Называя эти сведения «фиктивными», Шикель игнорирует преступления фашизма против евреев и, по существу, реабилитирует его¹⁹⁵. Во многих книгах об антисемитизме в Германии он ошибочно представлен как некая разновидность религии вне

его теснейшей связи с реакционными классами, в XX в. — с империалистической буржуазией¹⁹⁶.

Сионисты спекулируют на сочувствии к жертвам фашизма, присваивают себе право выступать от имени загубленных в Европе евреев, подавляющее большинство которых не имело никакого отношения к сионизму. Сионисты стремятся приписать себе некие заслуги в борьбе с фашизмом¹⁹⁷, игнорируя при этом идейно-политическую близость фашизма и сионизма, стремясь предать забвению преступное сотрудничество их в годы войны. Как известно, призывая евреев к покорности, сионистские деятели ослабляли единый антифашистский фронт¹⁹⁸.

Под влиянием сионизма консервативные историки и мемуаристы сужают объект государственно организованных преступлений фашизма и притупляют политическую бдительность народов перед лицом новых проявлений реакции. Объективно это ведет к преуменьшению антисоветского и других главных направлений в глобальной программе и практике фашизма. Не случайно эти направления и в новейшей литературе по-прежнему изучены недостаточно. Значительная часть консерваторов вполне целенаправленно объединяет в своих концепциях и просионистские, и антикоммунистические элементы. Эта тенденция отражена и в некоторых официальных материалах ФРГ¹⁹⁹.

Многие умеренные консерваторы нарочито представляют в качестве главной цели фашизма так называемое «окончательное решение еврейского вопроса»²⁰⁰. Эта тенденция проявляется и в других историографиях²⁰¹. В консервативной литературе о немецком Сопротивлении в качестве определяющих мотивов его подчас выдвигается протест против антисемитских преступлений фашистов²⁰², а среди форм борьбы — помощь преследуемым евреям. Рассматривая антисемитизм как основную черту фашизма, эти авторы, по существу, слепо следуют фашистской пропаганде 30-х гг., пытавшейся представить антисемитизм в виде самой сути политики и практики НСДАП. Однако само собой разумеется, что ни о человеке, ни о партии недопустимо судить на основании того, что они сами о себе думают.

На международном симпозиуме в Штуттгарте Хилльгрубер выдвинул тезис о «начале систематического истребления евреев во всей Европе» как «пятом театре военных действий» (четыре других театра — тихоокеанский, атлантический, средиземноморский, восточноевропейский), как

факторе превращения войны в мировую. По существу, эта мысль лишь декларирована, но не обоснована. Нельзя принимать в качестве аргумента заявления автора о том, что для Гитлера «решение еврейского вопроса было его собственной войной, в еще большей степени, чем была таковая война против Советского Союза». Весьма слабыми были также доводы Э. Крауткремера, сообщившего, что для этого «решения» Германия отвлекала «значительные силы и средства», и Е. Екеля, пытавшегося доказать, что приказ о пресловутом «решении» и план «Барбаросса» были подписаны Гитлером одновременно и поэтому (?) они равны по значению. Автор ссылался на весьма сомнительный источник — воспоминания Ф. Керстена, массажиста Гитлера, не анализируя их по существу.

Тезис Хилльгрубера был подвергнут критике на самой конференции. Г. Л. Вейнберг (США) сообщил, что массовые убийства евреев начались уже во время агрессии против Польши. Е. Валлах (Израиль) назвал «абсолютно неверным» термин «пятый театр военных действий». Этот термин предполагает наличие двух воюющих сторон. Но среди евреев, показал автор, лишь немногочисленные группы представляли собой «воюющую партию», «в массе же своей они пассивно переносили обрушившуюся на них судьбу». Лишь в более поздний период некоторые из них приняли участие в партизанских отрядах, восстаниях в лагерях и гетто. Но и это не представляется Валлаху значительным по сравнению с общим числом жертв. Г. Л. Вейнберг и Ч. Люттихау, отвергая тезис о «театре», с полным основанием потребовали учитывать преступления НСДАП и высших германских генералов против немецкого и ненемецкого населения. Особо подчеркивали они массовое уничтожение советских военнопленных в 1941 г. «Приказ о немедленном расстреле военных комиссаров Красной Армии», по мнению Люттихау, «был самым бессмысленным с точки зрения самого завоевателя, и в первую очередь, с точки зрения общечеловеческой, — самым порочным мероприятием».

Выступивший на конференции академик А. М. Самсонов показал, что уничтожение фашистами евреев было «разительным примером геноцида. Однако геноцид, естественно, не был театром военных действий, кроме того, он распространялся не только на евреев, но и на другие народы, в первую очередь на славян». Видный советский ученый на-

помнил приказы Гитлера об уничтожении всего населения Ленинграда, всей советской интеллигенции, коммунистов²⁰³.

Многие консервативные историки преувеличивают антисемитский аспект нападения на СССР. Так, авторы книги «Проблемы второй мировой войны» считают стремление истребить евреев «стержнем развязанной Гитлером войны»; концепцию Хилльгрубера весьма четко отражает название его специальной статьи: «Окончательное решение еврейского вопроса и создание германской восточной империи как суть расово-идеологической программы нацизма»²⁰⁴. Исходными для этой схемы являются тезисы фашистской пропаганды о «еврейско-большевистском враге Германии» и «миллионах евреев в Западной России как биологическом базисе большевистского режима».

Само собой разумеется, что критика просионистских тенденций в историографии ни в коей мере не означает стремления как-либо преуменьшить преступления германского фашизма против еврейского народа. Этот народ относительно своей численности, несомненно, понес в годы войны наибольшие жертвы. Антисемитизм фашистов нельзя сбрасывать со счетов, и он не ограничивался одной лишь сферой пропаганды. Уничтожение 6 млн. евреев — исторический факт. Подчас постулаты фашистов подавляли их прагматизм. Во время летней кампании 1942 г., пишут А. Хилльгрубер и его единомышленник Х. Мальтиц, «когда все силы и средства были подчинены стратегически важнейшей цели», когда все острее вставала проблема рабочей силы, фашисты тем не менее отправляли железнодорожные составы «с еще могущими работать евреями в лагеря уничтожения», отвлекая для этой цели и «многих здоровых немцев»²⁰⁵.

Нельзя отождествлять антисоветские и антисемитские расчеты фашистов. В их идеологии и особенно в практике еврейский вопрос действительно занимал особое место. Консерваторы ведут речь о конкретных условиях войны. Но постоянно отрываются от них. Фашисты при всем их авантюризме не без оснований выбрали главного врага. А упомянутые авторы ставят на одну доску социально разнородные, фактически несопоставимые по их политическому и военному значению явления. Одно дело — цель уничтожения Советского государства, одной из великих держав мира, главного препятствия на пути к мировому господству, уничтожение нового общественного строя, и совершенно другое де-

ло — цель истребления или переселения национальной группы, составлявшей лишь меньшинство населения данного государства, не представлявшей организованной военной силы. Если первая из целей была непосредственно обусловлена коренными интересами империалистической буржуазии, не только идеологическими, но не в последнюю очередь и политическими, военными, экономическими, то вторая — фашистским геноцидом, который ни в экономических, ни в политических, ни в военных планах фашистов не занимал сколько-нибудь сопоставимого места. Заметим, что и в умеренно-консервативном направлении встречаются авторы, которые, по существу, подвергают пересмотру просионистские представления. «Наряду с антиславизмом и антисемитизмом, — подчеркивает Ю. Фёрстер, имея в виду идейно-политические компоненты фашизма, — в первую очередь необходимо назвать воинствующий антикоммунизм»²⁰⁶.

Таким образом, современное развитие западногерманской буржуазной историографии новейшей истории характеризуется активизацией методологической работы. Ведущие представители историографических направлений усилили внимание к социальным функциям исторической науки. Некоторый рост влияния диалектико-материалистического метода исторического исследования и приращение научных знаний в области истории фашизма и антифашизма в Германии не привели, однако, к отказу большинства буржуазных историков от старой методологии. В историографии ФРГ по-прежнему доминирует умеренно-консервативное направление, сохранили свои позиции антикоммунизм и национализм в различных его формах.

ФАШИЗМ В ОСВЕЩЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В новейшей немарксистской литературе ФРГ нет единства в применении самого термина «фашизм», хотя дискуссия по этому вопросу и не прекращается в течение нескольких десятилетий. Вопрос о терминах не может быть ограничен областью одной лингвистики. Известно, что они несут большую идеологическую и методологическую нагрузку. Не случайно этот вопрос стал предметом ряда специальных западногерманских исследований¹.

В литературе обоих консервативных направлений обобщенные понятия «фашизм», «антифашизм», принятые марксистским обществоведением, как правило, не применяются. Речь идет о германском «нацизме», итальянском «фашизме», «немецком Сопротивлении», «европейском Сопротивлении» — о «тоталитаризме» и «антитоталитаризме». По утверждению авторов книги «Выбор между силой и идеологией», доктрина тоталитаризма показывает будто бы «шаткость понятий фашизма и антифашизма», последние якобы легко переходят в свою противоположность². Историки из ГДР А. Лёсдау и Г. Лоцек³ с полным основанием показали, что консерваторами принят термин «национал-социализм» (демагогическое самоназвание НСДАП)⁴ с тем, чтобы скомпрометировать само понятие «социализм»⁵. Консерваторы отклоняют и «антифашистское понимание демократии», поскольку, по их мнению, это способствовало бы «марксистско-ленинским формам мышления»⁶. Понятие «антифашистское сопротивление» неприемлемо для них и потому, что оно оли-

цетворяло собой в национальном и интернациональном масштабах идею Народного фронта, антифашистскую коалицию, ненавистные современной реакции.

Не только в консервативной, но в целом в буржуазной литературе по-прежнему распространено констатирование тех или иных отдельных черт фашизма, действительных или сконструированных. Так, в работе либерального историка Х. Моммзена «существо фашизма» определено как «циничное презрение к человеку»⁷, что само по себе верно, но односторонне. По мнению Г. Ротфельса, которое разделяют и многие современные его единомышленники, фашизм возник как следствие упадка буржуазной идеологии, подъема националистических течений, утраты личных контактов. Он утверждал, что «либерализм, демократия и марксистский социализм в большей степени ответственны (за приход фашизма к власти. — Л. М.), чем охранительные силы консерватизма»⁸. К. Д. Эрдманн⁹, который принимает общий термин «фашизм», но отвергает представление об особой «эпохе фашизма» (1917—1945 гг.), выдвигает тезис о некоем «треугольнике» (либерализм, фашизм, коммунизм), который определял лицо этой эпохи. Автор не разделяет апологетического тезиса Ротфельса о меньшей вине консерватизма. Но подчас либерализм и коммунизм он в равной степени считает ответственными за фашизм¹⁰.

Г. Хюртен, как и многие консервативные историки, не может подняться до понимания социальной сущности фашизма. По его мнению, «своеобразие фашизма состоит в роли партии», которая имеет «неограниченную власть в государстве и обществе». Для этого режима, полагает автор, характерны также опора на вооруженные силы, культ «фюрера», антимарксизм, антиинтеллектуализм и антитеоретичность¹¹. Менее содержательно определение движущих сил фашизма, принятое авторами книги о сопротивлении и эмиграции германских рабочих. Они отмечают «потрясенные кризисом средние слои», «часть арийско-германских господствующих слоев, стремившихся к мировой гегемонии». Так, бездумно смешали они самые различные слои современного общества, присоединив к ним еще и некую «не связанную с определенными социальными группами универсальную приверженность идее семитского врага»¹².

Более близко к истине определение фашизма как «открытой террористической диктатуры буржуазии», как «особенно опасной и агрессивной формы капитализма», представ-

ленное в той части т. I 10-томника «Германская империя и вторая мировая война», которая написана М. Мессершмидтом¹³. Но автор не выделяет отдельно наиболее империалистических элементов финансового капитала, не замечает, что граница между так называемым «национализмом» немецких консерваторов, требовавших восстановления статуса «великой державы», и фашистским империализмом была весьма нечеткой.

Марксистское определение фашизма впервые было дано XIII пленумом ИККИ в декабре 1933 г. в тезисах «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий»: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и, в частности, деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс»¹⁴. Существенно дополнил эту характеристику Г. М. Димитров, подчеркнув, что германский фашизм — это «ударный кулак международной контрреволюции», «главный поджигатель империалистической войны», «зачинщик крестового похода против Советского Союза»¹⁵.

Естественно, что в этих определениях нашло отражение лишь самое главное, что происхождение и сущность фашизма этими определениями полностью не исчерпываются. На формирование идеологии и практики фашизма оказали влияние, в частности, его идейные предшественники, непосредственно не связанные с крайними империалистическими кругами германской буржуазии 20—40-х гг. XX в. Характер внутренней и внешней политики фашизма, несомненно, несет на себе печать мировоззрения Гитлера и других лидеров. Таков, например, механизм действия воспринятых ими великогерманского шовинизма и расизма, возникших задолго до 30 января 1933 г. Напомним о физическом уничтожении людей немецкой национальности, разграблении материальных и духовных ценностей их стран, о концлагерях, куда были согнаны свыше 18 млн. человек, из которых 11 млн. погибли. Этот вандализм соответствовал идеям названных лидеров, но не всегда отвечал экономическим интересам финансового капитала.

Реализацию расовой теории в отношении немецкого на-

селения нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, это принявшая большие размеры «программа эвтаназии», в ходе которой ликвидировали людей, признанных фашистскими врачами и юристами общественно «беспользными». Только в 1940—1941 гг. эта участь постигла свыше 70 тыс. стариков, людей с психическими и другими заболеваниями¹⁶. И хотя эта варварская акция была представлена как «очищение расы», население, в том числе часть членов фашистской партии, отнеслись к ней отрицательно. Эта «программа» была отменена в 1942 г.

Идея «исключительности арийской расы» проявилась, с другой стороны, в осмотрительном решении вопроса жизни и смерти немца, что особенно резко отличается от фашистских представлений о цене жизни неарийца. Известно, что многие немецкие коммунисты — главные политические противники фашизма — по несколько раз подвергались арестам, заключению в тюрьмы и концлагеря, там к ним применяли меры «перевоспитания» и лишь после того, как власти убеждались, что их усилия бесполезны, коммунисты уничтожались.

По данным историков ГДР, в 1933—1945 гг. из 300 тыс. коммунистов подвергались аресту 150 тыс., десятки тысяч были убиты¹⁷.

Заботе о «германской расе» служила в известной мере и социальная политика фашистов, что будет показано в разделе о либеральной историографии. При этом надо учитывать и постоянный страх властей перед возможным политическим переворотом в стране. Подчеркнем также, что эта политика осуществлялась в значительной степени за счет ограбления других народов. В конечном счете, однако, фашизм поступал антигуманно по отношению и к собственному населению. Итоги были весьма драматическими для самих немцев: свыше 6 млн. убитых, 17,5 млн. лишившихся крова, значительный материальный ущерб, нравственная деградация части населения¹⁸.

§ 1. КРАЙНЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ ТРАКТОВКИ ИСТОРИИ ФАШИЗМА

Методологические и идеологические основы современной консервативной историографии обоих направлений заложили крайние консерваторы во главе с Г. Ритгером¹⁹. Занимавшие в 50-е гг. ведущие позиции в историографии, эти авторы не проявляли специального интереса к фашизму как

к социальному явлению. Это было обусловлено их политическими и мировоззренческими позициями. Стремление оправдать буржуазную, военных, штатское чиновничество, отрицание идеи преемственности в агрессивной политике германского империализма XIX—XX вв., связи его внутренней и внешней политики, индивидуализирующий метод, персонализация истории, теологическое представление о прошлом были их руководящими принципами. По мнению Риттера, фашизм, являясь «антитезой прусско-германской традиции», не имел корней в истории Германии; это было движение Гитлера, милитаризм же означал в первую очередь внешнюю агрессивность. Риттер и его единомышленники тенденциозно подчеркивали негерманское происхождение фашизма, его международный характер²⁰. «Нацизм, — считал Риттер, — представляет собой продукт всей предшествующей германской истории, нацизм и «третья империя» были лишь ее логическим продолжением». В то же время, вопреки сказанному, автор утверждал, что «фашизм в Германии является своеобразным «несчастливым случаем», который мог произойти в любом месте. И далее: «Нацизм — это немецкая форма европейского явления: однопартийное государство с фюрером во главе»²¹.

Крайне консервативная концепция фашизма необычайно бедна. Главный «герой» этих историков — Гитлер. Владельцы монополий, военные и штатские чиновники — его «помощники». На первый план тенденциозно выдвигаются (хотя и без доказательств) тезисы о том, что фашизм порожден Версалем и Октябрьской революцией, инфляцией и массовой безработицей. Ответственны за него большевики и западные «демократии». Большинство трудов этих авторов по новейшей истории посвящено не фашизму, а второй мировой войне, преимущественно военным действиям. Война часто рассматривается вне связи с фашизмом и империализмом. Она была вызвана будто бы лишь «фанатической неумеренностью Гитлера и всеобщей агрессивностью народов». Поражение же Германии было обусловлено ошибками Гитлера и географическими условиями, невыгодными немцам. Примитивность такой концепции становится еще более очевидной на фоне многочисленных публикаций, в том числе и буржуазных исследователей, в которых происхождение фашизма связано с социально-экономическими, политическими, идеологическими, психологическими и иными факторами.

Из методологических принципов этой литературы, очевидно, наиболее устойчивым и влиятельным оказался принцип персонификации истории фашизма. Он сохранился в трудах умеренно-консервативных авторов, отказавшихся от многих догматов крайне консервативной историографии. Он имеет определенное распространение и в других немарксистских направлениях. Многие западногерманские публикации о фашизме трудно отличить от книг о Гитлере, и наоборот²².

Принцип персонификации, видимо, так же стар, как и сама литература о прошлом человечества. Несостоятельность метода была очевидна многим мыслителям, даже не владевшим историческим материализмом. «...Потребность отыскивать причины вложена в душу человека, — писал Л. Н. Толстой. — И человеческий ум, не вникнувши в бесчисленность и сложность условий явлений, из которых каждое отдельно может представляться причиной, хватается за первое, самое понятное сближение и говорит: вот причина. В исторических событиях (где предметом наблюдения суть действия людей) самым первобытным сближением представляется воля богов, потом воля тех людей, которые стоят на самом видном историческом месте, — исторических героев. Но стоит только вникнуть в сущность каждого исторического события, то есть в деятельность всей массы людей, участвовавших в событии, чтобы убедиться, что воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима»²³.

Марксизм-ленинизм никогда не отрицал роли личности в истории, но всегда выступал против ее преувеличения. К. Маркс писал: «При исследовании явлений *государственной жизни* слишком легко поддаются искушению упускать из виду *объективную природу отношений* и все объяснять *волей* действующих лиц»²⁴. Материалистическая историография подходит к той или иной личности с точки зрения ее действительного места в сложной системе социально-экономических, политических, идеологических и других факторов развития.

В глазах думающего человека несостоятельность персонификации стала наиболее явной после второй мировой войны. В этом событии роль народных масс проявилась с небывалой силой. Тем не менее этот принцип получил в ФРГ распространение, особенно в консервативной литературе по истории Германии 1933—1945 гг.²⁵ Очевидно, сказались культ

личности Гитлера, его место в фашистской внутри- и внешнеполитической пропаганде. Империалистическим кругам персонификация выгодна в целях собственной реабилитации. Наряду с уже отмеченными новыми, в значительной степени материалистическими тенденциями и вопреки им во многих исследованиях вплоть до наших дней обнаруживаются субъективно-идеалистические трактовки истории фашизма, второй мировой войны.

«Тень Гитлера еще лежит над современной историей», — не без удовлетворения констатирует в передовой статье неофашистский журнал «Nation-Europa» в своем пятом номере (1983 г.), специально посвященном Гитлеру. Но дело здесь не столько в явлениях сугубо апологетического свойства типа скандального опубликования журналом «Штерн» подложных «дневников» Гитлера или в призывах этого журнала «написать заново значительную часть истории третьей империи»²⁶.

В ФРГ в 70—80-е гг. продолжают попытки обосновать персонификацию теоретически. Так, в «Биографическом словаре всемирной истории», изданном Г. Херцфельдом, видным крайне консервативным историком, «действия отдельной личности» названы «внутренней сущностью истории». Роль же Гитлера определена очень туманно. Он якобы был «инструментом раскованной динамики переходного времени»²⁷. Видные представители умеренных консерваторов вопреки опубликованным ими же самими материалам о роли «германских элит» пытаются представить фашизм в виде «специфической формы господства одного человека»²⁸. В главе Хильдебранда книги «Гитлер, Германия и державы» отмечена роль монополий, но фашизм и его внешняя политика истолкованы в идеалистическом духе. По существу, здесь проанализированы личные планы Гитлера, программа второй мировой войны выведена из его расистских воззрений²⁹. В книге Брахера читаем: «Ответственность за переворот в Европе главным образом лежит на Гитлере с его агрессивной войной, зверскими формами господства...»³⁰. Слова «гитлеровская внешняя политика», «развязанная Гитлером война», «единоличная диктатура Гитлера» часто встречаются и в литературе 80-х гг.³¹ Испещрены подобными фразами и многие страницы официального 10-томника: «лишь Гитлер располагал массовой базой», «гитлеровские программные (!) установки», «гитлеровское господство», «гитлеровская идея жизненного пространства».

В целом же трактовка проблемы в этом издании отличается большой противоречивостью. Во введении ставится задача «выяснить роль Гитлера в нацистской системе с точки зрения подготовки и ведения войны». Эта задача, однако, далеко не выполнена. Мы не нашли взвешенной оценки объективных и субъективных факторов военно-политического курса «третьей империи». «Роли Гитлера, руководителей вермахта, хозяйства, иных учреждений в подготовке и ведении войны нельзя разграничить, поэтому вопрос о дирижере и исполнителях ставить нецелесообразно», — писал автор введения Мессершмидт. Он отмечал, что «если бы не было» Гитлера и не была бы развязана им война 1 сентября 1939 г., «очень вероятно, что произошла бы другая война, хотя и при другом стечении обстоятельств». Но тот же автор утверждает и нечто противоположное: «в конечном итоге Гитлер определял политический военный курс на войну»; «воздействие отдельных групп оказывалось безрезультатным, если их взгляды расходились с курсом Гитлера, направленным на войну»³².

Авторы т. 4 этого издания верно считают, что «войну на уничтожение против СССР» нельзя объяснить «патологической психикой одного Гитлера». К этому причастны: «партия, вермахт, хозяйство и государственный аппарат». Однако тезис об исключительной роли Гитлера отнюдь не отброшен. Авторы считают, что «рассмотрение мировоззрения и политических целей» Гитлера как «доминирующей фигуры германской политики 1933—1945 гг.» должно стать «исходным пунктом анализа причин нападения на Советский Союз». Эта фигура часто заслоняет собой других представителей «старых и новых германских элит», о которых эти авторы сообщили немало правдивого³³. И в данном случае они оказались не в состоянии воспользоваться даже теми научными достижениями, которые имеются в самой историографии ФРГ³⁴.

Персонификация фашизма наблюдается и в других историографиях. В. Хофер (Швейцария) поставил вопрос об «особой ответственности господствовавшей в вильгельмовской Германии социальной элиты, прусско-германских военных, крупной промышленности, юнкерства, но также и всей буржуазии в целом за возникновение впоследствии национализма». Уже сама по себе постановка такого вопроса — явление положительное. Однако четкого ответа читатель не получил. Более того, автор утверждает, что «мало смысла

противопоставлять личностям структуры», что «трудно представить себе, если вообще это возможно, нацизм как историческую реальность без Гитлера, а уж вторую мировую войну — тем более невозможно»³⁵.

Единомышленник и соотечественник В. Хофера В. Рингс полагает: «Один Гитлер обладал правом и властью решать в конечной инстанции. Никто из генералов, боссов экономики, дипломатов и партийных стратегов не мог успешно противостоять его приказам». «Третья империя была *его* империей, война — *его* войной, завоеванная Европа — *его* континентом». «Кроме того, была еще идея фикс о вездесущей силе войны. Он имел обыкновение говорить: война всегда и везде. Война — это жизнь. Война — это естественное, повседневное»³⁶. Суждения в духе культа личности прозвучали на упоминавшемся международном симпозиуме в Штутгарте. Итальянский историк А. Сантони объяснил «катастрофу держав оси» «стратегией Гитлера», а «слабость итальянских вооруженных сил» — «политикой Муссолини»³⁷.

Тем не менее усиление противоречивости суждений по проблеме «Гитлер — элита», а также опубликование в ФРГ материалов о роли монополий, военного и штатского чиновничества свидетельствуют о значительном подрыве принципа персонификации. Это подтверждает также проходящая дискуссия по вопросу «была ли третья империя «монархической» или «поликратической»³⁸, в частности спор известного либерального историка А. Куна и неофашистского публициста Д. Ирвинга (Англия)³⁹. «Гитлер не один ответствен, — пишет Кун. — Представление о монолитной и волей фюрера направляемой системе относится равным образом к легендам, созданным самими нацистами, оно неверно отражает суть фашистского государства»; Гитлера поддерживали не только НСДАП, но и «определенные хозяйственные группы»⁴⁰. «Нацизм, третья империя, развязывание завоевательной войны на уничтожение не были личным делом человека по имени Гитлер», — подчеркивает Р. Гансен. Они были обусловлены «развитием прусско-германского национального государства, которое определялось общественными, экономическими, социально-психологическими, политическими, военными и идеологическими факторами»⁴¹.

Весьма показательно, что В. Михалка выделяет среди западных знатоков фашистской внешней политики две группы: следующих принципу персонификации и «стремящихся анализировать структурные элементы, постоянно действующие

щие факторы, национальные и интернациональные рамки внешней политики»⁴². Такая частная классификация в определенной степени плодотворна, но недостаточна. Лишь комплексный анализ всех сторон творчества историка создает полную картину дифференциации историографии. В статье «Нацистская внешняя политика под знаком концепции плюрализма» Михалка отвергает утверждение о «тотальной унификации внешней политики третьей империи, единолично направляемой исключительно Адольфом Гитлером». Он приводит суждения современников о «значительных противоречиях и разногласиях» в осуществлении этой политики как об «установленном» факте. Михалка цитирует, в частности, замечание Г. Чиано (1937 г.): «слишком много петухов в курятнике». Итало-фашистский министр имел в виду то обстоятельство, что по меньшей мере четыре лица — Гитлер, Геринг, Нейрат, Риббентроп — определяли направление внешней политики⁴³.

Интересна попытка показать несостоятельность персонализации фашизма в свете преемственности реакционной и агрессивной традиций германской истории. «Не только нацистские пропагандисты, — отмечает К. Буркерт, — но и историки, которых считают серьезными, называют третью империю «государством Гитлера». После 1945 г., продолжает автор, многие думали, что Гитлер — это «демон, который привел германский народ к катастрофе». Действительно, нельзя сбрасывать со счетов важную роль Гитлера в установлении фашистской диктатуры. Но его личность, подчеркивает Буркерт, «еще не объясняет, почему миллионы немцев голосовали за НСДАП, а индустрия и сельское хозяйство дали ей миллионы марок». Многие историки в Западной и Восточной Европе, продолжает автор, показали ложный путь германской истории от Лютера до Гитлера, «третья империя» фактически находится в несомненной преемственности с германской историей. Националистические, антисемитские, антисоциалистические и империалистические требования уже в XIX в. выдвигались и частично осуществлялись Германией как «опоздавшей нацией»⁴⁴.

Более или менее последовательный отказ от персонализации свойствен и другим историографиям. В трехтомнике «Вторая мировая война», изданном в ФРГ в переводе с английского, читаем: «Глубокие причины, которые привели к развязыванию второй мировой войны, сегодня находят чаще не только в фанатическом необъятном влиянии Гитлера,

который считал себя гениальным стратегом»; пишут также о «всеобщей агрессивности народов», «усилившейся вследствие Версальского договора и мирового экономического кризиса, «политических, а также экономических и мировоззренческо-религиозных мотивах». Они, по мнению издателя, «ни в коем случае не оправдывают агрессора»⁴⁵. Это верно, но нельзя принять и суждение об «агрессивности народов». Фактический отказ от персонификации истории встречается и в литературе ФРГ по смежным темам⁴⁶.

Исследователи СССР и ГДР показали несостоятельность ряда принципов. С полным основанием М. Вайсбекер и К. Виммер раскрывают тенденциозное преувеличение роли лидеров, тезис об их исключительной или даже единоличной ответственности за фашизм и его преступления. Авторы пишут: «Для того, кто определяет фашизм только как «гитлеризм» или «муссолинизм», проблема фашизма перестала существовать одновременно со смертью обоих фашистских фюреров»⁴⁷. Но разве нет проблемы неофашизма в самой ФРГ? Разве о современной фашистской опасности не пишут сами консервативные историки? В критической литературе не прошла незамеченной тенденция к ограничению принципа персонификации⁴⁸. Анализ новейшей историографии ФРГ показывает дальнейшее усиление этой тенденции. Но персонификация не исчезла и не снята задача ее критики.

Соответствующие тенденции в историографии органически связаны с консерватизмом как политикой и идеологией современного империализма, как одним из основных принципов буржуазного обществоведения⁴⁹. В ФРГ с первых послевоенных лет обнаружилось тесное сотрудничество официальных властей с историографией. Так осталось и в 70—80-е гг.⁵⁰ Многие политики ХДС/ХСС черпают свои оценки прошлого из трудов умеренных консерваторов. Однако весьма влиятельные круги, в их числе и лидер партии ХСС канцлер Г. Коль, разделяют крайне консервативные взгляды. Особый интерес представляет концепция фашизма и антифашизма, выраженная в его речах в связи с 50-й годовщиной прихода фашизма к власти и 40-й годовщиной — поучения 20 июля 1944 г. «Необходимо знать историю, — подчеркивает Коль, — для немцев менее всего позволительно существование без знания прошлого». Но он высказывает искаженное представление о прошлом, игнорирует особую ответственность буржуазии Германии за фашизм и войну.

Правящие круги будто бы лишь «допустили ошибку», передав власть НСДАП в надежде на то, что она будет добиваться только восстановления «позиций Германии как великой державы». Но глобальная захватническая программа фашизма являлась одновременно и программой наиболее империалистических элементов монополистического капитала. Даже восстановление упомянутых Кодем «позиций» Германии (1914 г.) предполагало возвращение незаконно захваченных ею земель, в том числе западных территорий Польши. Как это совместить с рассуждениями автора об «общечеловеческом» и с его «заботой» об этой стране?

Фашизм предстает в этих речах как «коричневая революция», порожденная массами. На первое место выдвинут Гитлер, «губитель Германии и немцев». Канцлер видит связь между внутренней и внешней политикой фашизма, но характеризует первую расплывчато: «борьба против всех демократов, свободного духа, искусства, науки». Он верно констатирует отсутствие «вопроса об ответственности за войну» применительно к мировому конфликту 1939—1945 гг. в отличие от конфликта 1914—1918 гг. «Завоевательные цели и варварские способы» последней войны «сделали страшным немецкое имя» и «вызвали конец третьей империи». В то же время Кодем тщетно стремится представить агрессию справедливой «борьбой за отечество», 8 мая 1945 г. — «низшим пунктом германской истории», а разгром фашизма — «катастрофой». В речах звучит также необоснованная попытка обойти молчанием колоссальные преступления германо-фашистского империализма, переложить его вину на Заграницу, в том числе на Советский Союз. Кодем приписывает антифашистской коалиции намерение «расчленив и поработить Германию».

Характеризуя Сопротивление, автор скрывает, что буржуазия Германии, по сравнению с другими странами, не только в наибольшей степени ответственна за фашизм, но и в наименьшей степени причастна к антифашистской борьбе. Автор искусственно преувеличивает ее размах, говорит даже о некоей «гражданской войне». Созвучно с известным современным весьма спорным тезисом о «единой германской нации» отмечается участие в антигитлеровском движении, будто бы классово не расчлененном, «учащихся, студентов, солдат, священнослужителей, рабочих, людей 20 июля». Но по старой консервативной традиции на первое место Кодем выдвигает покушение на Гитлера, фактически

сбрасывая со счетов борьбу коммунистов, других антифашистов, деятельность «Свободной Германии» как наиболее эффективного из всех немецких оппозиционных течений. В основном суждения Коля о фашизме и Соппротивлении повторяют известную крайне консервативную концепцию, хотя он и прибегает к лавированию⁵¹.

В последние годы в ФРГ наблюдается сокращение числа публикаций крайних консерваторов. Особенно ярко это выступает в сравнении с растущим числом аналогичных работ умеренно-консервативных авторов. Складывается впечатление, что крайне консервативные историки и мемуаристы старшего поколения, естественно выбывающие из строя, не находят большого числа преемников. Более существенная причина, однако, в другом. Мыслящие представители господствующих кругов, судя по всему, начинают понимать их идеологическую и научную бесполезность. Но это не означает их полного ухода с арены. Тем более, что определенные силы, по-видимому, всячески стремятся реанимировать это направление. Отметим в этой связи такое явление, как довольно многочисленные переиздания. Вновь опубликованы старые книги таких историков, как Г. Риттер, К. Альман, Г. Г. Дамс, Э. Францель, В. Шрамм, мемуаристов Э. Манштейна, Ф. В. Меллентина, В. Шелленберга, А. Шпера и др.⁵²

Взгляды на фашизм отражены в ряде общих новых работ историков этого направления. Таков опубликованный в 1980 г. последний том 5-томного издания «Духовная история Германии нового времени» Х. И. Щёпса. «Нацизм как народное движение было типичным выражением эпохи масс», — заимствует Щёпс мысль из «Моей борьбы» Гитлера. Нацизм победил, поскольку республика «не смогла сохранить свое влияние на молодежь», «9 ноября 1918 г. (Ноябрьская революция. — Л. М.) немецкий народ потерял политическое равновесие». Щёпс отвергает при этом какую-либо связь «между нацизмом и пруссачеством», в представлении всего мира отождествляемым с милитаризмом, полагает, что немецкая армия при диктатуре «утратила политическую и профессионально-военную самостоятельность». То же якобы произошло и с владельцами экономики, чиновниками. Автора приводит в восторг «социальный успех нацистов» — рекламированное ими «преодоление классового раскола и установление народной общности в национальном и социальном смысле», что будто бы «опровергло марксизм».

Приход фашистов к власти Щёпс объясняет «диктатом в Версале, который вызвал в Германии враждебную реакцию». «Запад безумно строго обращался с Веймарской республикой», с Гитлером же обходились «непостижимо мягче», ему устроили «полосу внешнеполитических успехов».

Не замечая успехов в изучении Сопротивления в последние десятилетия, Щёпс повторяет старые — односторонние или просто ложные — взгляды Риттера. Сопротивление он сводит к оппозиции военных, с удовлетворением подчеркивает их антисоветские намерения. Последствия войны и современные задачи немцев Щёпс истолковывает крайне тенденциозно. Он ложно обвиняет победителей в конструировании тезиса о «коллективной ответственности немцев за все преступления фашистов» и расколе Германии⁵³.

Изданная в 1983 г. книга «Вторая мировая война» написана известными в ФРГ еще по публикациям первых послевоенных лет Х. Г. Дамсом, Х. Михаэлисом, Ф. Руге, В. Хубачем. В первом разделе Михаэлис провозглашает, в сущности, верный принцип «нацизм и Гитлера можно понять лишь исходя из всей ситуации в мире». Нельзя полностью отвергать суждение «фашистские движения — реакция на Октябрьскую революцию», хотя было бы ошибкой ограничивать изучение генезиса фашизма лишь этим аспектом. «Нацизм — протест против либерализма и большевизма», — полагает автор, не замечая, что степень «протеста» фашизма против этих явлений была различной.

Фашизм и социализм он относит к тоталитарным системам, равнозначными выступают Октябрьская революция и переворот 30 января 1933 г. в Германии. Последний он считает новой революцией, сводя ее к «ликвидации парламентско-демократической структуры», «отрицанию итогов первой мировой войны». «Европейцы любовались, с какой энергией Гитлер установил «порядок», — сообщает автор. Михаэлис отмечает, что кризис «в экономических кругах усилил тенденцию к диктатуре». Но в целом фигура Гитлера остается в центре внимания. Гитлер мог «осуществить свои идеи лишь при поддержке со стороны народа», — считает автор. Международные аспекты фашизма освещены в книге противоречиво. Более или менее объективно показаны его глобальные завоевательные цели, вернее, цели Гитлера, политика «умиротворения» западных держав. В то же время Михаэлис констатирует тезис о некоей «антагонистической борьбе Ленина и Вильсона за Германию»⁵⁴.

Сокращением количества собственных крайне консервативных авторов наряду с усилением связей с историками США, Англии, Франции обусловлено и другое историографическое явление. Многие зарубежные единомышленники издали свои труды в ФРГ. Среди них — книга американского профессора Г. А. Крэйга, которого издатель называет лучшим зарубежным знатоком германской истории⁵⁵.

Было бы ошибочным полагать, что с сокращением числа книг крайне консервативных авторов исчезло их влияние на другие направления историографии и определенной части населения ФРГ. Ряд их конкретно-исторических суждений имеет распространение в литературе других направлений, главным образом умеренно-консервативного⁵⁶. Среди них — ложные оценки НКСГ и его места в советской внешней политике. Наиболее четко они выражены, очевидно, в работах А. Хилльгрубера. В книге о внешней политике СССР в годы войны он пишет о «двух линиях советской политики по отношению к Германии», — сепаратных переговорах и создании НКСГ⁵⁷. Автор делает при этом весьма красноречивую оговорку: ему не известно, «служил ли национально-германский козырь лишь функцией в конфликте с англо-саксонскими союзниками» по поводу открытия второго фронта или он играл «самостоятельную роль» в политике СССР. Хилльгрубер не имеет и исторических источников. Тем не менее он с легкостью необычайной делает сугубо спекулятивные предположения: «в каком тяжелом положении оказались бы США и Англия, если бы СССР вышел из войны с Германией»⁵⁸.

Нельзя с порога отвергать мысль о сепаратных переговорах со стороны Германии. И в этом случае подтверждается тезис: буржуазная концепция не представляет собой стопроцентной лжи⁵⁹. Фашистская дипломатия на самом деле много раз пыталась расколоть фронт своих реальных или потенциальных противников. Гитлер надеялся, что «скрытые противоречия между англичанами, американцами и русскими принесут свои плоды». В директиве Риббентропа 5 апреля 1943 г. о работе «Комитета по делам Европы» предлагалось «уже сейчас» использовать «озабоченность, которую порождает во всех странах мысль о проникновении большевизма в Европу», а также «понимание того факта, что только германский вермахт может отвести эту угрозу»⁶⁰.

Такие расчеты не были построены на песке. В США и Англии были скрытые и явные противники сотрудничества с СССР. Достаточно напомнить затягивание второго фронта. Фашисты стремились использовать эти противоречия, особо активно — в последний период войны. Как показал Г. Штеле, исследовавший опубликованные в 1982 г. документы Ватикана военных лет, в начале 1945 г. «основную внешнеполитическую альтернативу» фашисты видели в том, что, «сознавая коммунистическую опасность», западные союзники должны прекратить военные действия против Германии, чтобы «немцы смогли прогнать русоких», или «Германия попадет в руки коммунизма, что нанесло бы колоссальный ущерб Англии и Соединенным Штатам»⁶¹. Автор многозначительно подчеркивает: в Ватикане уже в 1941 г. предвидели вероятность того, что «может возникнуть огромный коммунистический блок»⁶². Названная «альтернатива» получила воплощение в тайных переговорах представителей Германии и западных держав, прекращенных лишь после протеста Советского правительства⁶³.

Не лишена оснований и мысль о сепаратных переговорах между Германией и СССР. По свидетельству Г. К. Жукова, в октябре 1941 г., Сталин дал поручение Берии установить контакты с противником с целью заключения перемирия⁶⁴. Косвенно этот факт подтверждается и объективными данными о сложившейся военно-политической обстановке, готовностью Сталина сдать Москву, решением об эвакуации правительства. Сведения же о стремлении к сепаратному миру германской стороны более обширны. Немецкие дипломаты из числа «знатоков России», в частности генерал Э. Кёстринг, заявляли, что после 22 июня 1941 г. «любое соглашение с русскими исключено»⁶⁵. Тем не менее весьма многочисленные деятели Германии и ее союзники не отказывались от этой идеи. Как показывает весьма информированный и наблюдательный Н. фон Белов, бывший адъютант Гитлера, уже в январе 1943 г. «фюрер» понимал, что войну на два фронта против русских и американцев не выиграть. Вместе с Риббентропом вынашивал он мысль вбить клин между ними. Большое место занимал риббентроповский план мира с Россией. Меморандум Геббельса, письмо Э. Манштейна Гитлеру в ноябре 1943 г. имели аналогичное содержание⁶⁶. Известны инициативы германского посла в Анкаре Ф. Папена⁶⁷, лидеров Италии, Японии, Румынии, Венгрии. Консервативные историки, как правило, упомина-

ют стереотипный ответ Гитлера: «или безусловная победа Германии, или полное уничтожение»⁶⁸.

Утверждения о «советских инициативах» приводятся в большинстве случаев без всяких доказательств. Единственным «источником» выступает книга П. Кляйста, сотрудника И. Риббентропа и одновременно А. Розенберга⁶⁹. По заявлению Кляйста, в 1943—1944 гг. он вступал в контакты с неким «немцем русского происхождения» — Клаусом, состоявшим якобы «доверенным лицом русского посла в Стокгольме А. М. Коллонтай». Все это имеет сомнительный характер. Как показал видный специалист по истории внешней политики Германии В. Михалка, и Клаус, и Кляйст были агентами СД⁷⁰. Таким образом, «советско-германские переговоры о мире» происходили между двумя агентами германской секретной службы. Источником книги Кляйста, несомненно, является фашистская пропаганда. «Условия перемирия», которые будто бы предлагал «советский представитель», и по сути, и по форме своей чрезвычайно напоминают аргументы, с помощью которых пытались в свое время оправдать нападение на СССР Гитлер (в его выступлении 22 июня 1941 г.) и другие фашистские лидеры: восстановление германо-русской границы 1914 г., «свобода рук в проливах и в Азии»⁷¹.

Необходимо подчеркнуть, что к тезису о советских мирных инициативах фашистская пропаганда в свое время уже прибегала. Как показал Штеле, «в сентябре 1944 г. сам Гитлер через Испанию пустил в ход фальшивое сообщение о советском предложении заключить сепаратный мир, которое Гитлер отклонил, чтобы прийти к пониманию с Западом». Папа Пий XII, несмотря на собственные сомнения, передал «сообщение» американскому послу в Ватикане М. К. Тэйлору, который назвал это сообщение «смехотворным»⁷².

В свете сказанного весьма странным представляется обращенное к советским историкам требование Хилльгрубера предъявить свидетельства вымышленного события. Эта позиция живо перекликается с противоположной практикой, когда доминирует предположение виновности, особенно при преследовании прогрессивных деятелей, что грубо противоречит демократическим традициям. Принцип презумпции невиновности закреплен Декларацией прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. Согласно ему никто не вправе переложить обязанность доказывания на обвиняемого, т. е. обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Ряд вопросов возникает и в связи с другими рассуждениями. Как согласовать недвусмысленно высокие оценки реализма советской внешней политики, представленные в трудах Хилльгрубера, с его утверждениями о будто бы имевших место после побед под Сталинградом и даже Курском (когда острая необходимость второго фронта исчезла) упорных попытках СССР побудить Германию к сепаратному миру, к тому же на условиях, явно не приемлемых для нее? Среди таких условий ряд авторов называет, например, «перемену германского внешнеполитического курса». Чем объяснить, что в различных трудах приводятся самые разные варианты «предложений» о восстановлении границ Германии 1914, 1939, 1941 гг. и даже по линии Вильнюс-Одесса? Почему в историографии ФРГ внимание к восточному направлению немецко-фашистского мирного зондирования несравненно больше, чем к западному?

Несостоятельность тезиса о советских попытках к сепаратному миру с Германией в 1943—1944 гг. очевидна и ряду консерваторов, например Г. Рауху, Ф. Гессе⁷³. Тем не менее они не отказываются от вымысла. Другой подход мы встретили в уже упоминавшейся книге Михалки «Риббентроп и германская мировая политика 1933—1940». Он обратился с просьбой о консультации к известному в ФРГ исследователю истории мирных инициатив периода 1939—1942 гг. Б. Мартину, продолжающему работать над второй частью своего труда. По мнению этого специалиста, тезис о «советских инициативах» исходит «исключительно из кухонных сплетен, они сплошь выдуманы»⁷⁴.

Таким же несостоятельным является утверждение об НКСГ как инструменте советской политики и средстве давления на западных союзников. Один из сторонников этой концепции Б. Шойриг в предисловии к воспоминаниям генерала В. Зейдлица, президента Союза немецких офицеров, нарисовал весьма примитивную картину возникновения НКСГ. Это повторяется и в книге Шойрига об НКСГ и СНО. «Сталин в 1943 г. чувствовал себя изолированным, брошенным на произвол судьбы», — утверждает автор. Западные союзники отказывались признать изменения западной границы СССР 1939—1940 гг., вынашивали планы воссоздания «санитарного кордона», задерживали второй фронт. Сталину «казалось», что СССР «истечет кровью», и он «вытащил немецкую карту». Черчилль и Рузвельт «стали бояться» его сепаратного мира с Германией. Но «Гитлеру Сталин

не верил»; «мог бы помочь лишь быстрый внутривластический переворот» в Германии. Так возник НКСГ. Однако западные державы в Тегеране «гарантировали» выполнение всех требований СССР, и «немецкую карту спрятали назад»⁷⁵.

Каких-либо источников для таких построений нет. Возникновение НКСГ изображено вне связи с самим немецким антифашистским движением, оно искусственно противопоставляется антифашистской коалиции. Советскому руководству Шойриг приписывает совершенно неадекватную оценку военно-политического положения СССР, как, впрочем, и Германии. Политическое же назначение этого тезиса об НКСГ вполне очевидно: поставить под сомнение верность СССР союзническому долгу в военные годы, подорвать веру в его современную политику. Хилльгрубер вслед за А. Фишером также утверждает, что «германская политика» СССР начиная «с июня 1941 г. ни в коем случае не была последовательно «антифашистской», как единодушно утверждает советская историография после 1945 г.»⁷⁶. Эти авторы также имеют в виду создание НКСГ. Однако находить в НКСГ «альтернативу» советскому участию в коалиции также необоснованно, как и приписывать ему стремление к сепаратному миру.

Цели «Свободной Германии» и цели антифашистской коалиции фактически совпадали. Они носили демократический характер. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить программные документы НКСГ с решениями Потсдамской конференции о денацификации, демократизации, декартелизации и демилитаризации Германии⁷⁷. Национальные движения, в том числе и «Свободная Германия», органически входили в состав коалиции государств и народов. Понимание этой истины обнаруживают и некоторые наши оппоненты. Е. Крауткремер, например, показывает, что создание НКСГ, как и роспуск Коминтерна, были призваны укрепить антифашистскую коалицию⁷⁸.

Многие суждения полны противоречий. Якобсен упрекает западных союзников в том, что те «не признавали германскую оппозицию» (консервативную группу Гёрделера и Бека)⁷⁹. Якобсен и Грухман упоминают, что в правящих кругах США и Англии имелись лишь отдельные сторонники помощи Соппротивлению⁸⁰. В то же время эти историки осуждают поддержку германских антифашистов со стороны СССР. На этот счет есть интересное высказывание извест-

ного французского либерального историка А. Мишеля: «Среди великих союзных держав только СССР отождествлял свои цели с целями угнетенных народов. СССР давал пример и показывал путь к победе всем движениям Сопротивления»⁸¹. СССР действительно сотрудничал с ними, в том числе и в фашистских государствах. Непонятно, почему он должен был делать исключение для немецких антифашистов, представителей страны — главного противника антифашистской коалиции.

У этих историков — двойной критерий. Контакты немецких консервативных оппозиционеров с западными державами ими воспринимаются как патриотические действия, сотрудничество с Советским Союзом немецких патриотов представляется как «измена Родине», а НКСГ — как «инструмент врага»⁸². И в новейших своих трудах они пишут об НКСГ или известной организации Харнака — Шульце-Бойзена как о «деятельности в пользу иностранной державы», о политике народного фронта, осуществлявшейся будто бы исключительно в «национально-русских интересах»⁸³. Эти авторы не хотят или не могут понять, что в антифашистской борьбе национальные и интернациональные интересы, по существу, совпадали. В другом случае Якобсен верно пишет о «Свободной Германии» как о немецком национальном антигитлеровском движении, пытавшемся воссоздать обновленный германо-русский союз (как напоминание о Таурогене — Рапалло)⁸⁴ и с его помощью ускорить окончание войны в Европе⁸⁵. Ф. Уле-Веттлер считает, что «большинство генералов, и в их числе Паулюс, решились на сотрудничество с русскими, стремясь к поражению свастики ... а не во имя Сталина и коммунистической России»⁸⁶.

С полным основанием показывают авторы трехтомной «Второй мировой войны», что коммунисты «имели опыт нелегальной борьбы и организации массовых движений», что «им удалось вовлечь в национальные отечественные фронты очень многих некоммунистов», а «победы Красной Армии подняли авторитет коммунистов еще выше». Авторы подчеркивают при этом, что «коммунисты были патриотами»⁸⁷. Г. Вебер констатировал, что развитие Германской Демократической Республики определили два фактора — советская оккупационная администрация (и это верно в том смысле, что эта власть последовательно осуществляла ре-

шения Потсдамской конференции), а также «традиции и идеология германского коммунизма»⁸⁸.

В буржуазной историографии нет единого мнения об историческом месте НКСГ. Движение «Свободная Германия» было «тактикой, рассчитанной на ослабление морального духа противника, а не частью большого плана будущего Германии, — писал У. Лакер (Англия). — Только после того, как Красная Армия стала приближаться к границам Германии, а союзники вторглись во Францию, будущее Германии стало крупной проблемой в глазах Советского Союза»⁸⁹. А Вебер называет НКСГ «пропагандистским учреждением»⁹⁰. Другие историки отмечают незаурядную роль НКСГ — КПГ в формировании нового общества в Восточной Германии. «В лице германских коммунистов советские оккупационные власти, — свидетельствует Г. Вебер, — нашли важнейших политических помощников»⁹¹.

В историографии СССР и ГДР лишь отчасти раскрыта историческая роль движения «Свободная Германия»⁹². Его создание означало практическое осуществление антифашистской политики народного фронта, разработанной КПГ на Брюссельской и Бернской конференциях. Принципы и политика НКСГ имели столь широкий диапазон, что к движению «Свободная Германия» могли присоединиться все новые оппозиционные силы. Это явилось итогом политической и теоретической работы КПГ⁹³.

Близкую особенно в идейном отношении к крайне консервативной литературе западногерманскую неофашистскую историко-публицистику было бы неправомерным включать в историографию. По своим весьма низким профессиональным качествам, примитивным приемам, полному отсутствию научного элемента, она не может быть отнесена к исследовательской литературе. Наибольшее количество работ неофашистов по истории Германии 1933—1945 гг. приходится на 50-е и 60-е гг. Их суждения о фашизме были открыто апологетическими. Этому соответствовало их крайне отрицательное отношение к немецкому Сопротивлению. Вслед за фашистской пропагандой его отождествляли с изменой. Имея в виду немецкое Сопротивление, один из ведущих представителей этой публицистики Э. Керн писал: «Удар кинжалом во время первой мировой войны меркнет перед гигантским предательством в наших собственных рядах, которое достигло крайних пределов во время второй мировой войны»⁹⁴.

В последующие годы число специальных неофашистских изданий по истории фашизма в Германии несколько уменьшилось. Неофашистские периодические издания «National-Zeitung», «Der Freiwillige», «Nation-Europa» продолжают публикацию статей по отдельным аспектам темы. Как и крайне консервативной историографии, новейшей неофашистской публицистике свойственно переиздание опусов прошлых десятилетий⁹⁵ и книг зарубежных единомышленников⁹⁶.

Более или менее глубоких представлений о фашизме в этой публицистике мы не встретили. Очевидно, наиболее показательной является книга Г. Франца-Виллинга «Вторая мировая война». Автор называет Гитлера «народным вождем». «Раскол на буржуазию и пролетариат, — по утверждению автора, — на фабриках уступил место производственной общности работодателей и работников; доверенные лица заботились о соблюдении справедливого баланса их интересов». И далее: «Преодоление классового раскола, социальное объединение нации является наиболее значительным достижением Гитлера. Он одержал верх над капитализмом и марксизмом, это было историческое дело». Этот «настоящий социальный прогресс» будто бы обеспечил «экономическое чудо» и в послевоенное время. Ответственность за развязывание второй мировой войны Франц-Виллинг возлагает главным образом на «Англию и Америку», «Польшу с ее манией величия», СССР и Францию⁹⁷. Гитлер якобы стремился «исправить Версальский диктат мирными средствами», Рузвельт же «перешел к интервенционистской политике, которая вылилась во вторую мировую войну»⁹⁸.

Значительное место в неофашистской публицистике по-прежнему занимает немецкое Сопротивление. Так, в 1978 г. под эгидой неофашистского «Общества свободной публицистики» была проведена конференция по проблеме: «Предательство и Сопротивление в третьей империи»⁹⁹. В 70—80-е гг. значительная часть этих публицистов стремится смягчить тон по отношению к «людям 20 июля» или избегает вопроса о характере оппозиции¹⁰⁰. Р. Ашенauer объективистски не принимает фашистский вариант «Dolchstoßlegende», тем не менее утверждает, будто бы «остается до конца не изученной деятельность подпольных групп, отдельных антифашистов, которые сотрудничали с СССР, передавая исключительно важные сведения о тех или иных германских операциях»¹⁰¹. В статье Г. Демлера НКСГ —

СНО и «движение 20 июля» в целом трактуется как «измена». Так объясняет автор, например, разгром группы армий «Центр» летом 1944 г., ссылаясь на призыв 16 пленных немецких генералов к вермахту от 20 июня 1944 г. о прекращении войны. Однако в духе времени автор лавирует. Имея в виду заговор 20 июля, он полагает, что «консервативные высшие круги как целое были настроены против нацистского режима. Но тяжело боровшийся фронт понятия не имел об измене. В основе своей это было восстание ... верхов, широкие народные массы остались верными долгу, несмотря на растущие военные лишения и бомбовый террор»¹⁰².

§ 2. УМЕРЕННО-КОНСЕРВАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ФАШИЗМЕ

Появление в 60-е гг. в консервативной литературе нового — умеренного — направления обусловлено внутренним развитием историографии как науки. Имеет значение ее взаимодействие с правящими политическими партиями ФРГ. Умеренные консерваторы значительно расширили предмет исследования, осветили новые стороны фашизма. Это можно проиллюстрировать на примере коллективного труда «Нацистская диктатура 1933—1945», изданного под редакцией К. Д. Брахера, М. Функе и Г.-А. Якобсена. Авторы стремились подвести итог исследования истории фашизма в Германии. В нескольких главах книги отражены предыстория диктатуры, проблема «крупная индустрия и НСДАП» до и после установления режима, система господства, роль Гитлера в этой системе, идеологическая, социальная, экономическая политика, НСДАП и молодежь, террор. Большое место в книге заняла внешнеполитическая программа фашизма: его «конечные цели», создание блока, экономическая, мировоззренческая, чисто военная подготовка второй мировой войны, взаимоотношения владельцев «большого хозяйства, руководителей вермахта и фашистских лидеров в годы войны, оккупационная и расовая политика фашизма, немецкое Сопротивление, церковь и фашизм»¹⁰³.

Точка зрения историков этого направления в значительной степени согласуется со взглядами ХДС. Так было в 60-е гг, о чем свидетельствует, в частности, изданный в Бонне в 1967 г. бюллетень № 78 ведомства прессы и информации при федеральном правительстве «Жертвы Сопротивле-

ния — фундамент нового строительства»¹⁰⁴. Так осталось и в наши дни. Вице-президент бундестага Х. Вестфаль в одном из своих выступлений назвал фашистский режим «противоправным», осудив «опасные националистические голоса», «тоску некоторых (в современной ФРГ. — Л. М.) по авторитарному вождю»¹⁰⁵. Однако критика фашизма в речах этих деятелей звучит непоследовательно. В выступлении федерального министра строительства Шнайдера (1986 г.) по поводу сооружения национального памятника жертвам войны и тирании наряду с «преступлениями третьей империи» отмечены и некие ее «ошибки»; он пытался совместить «чувство долга и храбрость германских солдат» с войной «противоправного режима», которая велась «в преступных целях». Министр позволяет себе говорить о «многих» немцах, якобы «ставших жертвами бесчеловечной жестокости в послевоенные месяцы». В данном случае он следует известной ложной версии «общей ответственности за преступления», версии, являющейся одной из форм реабилитации фашизма¹⁰⁶. Подобная противоречивость — одна из главных черт и литературы умеренно-консервативного направления. Она заложена в самой ее методологии. Ее представители пытаются объективно отразить историю, не покидая, однако, многих ненаучных позиций.

Внимание этих ученых привлекает одна из важных проблем — преемственность в политике германского милитаризма и империализма XIX—XX вв. Если в 30—40-е гг. на верной точке зрения стояли коммунистические и отдельные представители немарксистской общественной мысли, то ныне ложное представление о фашизме как «провале» в истории, лишенном «германских корней», разделяют лишь немногие. В известной мере это сохранилось у В. Тормина. «Фашизм, — пишет он, — появился в Германии случайно, он — своего рода несчастный случай на производстве, который мог бы произойти везде.., он является немецкой формой европейского явления — однопартийным диктаторским государством. Но это происходит не из древних традиций, а из сугубо современного кризиса либерального общества...»¹⁰⁷ Здесь, хотя и очень нечетко, выражена верная мысль о фашизме как продукте общего кризиса капитализма. Однако националистически окрашенное отрицание связи фашизма с «традициями» принять нельзя. Термин не отвечает на очень важный вопрос о том, почему фашизм пришел к власти далеко не во всех капиталистических странах. На

этот вопрос невозможно дать ответ, отрицая связь развития Германии в 30—40-е гг. XX в. если не с «древними», то хотя бы с определенными ее традициями XIX в.

По поводу названной преемственности в литературе 70—80-х гг. представлены различные точки зрения. Встречаются попытки свести проблему к поверхностному сопоставлению личных качеств властителей Германии на протяжении нескольких веков. Так, научное приложение к официальному «Das Parlament» цитирует слова известного немецкого писателя Э. Людвига о фашистском лидере, воспринявшем все отрицательные черты многих германо-прусских монархов: будто бы он «имеет большое сходство с ранними германскими кайзерами... На Барбароссу он похож своей жестокостью, на Генриха V — стремлением к мировому господству, на Генриха VI — привычкой шантажировать. С Сигизмундом его сближает искусство лжи, с Венцелем — антисемитизм. Как и Карл IV, он мстит (людям. — Л. М.) за плохое детство; как Карлу V, ему свойствен мистицизм. От Фридриха I он перенял страсть к пышному строительству, от Фридриха-Вильгельма I — недостаток образования, от Фридриха Великого — импотенцию»¹⁰⁸.

Однако многие умеренно-консервативные, как и либеральные, исследователи ныне открыто констатируют преемственность именно захватнической политики. Так, Брахер отмечает, что «вильгельмовская империя подготовила путь фашистской». И далее: «Консервативно-авторитарная система и военная организация Пруссии оказали слишком глубокое влияние на политическое мышление немцев и сделали реальностью нацизм»¹⁰⁹. По мнению Михалки, «30 января 1933 г. не представляло собой радикального разрыва с немецкой внешней политикой предшествующих лет», «концепция Риббентропа исходила из традиционных целей»¹¹⁰.

Авторы упоминавшегося 10-томника верно отмечают милитаристскую традицию в Германии последних 150 лет. Основу политики, начиная с 1933 г., составляли не только фашистская «идея жизненного пространства», но и жившее с начала столетия в сознании германских элитарных кругов стремление к власти; убеждение, что «современники германской великодержавной политики» 1914—1918 годов на рубеже 20—30-х гг. «вызвали силы, целью которых была экспансия», что и в это время «среди большей части населения страны были живы милитаристские традиции вильгельмовской эпохи». Авторы находят «причинные связи» между вто-

рой мировой войной, с одной стороны, и поражением Ноябрьской революции и Версальским договором — с другой. И это верно, если иметь в виду, что в Германии действительно не были ликвидированы социально-экономические корни милитаризма — империализм, отличавшийся в данной стране наибольшей реакционностью и агрессивностью¹¹¹. Необходимо учитывать также весьма развитую в ФРГ в последнее время литературу о Веймарской республике¹¹², а также многочисленные труды о захвате власти фашизмом в 1933 г.¹¹³ В ряде публикаций вопрос о преемственности в германской истории рассматривается весьма широко: не только до, но и после 1933—1945 гг.¹¹⁴

С рубежа 60—70-х гг. проблема преемственности сводится к вопросу о «проводниках германской политики войны». В 10-томнике упоминаются «буржуазно-националистические слои» и «их представители в министерстве иностранных дел, вермахте, экономике и науке... которые приветствовали милитаризацию». «Разногласия экономических кругов, вермахта и дипломатов с Гитлером, — подчеркивают авторы, — возникли только в 1937 г. и касались лишь темпов вооружения». И далее: «Никто ... не оспаривал решения начать войну, насилие само собой подразумевалось». Тезис о «ведущих силах общества» при всей его расплывчатости представляет собой определенный шаг вперед. Однако все они поставлены в книге на одну доску. Авторы не показывают особую ответственность наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии¹¹⁵. Более последовательно и глубоко проблема раскрыта в труде М. Барча и его соавторов¹¹⁶.

В 40—50-е и в меньшей степени в последующие годы крайне консервативные историки и мемуаристы многое сделали, чтобы реабилитировать генералов и офицеров. Эта тенденция обнаруживается и в новейшей литературе. Так, авторы книги о фельдмаршале Э. Манштейне — Р. Манштейн и Т. Фукс пытаются оправдать сотрудничество генералов с НСДАП их «страхом перед коммунистической революцией»¹¹⁷. Однако ведущие специалисты по новейшей истории Германии вслед за историками СССР и ГДР ныне констатируют это преступное сотрудничество. Характерна и в этом отношении позиция авторов 10-томника. В нем — важные замечания о деятельности военных в 1918—1932 гг., проложившей путь диктатуре. Рейхсвер был военной и политической реальностью. Он пытался извлечь соответствующую

щие уроки из поражения в первой мировой войне, в нем возрождались великодержавные устремления. Военно-политическая доктрина Грёнера соответствовала интересам реакции. Республика под руководством Шляйхера¹¹⁸, опиравшегося на доверие Гинденбурга, превращалась в милитаристское государство¹¹⁹.

В. Дайст показал в 10-томнике, как с приходом фашистов к власти небольшая армия, численность и вооружение которой были ограничены в Версале, превратилась в многомиллионный хорошо вооруженный вермахт. Вопреки утверждениям о «миролюбии» генералитета, автор подчеркнул, что армии были предоставлены широкие полномочия, что «постоянные старания» генералов В. Фрича и Л. Бека «ускоряли германское вооружение». В этой же связи Дюльффер пишет: «Именно Бек уже в 1935 г. выступил за усиление темпов вооружения, ссылаясь на обострение внешнеполитической ситуации». На самом деле, справедливо подчеркивает автор, напряженность как раз и возникла вследствие германского вооружения. Вопреки известному тезису об авантюризме одного лишь Гитлера и высокой квалификации генералитета Дайст верно считает, что «оперативное планирование вермахта полностью соответствовало ошибочным расчетам Гитлера». И далее: «Уже на раннем этапе также и в военном руководстве место профессионального осмысления заняли догматы веры». Иными словами, автор правильно считает, что классово обусловленный авантюризм был общим пороком Гитлера и генералов. В научном и политическом отношениях заслуживает внимания наблюдение, сделанное Дюльффером на основе материалов работы Дайста. По его мнению, «недостаточно полная оценка возможных намерений и мероприятий» вермахта со стороны его вероятных противников «оказалась исторически чрезвычайно действенной в развязывании и ведении им второй мировой войны»¹²⁰.

М. Мессершмидт и Ю. Фёрстер сравнительно объективно показали фактическое единство большинства офицеров и НСДАП в их «мировоззренческой войне» против Советского Союза. Эти офицеры полагали, что «государство Ленина представляло угрозу для германского господства над Европой». Они были согласны с Гитлером в том, что «будущее немецкого народа зависит» от захвата «жизненного пространства на Востоке». Они разделяли и вымысел о «превентивном» характере нападения на СССР. В 10-томнике опу-

ликовано известное соглашение генерального штаба армии и руководства СС о совместных действиях по уничтожению советского населения ¹²¹.

Важное значение для понимания новой литературы имеет освещение роли монополий в истории Германии вообще, в становлении и развитии фашизма в особенности. Это имеет сильное политическое звучание. Имея в виду военно-промышленный комплекс, американский генерал периода войны, впоследствии президент США, Д. Эйзенхауэр с полным основанием призывал «остерегаться катастрофического потенциала», которым располагает комплекс, «грозных последствий» сочетания огромного государственного военного ведомства и промышленности средств уничтожения.

В критической литературе бытует мнение об игнорировании в ФРГ вопроса о монополиях ¹²². Дело, однако, обстоит не совсем так. В первые годы после окончания войны не без влияния самих фактов недавнего прошлого, а также известного решения Потсдамской конференции о декартелизации Германии и успешного осуществления этого решения в советской зоне оккупации Германии, в общественном мнении ФРГ преобладали антимонополистические настроения. Это отражалось и в исторической литературе. По мнению автора «Политической истории Федеративной республики» Г. К. Руппа, «на антимонополистических позициях стояли все политические партии от ХДС до КППГ». Они понимали «тяжелую историческую вину германских крупных промышленников», которые финансировали захват власти фашистами ¹²³.

Весьма характерно, что в литературе США, Англии, Франции также, начиная с первых лет после войны, отнюдь нет табу на освещение этого вопроса. Там многие констатируют активную роль крупных германских промышленников и в установлении диктатуры, и в развязывании войны ¹²⁴. Сыграли роль известные суды над промышленниками, осуществленные американской военной администрацией в Германии вскоре после Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. Характерно, что многие исследователи опирались на материалы этих процессов ¹²⁵.

В годы «холодной войны» и реставрации господства финансового капитала в Западной Германии под эгидой Риттера была принята формула умолчания или тактика прямых атак на правильный тезис о роли монополий. Однако

уже на рубеже 50—60-х гг. появились признаки отказа от этих фальсификаций. В 1969 г. советская критика отмечала, что почти все ведущие исследователи умеренно-консервативного направления в той или иной степени отказались от умолчания или открытого отрицания роли монополий в установлении диктатуры и развязывании войны¹²⁶. Часть же историков продолжала придерживаться старой позиции. Якобсен, например, и в 1968 г. в книге о внешней политике Германии¹²⁷ открыто отрицал тезис об ответственности монополий. Это отмечали и демократические историки ГДР¹²⁸.

В 70—80-е гг. проблема «фашизм и монополии» не только заняла видное место в общих трудах, но и стала предметом специальных изысканий¹²⁹. В главе «Политика, хозяйство и вооружение при нацизме» книги «Гитлер, Германия и державы» Г.-А. Фолькманн утверждает, что «нацистский режим не был насажен германским капиталом в целях расширения экономической базы путем фашистских агрессий и территориальной экспансии ... Ведущие германские хозяйственные круги поставили себя на службу агрессивным устремлениям германского фашистского правительства, чтобы тем самым создать в значительной мере независимое от мировой экономической конъюнктуры замкнутое европейское экономическое пространство, в котором реализовать автаркию в высшем смысле этого слова»¹³⁰. Автор полемизирует с догматическим тезисом о «назначении» Гитлера. Но в научной литературе давно уже никто не разделяет этого прямолинейного утверждения¹³¹. Однако Фолькманн обнаруживает попытку реабилитировать монополии. Разве «автаркия» не равносильна «агрессии и экспансии», к которым монополии будто бы не причастны?

К. Хильдебранд констатирует, что «хозяйственным интересам отдельных концернов, например, ИГ-Фарбениндурии в определенной степени соответствовала динамика гитлеровского экспансионизма». К сожалению, автор не показывает, как велико было число таких концернов, были ли в Германии вообще такие монополистические объединения, которые не поддерживали фашизм и тем более выступали против него¹³². Но автор с полным основанием отмечает далее «непрямую», хотя и «логическую» связь между названной «динамикой» и Освенцимом. Он сообщает о «разногласиях», возникших еще до начала войны между Гитлером и Шахтом, а также другими представителями капитала по поводу предстоявших агрессий и экономической экспансии,

в том числе и планируемых переселений и геноцида в ходе Восточного похода. Автор отмечает, и это весьма симптоматично, что «разногласия» касались лишь «формы» будущих акций¹³³.

Нельзя принять замечания Ш. Блоха о «ликвидации Гитлером автономии хозяйства»¹³⁴, хотя бы только в поздний период, о монополиях как «инструменте в руках Гитлера». В эту схему не укладывается даже тот материал, который приведен самим Блохом. Оказывается, между Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану (названному автором «прямым средством вооружения») и промышленниками сохранялись «хорошие отношения», «полное взаимопонимание», они получали «более высокие прибыли, чем прежде». Ссылаясь на роль ИГ-Фарбениндурии в осуществлении упомянутого плана, автор заключает: «Во всяком случае нельзя говорить о полном лишении «крупной индустрии политической власти». Лишь немногие из господствующей элиты составили «принципиальную оппозицию» Гитлеру (Бек и Гёрделер), хотя «все яснее становилось, что его фанатизм, жажда власти и завоеваний становятся источником все больших преступлений...» Автор объясняет это не только страхом элиты перед репрессиями, но и ее собственным «национализмом»¹³⁵, вернее империализмом.

Якобсен сделал определенные шаги в сторону установления органической связи фашизма с капитализмом. В книге «Путь к разделу мира» автор отмечает, что фашистские державы, «несомненно, стремились поделить источники сырья и жизненное пространство ... Их цели в конечном счете были формой выражения позднеимпериалистической политики силы». Он принимает тезис о том, что содержание политики Японии, Германии, Италии в первую очередь составляла экспансия, «расширение (господства. — Л. М.) вследствие ... изобилия капитала, людей и товаров; но и как своего рода реакция короткого замыкания на политическую депрессию, экономический кризис и обеднение». Он пишет об «экономической эксплуатации» как одной из главных целей фашизма в Восточной Европе, отмечает, что «в строительстве великого экономического региона ... во время войны во все возрастающих масштабах активно участвовала ради эксплуатации и собственной выгоды большая часть германской индустрии». Автор публикует сообщение имперской группы «Индустрия» о заседании ее внешнеэкономической комиссии 8 ноября 1941 г. Но здесь же Якобсен воз-

вращается к своим старым утверждениям о расистских догмах, которые будто бы «в первую очередь» составляли основу «нового устройства Европы». Эволюцию его взглядов нельзя считать устойчивой¹³⁶.

Противоречива позиция и Фолькманна. Он верно полагает, что «в предвоенное время предпринимательская инициатива в Германии сокращалась ... В то же время росло политико-экономическое влияние крупных капиталистов. Особенно это характерно для большой химии, во главе которой стоял ИГ-Фарбениндустри. Вслед за марксистско-ленинской историографией автор сообщает о «замещении важных, если не важнейших постов в государственных хозяйственно-политических ведомствах многочисленными представителями промышленного капитала», называет при этом владельца машиностроительных заводов Плейгера, текстильного фабриканта Керля, директора ИГ-Фарбениндустри Крауха¹³⁷. В целом, однако, Фолькманн, и это отмечает Дюльффер¹³⁸, при освещении экономических мотивов военных решений германо-фашистского руководства недооценивает тезис марксистских историков.

10-томнику свойственно преимущественное внимание к специальным вопросам военной экономики 1933—1939 гг., при этом многие социально-экономические факторы остаются в тени. Констатируют, например, «взаимное согласие вермахта, партии и экономики»¹³⁹, но не анализируют социальную сущность этого, по их словам, «пакта»; утверждают, что по мере укрепления режима «политика взаимных уступок» внутри «пакта» будто бы сменилась насилием со стороны партии. В этом труде, по существу, доминируют известные концепции «параллельного существования» трех участников «пакта» и концепция «экономики (и вермахта) под принуждением»¹⁴⁰. В. Бредов, рецензент, пишет, что в т. 1 10-томника «зрело исследовано сближение индустрии с нацистской партией». Однако он ограничивает это сугубо технической стороной: «Все более тесное соединение индустрии и военных в авиации ни в коей мере не было специфичным для немецкого вооружения, это характерно для всех стран вплоть до наших дней»¹⁴¹.

Ряд немарксистских исследователей освещает это более объективно¹⁴². Один из авторов книги «Нацистская внешняя политика» В. Карр констатирует, что военные заказы гарантировали индустрии «высокие прибыли», что «тесно связанные с вооружением вермахта» концерны Маннесман-

на, «Герман Геринг», ИГ-Фарбениндустри, ведущие банки, особенно Дрезденский и Немецкий, «развивали свои собственные экспансионистские планы». На рубеже 20—30-х гг. «значительная часть крупной буржуазии обратилась к идее создания экономической монополии в Центральной и Юго-Восточной Европе». К сожалению, Карр вводит нечеткое понятие «экономический империализм» концернов и банков, который, по его мнению, сам по себе будто «не привел бы к войне» и лишь в союзе с «империализмом нацистов представлял особо взрывоопасную силу»¹⁴³.

Концепция параллельного существования содержит положительное зерно, но не дает полного знания. Близко к ней освещение сотрудничества фашистов и монополистов в стиле известной сказки о волшебнике, освободившем злого духа и потерявшем контроль над ним. Вслед за К.-Д. Эрдманном¹⁴⁴ к ней прибегает либеральный историк К.-Г. Янсен: «ведущие буржуазно-консервативные круги» Германии, предоставив власть Гитлеру, «выпустили джина из бутылки и сами оказались в плену его демонической силы». Заметим, что «нравственное разложение» этих слоев отнюдь не вызывает сомнения у автора¹⁴⁵.

Распространен тезис о разделении функций, будто бы существовавших между НСДАП, монополистами, дипломатами, чиновниками, генералами, деятелями искусства и т. д. Даже один из самых убежденных фашистов А. Шпеер, министр военной экономики, выступает в виде простого исполнителя поручений «фюрера». Призванием же всей его жизни будто бы была и осталась архитектура¹⁴⁶. О монополистах, будто бы далеких от политики, сообщает А. Милуард (Англия). Он утверждает: кроме СССР, во всех странах — участниках войны «широко привлекались к управлению хозяйством предприниматели, но сугубо в специальных целях»¹⁴⁷. Это служит реабилитации тех лиц в Германии, кто сознательно и активно сотрудничал с фашистами во имя общих с ними целей.

В современной консервативной историографии сохранилась открытая реабилитация монополий. В одной из книг читаем: «Деньги Круппа не объясняют ни агрессивности Гитлера, ни газовых камер», «расизм — вот в чем суть нацизма»¹⁴⁸. В целом же эта литература более или менее последовательно констатирует преступную роль монополий.

В умеренно-консервативной литературе получила подтверждение установленная в документах коммунистических

партий 20—30-х гг. истина: «фашизм — это война»¹⁴⁹. «Война и уничтожение составляли закон развития нацизма»¹⁵⁰, — пишет Дюльфер. Некоторые историки приводят соответствующие суждения Гитлера и положения программы НСДАП.

Большинством авторов т. 1 10-томника подчеркнуто, что «германская политика с 1933 г. была ориентирована на войну», что эта «генеральная линия» определяла все решения и действия фашистской диктатуры. В томе более или менее последовательно раскрыты милитаристская идеология, «пропагандистская мобилизация» населения на войну, «идеологическая унификация» государства и общества, роль вермахта в психологической подготовке войны, внутренняя политика фашистов, поставленная ими «на службу подготовки войны». Один из главных выводов В. Ветте гласит: «В идеологии и политической практике германского фашизма насилие играло настолько значительную роль, что и после его поражения в 1945 г. во всех языках понятие «фашизм» и «насилие» остались тождественными». Впрочем, в томе есть и отступления от этой линии. Мессершмидт сообщает о некоей ставке Гитлера на «миссионерскую деятельность людей высшей расы, которая должна была охватить весь мир».

С полным основанием авторы отмечают, что «военные цели фашизма не ограничивались «пересмотром» Версальского договора»¹⁵¹. Эта мысль была обоснована в документах коммунистических партий, в марксистской исследовательской и публицистической литературе 30-х гг. Историки ФРГ также показывают, что «ревизия Версаля» была лишь началом движения Германии к мировому господству. Якобсен отвергает тезис о «мирном» периоде в развитии фашизма: «Несомненно, это — ложь, что нацистская внешняя политика 1933—1939 годов делилась на периоды ревизии (версальских ограничений для Германии. — Л. М.) и экспансии (1933—1937, 1938—1939 годы). Напротив, речь идет о том, что до 1937 г. была фаза скрытой подготовки агрессии, с 1938 г. началась фаза открытой экспансии средствами угрозы применения силы и развязывания войны в 1939 г.» Автор высмеивает попытки представить внешнюю политику Германии 1939—1945 гг. в виде «революционных», «справедливых», «оборонительный» войн. «Крестовый поход против большевизма, — подчеркивает он, — также был в первую очередь вывеской, используемой в пропагандистских

целях»¹⁵². А. Хилльгрубер на широкой источниковой базе показал глобальный характер стратегии фашистов. Их программа имела этапы: завоевания вплоть до Урала и создание империи на базе европейского материка; колонизация Африки и других континентов; борьба с США за мировое господство¹⁵³.

Интересны материалы об экономической подготовке агрессии. По мнению авторов 10-томника, «размах и собственная динамика вооружения формировали внешне- и внутривнутриполитическое развитие Германии 1933—1939 гг. в гораздо большей степени, чем это предполагалось до сих пор», что вся экономика страны «развивалась под знаком подготовки к войне». Вслед за марксистско-ленинскими учеными они пишут, что «слишком большие инвестиции» в экономику вооружения сами по себе вели к войне. Авторы показали, что фашистские лидеры видели во внешних захватах единственный выход из «перманентного перенапряжения экономики»¹⁵⁴. Обосновывая в речи перед главнокомандующими вермахта 22 августа 1939 г. предстоящее нападение на Польшу, Гитлер «не в последнюю очередь» ссылаясь на «безнадежное состояние экономики, которое не оставляло империи другого выбора». Эту мысль, впервые высказанную в марксистско-ленинской публицистике еще в 30-е гг., принял также М. Гейер. Он показал, что ответственным лицам в Германии уже в 1935—1936 гг. было ясно, что перед страной вскоре откроется альтернатива: или кризис хозяйственной и государственной системы, или поиски выхода в войне¹⁵⁵.

Хилльгрубер и Хильдебранд также считают, что одним из побудительных мотивов развязывания войны в 1939 г. было понимание того непреложного факта, что Германия в начатой ею гонке вооружения исчерпала все свои возможности и вскоре безнадежно отстанет от своих потенциальных противников¹⁵⁶. Этот вывод разделяет и Янссен. «Безудержно-авантюристическая гонка вооружений очень скоро истощила экономические возможности империи, — констатирует он. — Нехватка рабочей силы, узость сырьевой базы уже в 1938 г. не оставили руководству другого выбора, как скорейшее расширение сферы господства империи»¹⁵⁷.

«Планирование вооружения, — пишет Дайст, — определялось задачами подготовки агрессии», а не стремлением «достичь равной безопасности», как утверждали пропаган-

да и дипломатия. «Германское вооружение привело в 1933—1939 годы к радикальному и быстрому изменению в соотношении сил в Европе»; «готовый к нападению вермахт превосходил все (западно-европейские — Л. М.) армии», подчеркивает автор¹⁵⁸. Фолькманн показывает, что «устрашение безработицы в Германии осуществлялось не на здоровой мирной конъюнктуре», а с помощью государственных мероприятий, прямо или косвенно направленных на вооружение. И далее: «Кто выделяет в развитии нацистской политики период создания рабочих мест и лишь впоследствии — период вооружения, тот не понимает связи между политикой и экономикой в третьей империи»¹⁵⁹. В книге Х. Фримерта «Производственная эстетика в фашистское время» показано, что война была естественным условием существования фашизма, она «освобождала фашистов от лавирования в отношениях с рабочими, война и военное право вполне удовлетворяли претензии господствующих кругов»¹⁶⁰.

Помимо агрессивности внешней политики фашизма в трудах умеренных консерваторов нашли отражение многие ее частные аспекты, в том числе дипломатия. В 1978 г. Якобсен издал книгу «Нацистская внешняя политика». В 1985 г. опубликована его глава «Роль дипломатии в третьей империи» в книге «Дипломатический корпус в 1871—1945 годы». Автор начинает свою обобщающую работу с высокой оценки «основополагающих трудов» известного либерального историка Ф. Фишера. По мнению Якобсена, Фишер «впечатляюще показал, насколько губительным оказалось то, что с конца 80-х гг. прошлого столетия консервативные руководящие элиты и тяжелой промышленности ... взяли великодержавный курс экспансий, экономического империализма, вооружения»; большинство политиков Веймарской республики вынашивали идею возвращения Германии «положения великой державы в центре Европы». «Благодаря международным исследованиям спустя 50 лет после нацистского «захвата власти», — полагает Якобсен, — не остается сомнения в том, что в 1933 г. начался качественный поворот в германской внешней политике. Ревизия (Версаля. — Л. М.) не являлась больше целью, а лишь промежуточной станцией для постепенной реализации нацистской программы экспансий и (одновременно) средством стабилизации режима».

В 20-е гг. Гитлер говорил о «неоправданности» военных походов с целью простого восстановления границ 1914 г. Но в 1938—1939 гг. сформировались радикальные цели, для

осуществления которых фашисты не останавливались и перед использованием вермахта. Для Гитлера и ему подобных война была «законным» средством политики и «выведения лучшей расы». Те силы в государстве, экономике, армии, которые одобряли вооружение лишь с целью обороны, были смещены. Путь к завоеванию так называемой «великогерманской империи» казался очищенным. Якобсен верно отмечает, что нацисты намеревались «не только расширить территории», «установить гегемонию над другими народами, к чему в прошлые столетия стремились и другие империалистические державы». Их «конечной целью было полное уничтожение «противников» ... создание нового «упорядоченного» на расовой основе европейского континента». Автор непоследователен в определении их «конечных целей». В других своих работах он сам приводит сведения, свидетельствующие не о европейском, а о глобальном характере этой программы.

Якобсен полагает, что большинство дипломатов Германии не «сразу распознали цели нацистов», критикуя лишь их грубые методы. Но автор отмечает и нечто противоположное: «Многие скептики и колеблющиеся, за небольшим исключением ... были захвачены удивительными внешнеполитическими успехами Гитлера». Он раскрывает заблуждения Нейрата и «многих его консервативных единомышленников относительно возможности укрощения нацистов», усиления «Германии мирным путем». Якобсен противопоставляет позицию Нейрата «империализму нацистского типа», «не замечая» при этом, что германские границы 1914 г., за восстановление которых ратовал министр, включали исконно польские земли с преобладающим польским населением. Объективно Нейрат и его сторонники сыграли неблагоприятную роль: «Сохранение старых кадров создавало видимость продолжения традиционной внешней политики, что успокаивающе действовало на заграницу».

Сравнительно объективно характеризует автор известного дипломата, участника движения 20 июля 1944 г. Э. Вайцекера (отца президента ФРГ). Он олицетворял собой, по Якобсену, «лучшие традиции осознающего свой долг самоотверженного служащего, в котором большие специальные знания сочетались с чувством ответственности. Его отношение к нацизму было сдержанным, хотя он и осуждал радикализм (фашистов. — Л. М.) во внутренней политике и не уставал предостерегать против авантюристических пла-

нов нацистских властей (в последний раз перед началом похода против России), однако его голос не был услышан». Вопреки провозглашенным им самим методам, автор воздержался от оценки этических позиций Вайцекера.

Отрицательно оценивает Якобсен профессиональные качества Риббентропа: «примитивные представления о мире, о действительных причинных связях», «не умеет видеть главное». Не обладая полными источниками, ученый высказывает лишь приблизительное суждение о социальном составе дипломатического корпуса. «Большинство чиновников происходили из дворян, высшей бюрократии и офицерских родов», «разделяло сильно выраженные консервативные взгляды, мыслило категориями надпартийного долга государственного чиновника и повседневной рутины». Но по политическим мотивам было смещено фашистами «самое большее 6% этих чиновников. К 1937 г. одна треть дипломатов были члены НСДАП, в 1941 г. — три четверти. Унификация министерства иностранных дел проходила медленнее, чем в других ведомствах — не было кадров для смены прежних». В 1939, «рубежном», году, по мнению Якобсена, дипломатия все больше отступала на задний план. Ей была отведена «роль послушного вспомогательного инструмента при осуществлении «нового порядка» в Европе, нацистской пропаганды во всем мире и расистской политики уничтожения». Якобсен отмечает, что с началом экспансии «усилилось соперничество ... между службами внешнеполитического ведомства», руководством вермахта и шефами гражданских учреждений, органами СС и имперским министерством экономики, крупными концернами и имперским министерством оккупированных восточных областей, имперскими комиссарами, гауляйтерами. Гитлер же полностью сконцентрировался на военно-оперативном руководстве.

Внутренняя борьба за власть и различные внешнеполитические концепции элит, по мнению Якобсена, до сих пор не проанализированы. Это он относит и к дипломатии. Общий вывод автора гласит: «Министерство иностранных дел с его многочисленными дипломатами показало в 1933—1945 годах высокую степень приспособления» (*к фашизму*. — Л. М.). При этом он не показывает, «вытекало ли это из оппортунизма или из представления о том, что только путем ничтожного сопротивления можно было сохранить традиционную внешнеполитическую линию или предотвратить худшее». Якобсен верно отмечает, что реализации внешне-

политических целей фашизма служили также и министерства экономики, финансов, вермахт. Вся «структура нацистской внешней политики», ее отдельные административные службы выполняли задачи «воспитания немецкого народа в героически-боевом, фанатичном духе, милитаризации всего общества», «унификации имперских немцев», «создания новой системы союзов», раздела СССР по планам, подготовленным Розенбергом, «создания нордической общности судеб». В заключение автор снова отмечает ответственность дипломатов за попытки обмануть мир с помощью «миролюбивых» и «национальных» лозунгов, усыпить бдительность народов. Германские дипломаты, как «гомогенная реакционная замкнутая общность единомышленников, разделяющих крайне консервативные взгляды», «оказались помощниками в осуществлении нацистской оккупационной и военной политики, в отдельных случаях покровительствовали депортации евреев».

В целом позиция Якобсена непоследовательна. Он верно полагает, что большинство немецких профессиональных дипломатов «очень скоро идентифицировали себя с политикой имперского правительства», заняли высокое положение в СС, «Нейрат явно стал почитателем Гитлера и нацистских идей». С другой стороны, автор утверждает, будто дипломаты лишь «частично» приняли фашистскую программу, «не соглашаясь с конечными целями нацистского режима», будто они вплоть до 1939 г. оставались «в неведении относительно истинных целей нацистского руководства». Историкам известно, что НСДАП никогда не скрывала своей агрессивности. Так, авторы т. II «Германской истории» подчеркивают «четкую завоевательную линию Гитлера от 1924 г. до 1939—1945 годов»¹⁶¹. Якобсену не удалось также преодолеть недостаточное внимание к социальному и экономическому факторам истории. Главным действующим лицам по-прежнему остался Гитлер с его «пренебрежительным отношением к дипломатам», с его «внешней политикой и его войной», «его завоевательной программой»¹⁶².

Внешняя политика фашизма отражена во многих новых публикациях. Среди них — специальные труды Хилльгрубера, Хильдебранда, Михалки, сборники «Гитлер, Германия и державы», «Нацистская внешняя политика». В них анализируются фашизм и его внешнеполитические концепции; структура внешней политики и факторы, определявшие ее; международные связи. Значительное место эта тема занима-

ет в трудах по истории Германии и других стран, истории второй мировой войны¹⁶³. Многочисленные работы освещают такие моменты, как внешнеполитический аппарат, внешнеполитические учреждения НСДАП и вермахта, роль пропаганды во внешней политике; отношения Германии с ее союзниками, западными державами, Советским Союзом, странами Юго-Восточной Европы, внешнеполитические программы немецких антифашистских движений.

Вопросы внутренней политики в литературе умеренных консерваторов по-прежнему занимают незначительное место. Известны работы Д. Петцины о социальном положении немецких рабочих и проблеме занятости в годы второй мировой войны¹⁶⁴, М.-Л. Рекер — о социальной политике фашистов¹⁶⁵, других авторов о труде немецких женщин в 1933—1945 гг.¹⁶⁶

Внутренней политике посвящена глава Ветте т. 1 10-томника. Автор отмечает, что «внутриполитическая программа НСДАП была направлена на уничтожение парламентаризма и многопартийности, создание авторитарного государства во главе с «фюрером», а также унификацию всех профессиональных и иных союзов. Все это было не самоцелью, а предпосылкой для завоевания «жизненного пространства». Главная задача внутренней политики, по Ветте, — в «превращении немецкого общества в инструмент гигантской экспансии». Ветте подчеркивает, что фашисты, учитывая опыт первой мировой войны и революции 1918 г., стремились втянуть в подготовку и ведение войны весь народ как «единую народную общность». Этим объясняет автор и то обстоятельство, что первый удар был нанесен по коммунистам и социал-демократам, что фашисты стремились «оторвать рабочих от революционной идеологии западноевропейского социализма, склонной к пацифизму». Автор подчеркивает большое значение «добровольного сотрудничества» с фашизмом армии, бюрократии, юстиции, индустрии, консервативных политиков; отмечает, что после разгрома путча Э. Рема всего за полтора года они «подчинили своему господству государство и общество». Единственное «право», которым впредь располагало население, состояло в том, «чтобы задним числом возгласами одобрения выражать согласие с политическими действиями режима ... чтобы снова и снова присягать единству правительства и народа»¹⁶⁷.

Автор не без оснований полагает, что НСДАП находила своих избирателей главным образом в старых и новых сред-

них слоях, а не среди рабочего класса. Лишение его политического и профессионального представительства пытались восполнить идеологическим воздействием, социально-политическими уступками, созданием мнимо профессиональных организаций, террором. Автор называет «фикцией» «общность на предпрятии» и «народную общность». Это привело к «лишению прав трудящихся в пользу государственного регламентирования и увеличению прибыли предпринимателей». «Германский трудовой фронт», по Ветте, ни в коей мере не является равнозначной заменой запрещенных профсоюзов. Общий уровень жизни в 1939 г. был выше, констатирует автор, чем в 1933 г., но лишь немногие сознавали, что прирост национального продукта был осуществлен почти исключительно за счет производства вооружения.

Режим, полагает автор, проводил «готовую к уступкам социальную политику из страха перед не поддающимися учету последствиями народной нужды. Даже в 1939—1940 годах он отказывался от сокращения производства товаров потребления». Ветте цитирует в этой связи английского историка Т. Мейсона: «Ненависть против нацистского режима в кругах рабочих в 1938 г. была, естественно, меньшей, чем в 1933 г., однако среди них сохранялось сознание специфических коллективных интересов, которые противоречили интересам господствующих групп. Это выражалось в многочисленных акциях солидарности на рабочих местах». Рабочие, как и все остальные немцы, повиновались в сентябре 1939 г. решению правительства развязать войну. Однако «в отличие от первой мировой войны ... среди населения не было того восторга, но не было и забастовок в годы войны». Ветте полагает, что аналогичная с Ноябрьской революцией ситуация в 1939—1945 года не могла повториться главным образом вследствие террора¹⁶⁸.

К консервативным направлениям необходимо отнести большинство трудов, посвященных истории церкви фашистского периода. Изданные церковью обеих конфессий или авторами, связанными с нею, эти труды занимают в историографии особое место. Монографические исследования и документальные публикации по этой теме должны составить предмет специального исследования. Одним из основных центров по изучению церкви 1933—1945 гг. является комиссия современной истории при католической академии в Баварии. Она опубликовала 21-томное собрание документов и исследований. Круг ее интересов составляют взаимо-

отношения церковного руководства и государства, поведение католического населения и католических организаций в отношении фашизма, католическая эмиграция¹⁶⁹. Крайне консервативные историки стремятся предать забвению одиозные с точки зрения клерикалов темы, представить в выгодном свете подчас профашистские действия тех или иных церковных руководителей во время войны¹⁷⁰. Но в литературе, связанной с церковью, представлены и труды авторов неконсервативных направлений. Число специальных исследований об антифашистской борьбе верующих невелико. В той или иной степени она рассматривается в трудах по проблеме «Церковь и фашизм»¹⁷¹.

В книге «Нацистская диктатура 1933—1945» опубликованы две работы о церкви обеих конфессий в годы фашизма. Один из наиболее крупных в ФРГ специалистов по истории церкви профессор Боннского университета К. Релген¹⁷² и его соавторы К. Готто и Х. Хокерт назвали свою главу «Нацистский вызов и католический ответ». Другая глава «Спротивление евангелической церкви в третьей империи» принадлежит перу А. Бойенса.

Релген и его соавторы подчеркивают, что установление диктатуры в Германии произошло благодаря существенной поддержке церкви. Политический католицизм, чью оппозиционность, по мнению автора, Гитлер явно переоценивал, «беззвучно сошел со сцены». Крах клерикальной партии Центра не был обусловлен лишь известным конкордатом правительства Гитлера с Ватиканом. Церковное руководство и большинство верующих надеялись на «духовно-политическую кооперацию» церкви и «третьей империи». Церковная иерархия рассчитывала сохранить и при фашизме «достаточную сферу влияния». В статье прослеживается политика НСДАП, рассчитанная на полное отстранение руководства церкви от паствы, подчеркнуты «осторожный, скрытый, но последовательный и интенсивный характер» этой политики. Ликвидация католической прессы, профсоюзов, школ не составила для режима каких-либо трудностей.

Как показано в главе, католические лидеры, поняв, что фашизм стремится к ликвидации христианской религии и полной замене ее своей идеологией, проявили «нонконформизм», большинство же верующих пошли за ними. Однако «борьба за самосохранение» не означала «отказа от лояльного отношения к режиму». Германский епископат признал власть «легальной». Лишь епископ Пройсинг ратовал за

активный протест. В целом для «отцов церкви» не существовало проблемы, справедлива ли война, развязанная фашистами. Авторы явно преувеличивают влияние трех проповедей епископа Галена в июле — августе 1941 г., в которых он осудил разграбление монастырей, умерщвление душевнобольных (эти проповеди в статье названы «событием европейского значения»). Но с общими выводами авторов необходимо согласиться: позиция католичества была не наступательной, а оборонительной. Церковь боролась лишь за самосохранение, а не за свержение преступной власти. Немногие же католики, примкнувшие к активному Сопротивлению (Б. Леттенхаус, Й. Вирмер, А. Дельп), боролись не по поручению церкви и без ее поддержки¹⁷³.

В главе Бойенса апологетические тенденции выступают более четко. Он полагает, что существовало «легальное духовное сопротивление протестантской церкви», что сама мысль о «политическом сопротивлении была ею решительно отвергнута». В то же время он неоднократно распространяет понятие «политическая борьба» на всю церковь, хотя речь шла об активных выступлениях лишь отдельных ее представителей. Таково опубликование имевшего в известной мере оппозиционное содержание письма церковных руководителей в одной из швейцарских газет 28 мая 1936 г. Священник Ф. Вайсслер и два студента-теолога, переправившие это письмо, были брошены в концлагерь. Таковы письма Гитлеру епископа Вурма, порицавшего убийство евреев, а после начала войны и лиц других национальностей, и призывавшего к восстановлению мира. Не без оснований автор статьи отводит особую роль пастору Д. Бонхёфферу, подобно М. Нимёллеру, активно боровшемуся с фашизмом. Бонхёффер был связан с группой «Крайзау». Общие же выводы автора о деятельности протестантской церкви напоминают выводы Релгена и его соавторов о церкви католической. Руководители протестантов стремились ужиться с новым режимом, не было сопротивления церкви в целом. Лишь отдельные ее приходы, группы или последователи участвовали в пассивной, реже активной борьбе против фашизма. О заговоре 20 июля знали лишь единицы¹⁷⁴.

В новейшей литературе, особенно умеренно-консервативного направления, несколько усилилось внимание к специфике различных национальных форм фашизма¹⁷⁵. Однако известные концепции во многом не выдерживают крити-

ки. Якобсен подчас сводит все дело к «основательно отличавшимся друг от друга политическим системам Германии, Италии, Японии», в конечном счете к вопросу о том, кто персонально осуществлял политику в этих странах. В Европе, по его мнению, экспансию проводили «в первую очередь беспокойные диктаторы с их специфическими руководящими элитами, развязавшими войну против воли многих генералов», в Японии же — воинствующий армейский генералитет, выступавший против руководства военно-морского флота и министерства иностранных дел. Автор преувеличивает степень разногласий внутри японской правящей верхушки. И главное — Якобсен не сумел раскрыть то принципиально важное, что сближало агрессивные «политические системы», т. е. свойственный им всем государственно-монополистический капитализм, империализм в его крайних проявлениях. Автор лишь упоминает некие «могущие быть доказанными параллели» или называет эти страны «неимущими», подразумевая под этим, что они опоздали к разделу мира¹⁷⁶.

Несмотря на это, Якобсен, очевидно, ближе других умеренных консерваторов подошел к решению проблемы. Он видит «новое качество» германо-фашистского империализма в том, что его целями были «не только расширение территорий ... но и в конечном итоге окончательное физическое уничтожение «врага», тотальное духовное растрепывание народа и строительство «нового порядка» в Европе на основе расовых принципов и качественно измененных ценностных понятий». Автор показывает также, что целью фашизма было «мирское господство великогерманской империи»¹⁷⁷.

В трудах Якобсена попытки показать специфику фашизма в различных странах и особенности двух мировых войн связаны¹⁷⁶. В некоторых своих работах историк подчас также ограничивает сравнение войн констатированием второстепенных моментов: экономическая ситуация в Германии 1939 г. была «несколько лучше», чем в 1914 г. К сожалению, обратив внимание на специфику фашистской завоевательной программы, Якобсен не сумел воспользоваться выводом марксистских исследователей о том, что эта специфика создала условия для объединения в рамках единой военной коалиции усилий государств с различными социальными системами.

Отметим также некоторые замечания других западно-германских авторов о специфике национальных форм фашиз-

ма и связанных с ними особенностях мировых войн. В отличие от Якобсена Т. Шидер вполне правомерно пытается учесть специфику фашизма в странах аграрных (Венгрии, Испании, Румынии), аграрно-индустриальных (Италии) и индустриальных (Германии), однако делает это весьма непоследовательно, тем более, что ставит под сомнение целесообразность общего понятия «фашизм»¹⁷⁹. Ряд историков ограничиваются по существу констатированием того, что «феномен нацизма следует рассматривать ... в сравнении с другими формами фашистских режимов в Европе того времени»¹⁸⁰, что «возникновение, ход и итоги второй мировой войны нельзя понять без изучения первой мировой войны»¹⁸¹. Другие сосредоточивают свое внимание на различных частных моментах. По мнению Г. Хольмстена, бывшего сотрудника фашистской службы информации, в Германии 1939 г. не была такого шовинистического угара, как накануне первой мировой войны¹⁸². Хильдебранд видит отличие фашистского внешнеполитического курса в том, что его основу составляли «антисемитизм, антибольшевизм и доктрина «жизненного пространства»¹⁸³. Все эти весьма разные по своей сути факторы в фашистской программе приобрели новое качество.

Некоторое усиление интереса к сравнению исторических событий и явлений свойственно и другим историографиям. Такую попытку, хотя и весьма неудачную, на наш взгляд, сделал на симпозиуме в Штутгарте в 1981 г. Г. Дойч (США). Он считает, что в первой мировой войне преобладали будто бы политические и военные цели, а во второй мировой войне — идеологические. «Империалистические и территориальные цели» автор упоминает вскользь, причем делает это настолько нечетко, что читатель остается в неведении, к каким участникам обеих мировых войн это относится¹⁸⁴.

Историки ГДР верно подчеркнули, что сравнительный анализ фашизма в различных странах в первую очередь должен учитывать «уровень развития капиталистических производственных отношений, а также зависимость этих государств от германского империализма»¹⁸⁵. На наш взгляд, этого недостаточно. На самом деле, как верно считал Г. С. Филатов, в Германии «фашизм обрел самую совершенную форму»¹⁸⁶, и это, несомненно, связано с тем, что в этой стране был наиболее высокий уровень развития капитализма среди фашистских государств. Но приведенная схема не

объясняет того факта, что высокий уровень был свойствен не только германскому капитализму. По нашему убеждению, специфику фашизма нельзя исследовать вне ленинского анализа особенностей империализма в различных странах. Этот анализ основан в первую очередь на доскональном изучении экономики того или иного государства. Но экономическая история Германии и других фашистских государств до сих пор изучена недостаточно. Это препятствует плодотворному исследованию и национальных особенностей фашизма.

* *
*
*
*

Как и в предшествующие десятилетия, в западногерманской литературе о фашизме труды историков консервативных направлений, особенно умеренно-консервативного, имеют широкое распространение. Они отражают интересы правых фракций буржуазии и опираются на их поддержку. В конце 70-х — первой половине 80-х гг. позиции крайне консервативных авторов вследствие их низкой профессиональной подготовки и большой тенденциозности значительно ослабли. Преобладание в их работах идеологического над научным, эмоционального над логическим, прямое влияние фашистской пропаганды военных лет препятствуют осмыслению опыта прошлого и его использованию в интересах господствующего класса. Однако открыто консервативные тенденции не исчезли. Они свойственны трудам не только крайних, но и умеренных консерваторов, а также неофашистской публицистике. Поэтому научная критика не должна ослаблять своего внимания к ним.

Умеренные консерваторы более эффективно, чем крайние, осуществляют идеологическую функцию историографии, широко прибегая к утонченным искажениям истории. Вместе с тем они стремятся изучить подлинные события и явления прошлого, в частности, для разработки конкретных рекомендаций своей партии в социальной, экономической, внешне- и внутривластной, военной и других областях. Их перу принадлежит ряд новых специальных исследований. Проблематика их работ стала более широкой. Они отражают движущие силы германского фашизма, глобальный, преступный характер его целей и политики, место антисоветской агрессии в его завоевательной программе. Умерен-

ные консерваторы ввели в научный оборот значительные материалы о роли старой германской элиты, в том числе военных монополий, в развитии фашизма. Этим был поколеблен тезис об исключительной роли Гитлера. Тем не менее литература этого направления далеко не полностью освободилась от названного принципа и других ненаучных подходов к прошлому. Необходимо отметить также, что определенными своими достижениями эти ученые обязаны нескольким школам либеральной историографии.

Глава третья

ФАШИЗМ В ТРУДАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

§ 1. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИСТОРИКИ О ФАШИЗМЕ

Видное место в либеральной литературе о фашизме в 70—80-е гг. заняла школа профессора Гамбургского университета Ф. Фишера, широко известная весьма объективной трактовкой генезиса первой мировой войны. Вопреки господству консерваторов в буржуазной литературе об этой войне, как отмечалось в журнале «Коммунист» (1984, № 11), был «введен в научный оборот огромный фактический материал, дано верное объяснение многим событиям. Имеются в ней и труды, авторы которых (Г. Хальгартен, Ф. Фишер, И. Гайсс и другие) ... смогли подняться до верной оценки причин и характера первой мировой войны» (с. 97—98). Это нанесло сильный удар по консервативной концепции фашизма как «провале» в истории¹.

Еще в 1933 г. в Германии была написана книга Хальгартена, опубликованная в ФРГ лишь в 1951 г.² Однако крайние консерваторы нейтрализовали ее. Поступить так с книгой Фишера им не удалось. Книга Фишера «Рывок к мировому господству» вышла в свет в 1961 г.³ С тех пор в ФРГ и за ее пределами не прекращается дискуссия⁴. Автор отверг тезис о невинности Германии. Он показал, что политическое и военное руководство кайзеровской империи в целом, а не «отдельные фантасты», как пытались представить крайние консерваторы, целенаправленно разрабатывали обширную программу аннексий, чтобы превратить Германию в ведущую мировую силу. Считая канцлера кайзеровской Германии «исполнителем» (а не «творцом») поли-

тики, автор доказал, что программа служила могущественным группам крупной буржуазии и юнкерства, что именно они определяли экспансионистскую внешнюю и реакционную внутреннюю политику. Их агрессивность Фишер объясняет, тем, что Германия с опозданием вошла в круг великих держав, а также стремлением правящих элит с помощью внешнеполитических акций отвлечь внимание от социальных конфликтов и укрепить свое господство. Не без оснований объясняет В. Егер (один из представителей школы) достижения Фишера тем, что он отказался от традиционного внимания к дипломатической истории и обратился «к анализу функций и экономических движущих сил гегемонистской политики»⁵.

Предметом исследований Фишера стала преемственность целей империализма XIX—XX вв. В 70-е гг. он с успехом распространяет свой подход к первой мировой войне на историю фашизма и развязанной им войны. Такова книга «Союз элит» о «развитии государственных структур в Германии 1871—1945 годов»⁶. В книге и докладе на 32-й конференции союза западногерманских историков в Гамбурге он отмечал: «В Веймарской республике высшие слои аграриев и промышленников в содружестве с ведущими военными надеялись в победоносной войне восстановить и укрепить монархическую систему и тем самым ... подготовить в своих интересах внешнеполитический базис империи, сначала в Европе, потом во всем мире.

Доктрина «среднего положения Германии в Европе»; представления о Восточной империи ... о германской Центральной Африке оставались живыми. Несмотря на парламентскую форму правления, сохранялись старые «элиты власти» вместе с их прочными позициями в экономике и обществе, в высшей бюрократии и юстиции, и прежде всего — в армии. Они были носителями преемственности германских великодержавных устремлений. Но они были не в состоянии сделать широкие народные массы противником рабочему классу. Им предложил свои услуги Гитлер, который с помощью экстремистского национализма и антисемитизма сформировал массовую партию преимущественно из деклассированных средних слоев мелкой буржуазии (города. — Л. М.) и крестьянства. Союз между этими неравными партнерами привел ко второй попытке Германии завоевать позиции мировой державы. <...> Элите было чрезвычайно важно, что Гитлер обещал ей устранить все

антикапиталистические течения внутри его партии, что он и сделал в июле 1934 г. с величайшей жестокостью»⁷.

В итоговой статье «К проблеме преемственности в германской истории от Бисмарка до Гитлера» Фишер подверг критике «дипломатический и военный методы» изучения империализма, принятые А. Хилльгрубером и его единомышленниками, и обосновал «комплексное исследование факторов социально-исторических, экономических, внутривнутриполитических, а также внешнеполитических и военных». Автор вскрыл несостоятельность тезиса об «экономике под принуждением». Новые источники, считает Фишер, показывают, что крупные промышленники «хотели поставить Гитлера на службу социальным, политико-экономическим целям. Сторонники тезиса «экономика под принуждением» не замечают, что обе стороны ... стремились к сильному государству». Фишер показывает активное воздействие монополий на формирование политики «третьей империи», их антикоммунизм. Проявление в фашизме «прусско-германской традиции» ученый видит в «преувеличении собственных сил, в формулировке немецких претензий, в историко-философском обосновании немецкого предназначения руководства человечеством»⁸.

Анализируя обстановку в Германии 1933 г., автор отмечает раскол рабочего движения в стране. Вместе с тем он вовсе не разделяет мнения об ответственности рабочего класса за установление власти фашизма. Новым для литературы ФРГ является попытка историка исследовать отношение к фашизму отдельных социальных слоев. Фишер не выделяет двух основных классов — буржуазии и пролетариата. Не без влияния М. Вебера⁹ автор рассматривает их в одном ряду с другими «социальными группами» (бюрократия, военные и др.). Часто рабочий класс выступает лишь в качестве объекта, за который боролись различные фракции буржуазии. «Индустрия, — считает автор была в одном ряду с высшей бюрократией, армией, церковью, тем не менее она сыграла решающую роль в переустройстве государства». Он указывает на «органическую связь военных и промышленности в перевооружении Германии»; считает односторонним тезис о «Гитлере как влиятельном орудии (одних лишь. — Л. М.) химических монополий».

Автор намерен продолжить исследование роли каждой монополии. «Те или иные внешнеполитические планы, провозглашенные фашистами, — пишет он, — фактически раз-

рабатывались германскими монополиями и другими реакционными кругами уже в конце первой мировой войны и первые послевоенные годы. Среди них — «включение» Австрии, акции против Чехословакии и Польши, экономическое давление, использование вопроса о германских меньшинствах как повода против стран Юго-Восточной Европы». Фишер напоминает известный план руководителя ИГ-Фарбен К. Дуисберга, стремившегося объединить в таможенный союз Европу от Бордо до Одессы.

Автор сравнивает развитие Германии в 1897—1918 и 1918—1933 гг., выделяет конкурирующие фракции буржуазии, представлявшие добывающую и обрабатывающую промышленность, отмечает развитие «специфической германской банковской системы ... в которой связь с концернами была большей, чем в других индустриальных странах. Именно эти фракции, тесно связанные с министерской бюрократией, стремились к экономической и политической гегемонии Германии». Выделенные автором другие социальные группы — профессура университетов и гимназий, пасторы и журналисты — также ассимилировались с ведущими силами экономики и поддерживали их. Фишер отмечает связь с ними и лидеров германской социал-демократии, ослабление ее революционного крыла. Эти тенденции он замечает и в поведении немецких профсоюзов. «Верные их социал-реформистскому курсу, они не хотели рисковать своими сплоченными организациями и не соглашались на эксперимент социализации и поддержку рабочих советов. Вместо структурных преобразований экономики они добивались лишь собственного признания и укрепления своего положения внутри существующей экономической системы. Создание «Центрального общества» организованных работодателей в ноябре 1918 г. нанесло смертельный удар любой социализации. Профсоюзы лишь в союзе с предпринимателями планировали устройство народного хозяйства в кризисный послевоенный период».

По верным наблюдениям Фишера, первая мировая война не внесла качественных изменений в структуру общества и государства Германии. В 1918 г. прежние позиции занимали аграрии, промышленность, армия. Конституция 1919 г. не затронула социально-экономических основ. Все мероприятия осуществлялись «в традиционных рамках бисмарковской концепции революции сверху». Фишер отмечает усиление концентрации экономики начиная с 1924 г., об-

разование концерна стали и объединение четырех банков. Важное обстоятельство, по его мнению, выпало из поля зрения ученых. Это возрождение в 1924—1925 гг. союза старых элит, сформировавшегося еще в 1879 г. Союз оказал решающее влияние на развитие экономической и социальной политики. Группа металлургической промышленности (Ройш, Тиссен, Шпрингорум, Кирдорф) выступала против парламентской системы. Их идеалом было сильное государство, независимое от партий и парламента. Стальные магнаты стремились к авторитарному сословному государству. Об этом свидетельствует, показывает автор, и концепция нового государственного устройства консервативных участников заговора 20 июля 1944 г.

Автор сообщает, что сравнительно слабое крыло предпримателей группировалось прежде всего вокруг владельцев электрической и химической индустрии (Сименс, Дуисберг). Они ориентировались на американскую технократическую модель, поддерживали контакты с профсоюзами и только с их помощью предполагали превратить Германию в современное конкурентоспособное индустриальное государство. Не без оснований автор показывает, что в условиях слабости либеральных и демократических сил, раскола рабочего класса парламентский лагерь был полностью оттеснен, на авансцену вышла политическая элита крупного землевладения, индустрии, армии, высшей бюрократии «как гарантов порядка и нового подъема». Фишер снова и снова отвергает «апологетические тенденции». «Новейшие источники подтвердили, — пишет он, — что «консервативные группы», наоборот, хотели поставить Гитлера на службу своим социальным, экономическим, а также военно-политическим целям».

Видное место в трудах Фишера занимает характеристика сначала рейхсвера, впоследствии вермахта «как фактора политики». Уже в мае 1919 г. преемник Э. Люддендорфа В. Грёнер заявил высшим офицерам о цели армии — «отвоевать для Германии мировые позиции». Фишер называет это «преемственностью ошибки», она была персонифицирована «в Гинденбурге, кайзеровском генерал-фельдмаршале». В разгроме партий, профсоюзов, созданных фашистами «германского трудового фронта» были реализованы целевые установки Бисмарка. Автор ошибочно считает фашистскую политику истребления «нарушением традиции прусско-германской армии». В то же время он отмечает, что в вермах-

те «раздавалось мало голосов против военных преступлений», что была преэминентность в политике с позиции силы, которая проявлялась прежде всего «в нечеловеческом обращении с населением как с гелотами».

Фишер показывает попытки монополистических кругов Германии в начале 30-х гг. вместе с Австрией, Чехословакией, Румынией и Болгарией создать единый экономический блок в «антирусских и антикоммунистических целях». Автор полагает, однако, что эти круги не хотели доводить дело до «милитаристской экспансии в этом регионе». Иначе оценивает он позицию военной касты, которая «никогда не оставляла идеи восстановить военно-политическое влияние Германии в Европе и в мире». Одно из проявлений реакционной линии в истории Германии Фишер видит и в одобрении генералами политики по отношению к Австрии, Чехословакии, Франции; («их подавление окончательно обеспечило бы новый порядок в Центральной Европе и одновременно, как и в 1914 г., подчинение влиянию Германии Люксембурга, Бельгии, Голландии»).

Верные мысли высказывает Фишер о фашистской войне против СССР. «Российский поход начался, как и предшествовавшие походы, в соответствии со стратегией молниеносной войны и принципом бить противника поодиночке. Однако сопротивление Советского Союза привело к провалу похода и перелому в ходе всей войны». «Россия еще в большей степени (чем Западная Европа. — Л. М.), — говорит Фишер, — была объектом завоевания». Он подчеркивает, что «в старом стиле экономического империализма» германское военное руководство пыталось на Востоке Европы, особенно на Украине и Кавказе ... создать на длительное время противовес американской экономической мощи». Полемицируя с Хилльгрубером, он показывает, что великодержавные цели Германии по отношению к России и странам Юго-Восточной Европы отнюдь не исчезли после ее поражения 1918 г. Уже в первые послевоенные годы «взгляд немецкой индустрии был устремлен на возвращение потерянного положения в Центральной Европе»¹⁰.

Ученики и последователи Фишера составили известную во всем мире школу. Среди них — историки либерального и социал-демократического направлений К. Вернеке, И. Гайсс, В. Егер, Г. Погге, Г. Хардах, Д. Штегманн, Ф. Штрагманн и др. Некоторые из них сделали новые шаги к истине. Штегманн, например, в книге «Наследие Бисмарка»

подверг более полному анализу, чем это сделал Фишер, не личности, а классы и общественные группы Германии¹¹. Перу Штегманна принадлежит также работа о преемственности внешнеэкономической политики Германии в 1925—1934 гг.¹²

Школа Фишера оказала сильное влияние и на литературу о немецком Сопротивлении. В статье «Консервативная знать — альтернатива Гитлеру? Контакты Англии с немецким Сопротивлением в 1938 г.» Б.-Ю. Вендт отмечает, что освещение в ФРГ темы «Сопротивление в третьей империи» «по-прежнему настолько отягощено в политическом и моральном отношении, что многие суждения постоянно возбуждают подозрение среди жертв нацистской тирании». Автор подчеркивает, что активные участники Сопротивления от левых до правых, несмотря на различие их целей и общественно-политического положения, «благодаря их самопожертвованию, самоотречению, моральной целостности ... станут примером для будущих поколений».

Вендт показал преемственность политических планов правого крыла движения 20 июля 1944 г. Он верно отмечает, что если по вопросам внутренней политики Бек и другие консервативные заговорщики сильно расходились, то во внешнеполитической программе «однородность была относительно высока». Они выступали за возвращение колоний, восстановление Германии как мировой державы. Постоянно, вплоть до 1944 г., усиливавшаяся антирусская позиция, особенно Гёрделера и Хасселя, была созвучна традициям Бисмарка и Вильгельма II. Заговорщики с полным основанием считали нереальными фашистские планы «жизненного пространства». Но и их собственные программы были великодержавными, захватническими.

Известны попытки крайне консервативных историков возложить ответственность на английское правительство за неуспех немецкого Сопротивления. Вендт отвергает это обвинение и показывает, что готовность к немедленным действиям Бека, Гёрделера, вопреки заверениям их эмиссаров в Лондоне, была сомнительна, что англичане не видели в них действительной «альтернативы Гитлеру». В этой связи он анализирует меморандум Гёрделера от 4 декабря 1938 г., его требования восстановить восточные границы 1914 г., присоединить Австрию, Судетскую область, колонии, предоставить Германии статус великой державы, принять ее в альянс с Западом против СССР. Вендт вскрывает идентичность программ Гёрделера и Шахта. «Политическое руковод-

ство в Лондоне, — пишет автор, — очень хорошо понимало, что ему предлагают свои услуги консервативно-националистические политики, которые уже однажды — четверть века назад — вынудили англичан к борьбе за существование»¹³.

Если в либеральных и демократических кругах работы Фишера и его школы встретили весьма положительные отклики, то историки-консерваторы, особенно крайние, приняли их в штыки. Как известно, правительство воспрепятствовало научной командировке Фишера в США. Его книгу осудили, как «сознательно направленную на расторжение западного сообщества»¹⁴. По мнению Риттера, эта книга вела к «подрыву немецкого национального сознания». Ведущие историки-консерваторы Э. Цехлин, К. Д. Эрдманн открыто отвергли осуждение Фишером германской политики силы и его метод «политико-социальной истории». Они противопоставили этим принципам геополитический подход. Политика Германии в XX в. так же, как и ее поражения, будто бы обусловлены ее «срединным положением в Европе», «бедностью занимаемого ею пространства»¹⁵. Они отмечали «опоздание Германии к разделу мира», но исходили при этом из автономии внешней политики по отношению к внутренней, пытаясь подорвать таким образом одну из основных теоретических посылок Фишера. Риттер считал фашизм «инородным телом в истории Германии». Крайние консерваторы стремились «вселить в современников новую веру в немецкую традицию и историческое наследие»¹⁶.

На книги Фишера и его единомышленников резко нападают в неофашистской публицистике¹⁷. Однако крайне правым не удалось ни устранить с историографической арены концепцию Фишера, ни локализовать ее область истории первой мировой войны. Его трактовка целей Германии в 1914 г. распространилась за эти сравнительно узкие пределы — она привела к утверждению мысли о преемственности в истории германского империализма и новых объективных моментов в оценке фашизма и его роли во второй мировой войне¹⁸. По существу, она привела к пересмотру многих аспектов новейшей истории в значительной части трудов.

Влияние Фишера прослеживается и в умеренно-консервативной литературе¹⁹. Г.-Г. Янссен писал в 1979 г.: «Еще двадцать, даже десять лет тому назад, вероятно, было бы невозможно изображать третью империю в качестве преем-

ника бисмарковской империи, вильгельмовской Германии... и обвинять в катастрофе 1945 г. традиционную правящую элиту»²⁰. Рост интереса к сравнительному анализу двух мировых войн также нельзя рассматривать вне влияния школы Фишера. Своему возникновению и развитию школа во многом обязана марксистско-ленинской исторической науке, независимо от того, признают это или нет. Основные выводы Фишера и его последователей до них были сделаны учеными марксистской ориентации. Можно допустить, что отдельных историков к этим выводам привела сама логика научного исследования. Но это не меняет дела, просто они вновь открыли то, что было уже открыто. В этой связи едва ли правомерно ставить в один ряд два фактора развития буржуазной историографии ФРГ: «влияние марксизма» и «прорыв Фишера»²¹. Это отнюдь не дает оснований для того, чтобы как-то приуменьшить гражданское мужество Фишера — он смело шел против течения — и его профессиональное мастерство — он, по крайней мере, на новом гигантском материале подтвердил очень важные для науки выводы.

Школе Фишера свойственны ошибки, обусловленные некоторой классово и гносеологической ограниченностью, антикоммунистическими предубеждениями, с ними связаны и недостаточное знание трудов своих предшественников из марксистско-ленинской историографии. Так, Фишер и часть его последователей полагают, что германский империализм уже в 1914—1918 гг. преследовал цели мирового господства²². Другие же ошибочно ограничивают его цели в 1939 г. лишь рамками Европы или завоеванием «позиций великой державы». Нет единства в оценке ответственности за обе мировые войны. Одни ошибочно считают виновной только Германию (Гайсс), иные пишут о значительной вине Германии. По Егеру, цели кайзеровской империи были одновременно и оборонительные, и захватнические. Это «неспособное к реформам, неповоротливое государство» было не в состоянии «защищаться от демократических тенденций внутри страны и поэтому прибегло к агрессивной внешней политике»²³. В принципе нельзя отрицать такой тенденции. Но как совместить тезис автора о порочности кайзеровской империи с его утверждением о «защите (?) ее от демократических тенденций», т. е. от революции? Напомним, что единомышленник Егера Гайсс признает законный характер революции. Егер и в других случаях проявляет недооценку

возможностей противников германского империализма в самой стране²⁴.

Школа Фишера способствовала усилению интереса к функциям историографии. Уже первые рецензии на книгу Фишера «Рывок к мировому господству» верно показали, что она «должна служить напоминанием современным политикам» о событии 1945 г., что «прежде всего относится к восточной политике Германии»; что «устранение злого наследия германских политиков должно стать центральной сегодняшней задачей»²⁵. Позднее Гайсс на основе изучения истории «германских гегемонистских устремлений» сделает верный вывод: «Мир в Европе может быть сохранен лишь в том случае, если ФРГ откажется от посягательств на нынешнее статус-кво». Автор полагает, что «на немецкой земле невозможно объединение государственной власти», «любая попытка воссоздать великую державу неизбежно привела бы к третьей мировой войне»²⁶.

Не без влияния школы Фишера в 70-е гг. в ФРГ возникла и в наши дни получила значительное развитие другая школа либеральных исследователей, объединяющихся вокруг журнала «Geschichte und Gesellschaft». Некоторые историографы называют ее группой «социальной истории», что представляется недостаточно строгим²⁷. «Методом социальной истории» руководствуются в какой-то мере и представители других направлений и школ.

Один из крупных представителей этой школы — профессор Билефельдского университета Х.-У. Велер — значительное внимание уделяет теоретическим проблемам истории. В сферу его интересов входит так называемый «социалимпериализм» как агрессивная политика полуфеодалных военных и аграрных кругов. Он видит социально-экономическую основу империалистической экспансии, признает примат внутренней политики. Ему известны специфичное для Германии противоречие между «ускоренным социально-экономическим развитием и устаревшей политической структурой», неспособность кайзеровской империи к модернизации, общая реакционная линия от Бисмарка до Гитлера²⁸. Широкий диапазон его исследований; роль классов в европейской истории, история Пруссии и национальная политика в Югославии, социальная история женщин и молодежи, семья и демография²⁹. Значительны его работы по историографии³⁰.

Как и Фишер, Велер пришел к изучению фашизма от

других проблем. Некоторые итоги его изысканий по истории фашизма представлены в обобщающей статье «30 января 1933 г. — полвека спустя». Она опубликована одновременно в приложении к печатному органу бундестага-бундесрата и в сборнике «Нацистская диктатура»³¹. Автор придает большое значение Международному трибуналу в Нюрнберге, хотя «юрисдикция союзников охватила лишь узкую группу элиты, которая занимала ведущие посты коричневой диктатуры». Отрицательное отношение автора к фашизму четко выражено в его статье. В ней он стремится выявить научные достижения и различные точки зрения в изучении фашизма³².

По верной оценке Велера, Риттер пытался «направить дискуссию в апологетическом направлении». До 1968—1969 гг. не могло быть речи о широком и интенсивном изучении фашизма, не было и обобщающих работ. Велер не без некоторых оснований положительно оценивает книгу К. Д. Брахера о крахе Веймарской республики (1955 г.)³³, отмечает, что в 1969 г. М. Брошату в книге «Государство Гитлера» удалось путем системного анализа на широком круге источников «показать натуру» этого режима.

С 60-х гг. группа ученых с растущим скепсисом выступила против доктрины тоталитаризма и основанных на ней интерпретаций, стала оспаривать монолитный характер фашистского господства и видела множество конкурировавших центров власти — поликратию. М. Брошат, Х. Моммзен, В. Шидер начали дебаты. Они продолжают до наших дней. В оценке доктрины тоталитаризма сам Велер непоследователен. В какой-то мере он признает ее пользу, но в целом отрицает ее позитивную роль в изучении социально-экономических предпосылок фашизма и его превращения в массовое движение. Велер критикует персонификацию, в частности, в трудах консервативных авторов о внешней политике фашизма, «никчемную мешанину гитлеровской идеологии как первооснову движения». Историки, сузившие нацизм до гитлеризма, верно отмечает Велер, подвергаются усиливающейся научной критике.

В конце 60-х гг., по мнению автора, произошел «ренессанс коммунистических и социалистических теорий фашизма». Велер верно считает, что «несостоятельная «теория агента», (сведение функции фашизма к роли «агента» буржуазии) как известно, инкриминируемая консерваторами марксистско-ленинской историографии, является «псевдо-

марксистской». По Велеру, преимущественное внимание ученые уделяли германской форме фашизма. Но автор приписывает «коммунистам и социалистам суждение о фашизме как специфической форме «буржуазного господства», который будто бы «с внутренней необходимостью вырос из глубокого кризиса капитализма, когда разразился мировой экономический кризис 1929 г., и снова может вырасти». Известно, что марксистская историография исходит из убеждения, что фашизм не был неизбежен. Марксистские историки имеют в виду, далее, не всю буржуазию, а лишь наиболее реакционную часть империалистов.

Плодотворна рекомендация Велера осуществить сравнительный анализ германского, итальянского, французского фашизма. Вопреки мнению многих консерваторов, отрицающих обоснованность общего понятия «фашизм» он требует оставить такое «собирательное понятие для правых радикалов». Однако исследователь ошибочно полагает, что фашизм был направлен против коммунизма, и против капитализма. Выступая за единый подход к изучению фашизма, автор ошибочно считает возможным объединить все «соперничающие подходы — доктрину тоталитаризма, персонификацию, представление о фашизме как «ревизионизме», хотя и высказывает некоторые сомнения. Вопреки осуждению персонификации Велер утверждает, что НСДАП всегда оставалась движением Гитлера, диктатура — «государством Гитлера», внешняя политика — вотчиной Гитлера. Правда, автор здесь же ставит задачу дальнейшего анализа формирования культа Гитлера, степени и сферы его распространения. Касаясь социальной ответственности наук, Велер верно подчеркивает, что историческая наука ФРГ остается должником в отношении итогового труда, поскольку «фашистский жаргон просочился в последние годы в речь редакторов, учителей и вместе с тем в язык групп, формирующих общественное мнение»³⁴.

Анализируемую школу либеральных историков представляет также профессор Билефельдского университета Ю. Кокка, автор серьезных исследований о положении служащих в США и других странах, о развитии капитализма и политической интеграции в 1867—1945 гг.³⁵ Значительное внимание уделяет автор методологии исследования³⁶. Через многие его труды вполне определенно проходит мысль о связи фашизма с капитализмом, прежде всего с «владельцами тяжелой промышленности и банков», об «антидемокра-

тической и антилиберальной ориентации значительной части германских правящих слоев»³⁷.

В специальной работе о происхождении германского фашизма Кокка принимает в принципе верную оценку его природы. Он разделяет марксистские мысли о фашизме как результате кризиса капиталистического хозяйства и буржуазного общества, о влиянии экономического кризиса 1929 г. на установление фашистской власти, о роли капиталистов в этом³⁸. Но он пытается отделить от капитализма наиболее одиозные черты фашизма. Следуя концепции параллельного существования фашизма и монополий, авторы которой преувеличивают известную самостоятельность диктатуры, Кокка пытается показать, что в политике фашизма не все можно «объяснить экономическими интересами или стремлением к самосохранению капиталистической системы». Он называет в этой связи «агрессивный натиск» фашизма, который подчинил себе экономические и политические интересы; «бесчеловечные черты диктатуры», антисемитизм, миф «крови и земли»³⁹. Кокка прав: не все акции фашистов служили укреплению капитализма непосредственно. И тем не менее главное в программе и практике фашизма 1933—1945 гг. было прокапиталистическим, и в конечном счете все служило укреплению капитализма. И для самого Кокки «не подлежит сомнению, что глубокий кризис частнокапиталистической системы и антидемократическая, антипарламентская и антисоциалистическая политика большинства предпринимателей внесли большую долю в установление нацистской диктатуры. Неоспоримо также и то, что крупные предприниматели при нацистском господстве (вопреки его поражению. — Л. М.) потерпели меньший ущерб во влиянии и жизненных шансах, чем другие классы, например наемные рабочие».

Представления Кокки о капитализме идеализированы. Но к этому социально-экономическому строю относятся не только высокие принципы Великой французской революции, но и колониальное рабство, не только преимущества парламентаризма, но и две кровавые мировые войны. Автор выделяет антибуржуазные элементы идеологии фашизма — известные ее антикапиталистические, антиерархические лозунги. Правда, сам автор показал, что «практика» фашизма вопреки идеологии отнюдь «не затронула основ частного капитализма». Он сообщает о «двуликости нацистского движения, его одновременной идеологической реакционности и

революционности»⁴⁰. Но здесь явно смешиваются сущность и явление, принимаются на веру известные догматы пропаганды. Впрочем, в другой своей работе «Третья империя: ряды почти сомкнуты. Какие перспективы открывает исследование повседневной жизни?» автор не приемлет ложного представления о фашизме как революции⁴¹.

По-видимому, полемизируя с некоей догмой, Кокка верно полагает, что фашизм «нельзя считать исключительно порождением позднего капитализма», что «фашистские движения победили в Германии и Италии, а не в Англии и США», странах, где капитализм получил более полное развитие. В числе обстоятельств, способствовавших фашизации, автор правильно отмечает: «Германия никогда не пережила успешной буржуазной революции», она во многом была заменена «бюрократической реформой сверху»; «в индустриальной Германии сохранялись феодальные и милитаристские традиции, чрезвычайная власть бюрократии и военных»; захват власти фашистам «удался лишь после того, как они объединились со старыми правыми, частью консервативной элиты в индустрии, сельском хозяйстве, среди военных и бюрократии»; до конца Веймарской республики милитаризму не удалось полностью подчинить себе гражданские силы, но притязания военной верхушки ограничивали парламентаризацию Германии. «Приказ и послушание, служба, долг и верность были качествами более высокого ранга, чем спокойствие, терпимость, критика и дискуссия», — с полным основанием считает автор. Фашистская диктатура довела эту милитаристскую традицию до крайности. Автор объективно показывает также влияние военного поражения Германии 1918 г., тяжелые репарационные обязательства по Версальскому договору, резкое усиление шовинизма в стране, ослабление рабочего движения в 1929—1933 гг. Он подчеркивает, что захват власти фашистами «ни в коей мере не был единственной возможностью преодолеть кризис»⁴², что изучение национальной специфики фашизма требует «комплексного анализа положения дел в различных странах на протяжении длительного времени»⁴³.

В главе «Новое начало или реставрация» книги «Поворотные пункты германской истории. 1848—1945» Кокка показывает, что мелкие ремесленники и торговцы, мелкие и средние служащие, мелкие и средние крестьяне до 1933 г. сильно страдали от экономических кризисов Веймарской республики. Взгляды и требования «среднего сословия»,

частично ориентированные на старые, доиндустриальные образцы, легко оказались в конфликте с действительностью, что вылилось в коллективное недовольство. Сословно-цеховых идеалов придерживалась значительная часть ремесленников, они требовали от властей «защиты от сильного ветра современной хозяйственной конкуренции». Служащие стремились к правовым и социальным привилегиям, «с помощью которых они смогли бы оторваться от пролетариата, на который смотрели свысока». В этих мелкобуржуазных слоях, отмечает Кокка, воспоминание о будто бы «хорошем старом времени» соединялось с ненавистью и к капитализму, и к социализму, эгоистическим скепсисом в отношении демократии. «Из этой взрывной смеси и возникло коричневое движение Гитлера, соединившее антикапитализм и антисоциализм в догматической мешанине».

Внимание Кокки привлекла реакция населения Западной Германии на фашизм, точнее, его разгром в 1945 г. Вопрос имеет прямое отношение к оценке автором сущности фашизма. Известно, что в первые послевоенные годы многие в этой стране настаивали на радикальных реформах. «До тех пор, пока в Германии, — говорил К. Шумахер (лидер СДПГ) летом 1945 г., — безответственные личности пользовались широкими возможностями, демократия не была гарантирована. Чудовищная экономическая сила концернов должна быть передана в руки общества...». Значительная часть рабочих не «думала о восстановлении дискредитированной частной экономики», с полным основанием связывая с нею фашизм. В это время вряд ли кто-то заключил бы пари о сохранении капитализма, не без основания считает Кокка. Интеллектуалы и политики выступали за какую-либо форму социализма, обобществление основных отраслей тяжелой промышленности. Однако носители ослабленных в 1933—1945 гг. антикапиталистических традиций были разединены. Некоторые из них полагали, что социализм не может привести к решительному улучшению экономического положения и что поэтому в разрушенной и обедневшей стране надо создавать частнопредпринимательское хозяйство. Этот мотив стал более значительным после денежной реформы 1948 г. Сыграло роль и то обстоятельство, отмечает историк, что «германская профессиональная бюрократия западнее Эльбы стойко пережила переломный 1945 год».

«Попытки социализации, — по справедливому мнению Кокки, — разбились прежде всего об американскую окку-

пационную власть. Обобществление хозяйства плохо вписывалось в американскую политику, особенно в свете конфронтации США с СССР. Опираясь на свою экономическую мощь, они постепенно перенесли свою политику и на другие западные оккупационные зоны». Создание в экономике «даже некоторых обобщественных секторов», по мнению Кокки, «не соответствовало... целям США — иметь в лице ФРГ новый «антисоветский бастион»⁴⁴. Мощное вмешательство американцев наряду с либеральным ренессансом в буржуазных партиях и нерешительностью социал-демократии», отмечает в этой связи Г. Амброзиус⁴⁵.

Кокка верно полагает, что в ФРГ «сохранялись новые подходы и требования порвать с традицией». Но всегда раздавались и крайне противоположные голоса: «назад к временам до поворотных 1945, 1933, 1919 годов». «Постоянно напоминают о себе стершиеся, но не исчезнувшие тени прошлого». И далее: «В этой стране рациональная критика коммунизма особенно легко оборачивается в иррациональный антикоммунизм и манипулируемый страх перед коммунизмом со всеми вытекающими отсюда опасностями для демократии и либерализма»⁴⁶.

Одна из новейших работ Кокки, опубликованная в книге «Роль нации в германской истории и современности» (1985 г.), посвящена теме «Проблемы политической интеграции немцев 1867—1945 годов». Автор объективно показывает незавершенность буржуазных революций и консолидации немецкой нации. Он прав, находя среди неглавных функций фашизма такую — «сплотить немецкую нацию, хотя и в преступных целях и при колоссальных жертвах». Автор подчеркивает, что добиться длительной мобилизации населения на основе идеи «народной общности» фашистам не удалось. Вскоре начались «отход в личное, индивидуальное», стремление к лавированию, в меньшей степени — неповиновение и, тем более, Соппротивление⁴⁷. Кокка ставит, но не решает интересную проблему: в какой мере преступления фашизма внутри и вне страны повлияли на немецкое население? Еще раньше, в работе «Новое начало или реставрация?» Кокка обращается к национальной проблеме. Он констатирует, что «потеря национального единства до настоящего времени не вызвала протеста населения». Этот тезис полемизирует с консервативным суждением о «единой германской нации в наши дни». Автор отмечает сильное отрицательное воздействие на немцев урока «третьей империи». «Слишком глу-

бокой была дискредитация националистических взглядов. Слишком кратким был период, когда немцы жили в национальном государстве»⁴⁸.

В эту группу историков входит и профессор Фрайбургского университета Х. А. Винклер, автор крупного труда «Революция, государство, фашизм». Ученый сводит фашизм в основном к «неограниченному экспансионизму и радикальному антисемитизму», верно считая его в целом «архаично-антимодернистским». Автор выделяет пять общих черт фашистского движения: массовый базис (преимущественно городские средние слои и крестьянство); готовность сохранить наследованное и покоящееся на частной собственности общественное устройство даже ценой ликвидации рабочих организаций, парламента, независимой юстиции; крайний национализм, гегемонистскую экспансию (призванные отвлечь внимание и от внутренних конфликтов); террористическое подавление любой оппозиции; культ «фюрера» с его «социально-интегрирующей функцией». Эта схема отражает далеко не все главное в фашизме.

Винклер полагает, что «о связи фашизма и капитализма свидетельствует как активная поддержка ведущих промышленников, которую получили итальянские фашисты и германские нацисты для захвата ими власти, так и тесное сотрудничество между утвердившимися фашистскими режимами и крупной индустрией». Автор отвергает тезис, приписываемый некоторыми консерваторами марксистам, будто капитализм неизбежно порождает фашизм, и с полным основанием ссылается на «классически капиталистические общества» — среди них Америку и Англию, которые в годы великого экономического кризиса не обратились к фашизму, а сохранили демократические системы. Ученый ставит три вопроса, отобранные им весьма квалифицированно: при каких условиях определенные капиталистические общества стали фашистскими, а другие сохранили либерально-демократический характер; что составляет специфику фашистской политики, чем она определяется; каково историческое место фашизма, и как он соотносится с другими современными государственными системами. Автор не согласен, что фашистские режимы отражали лишь «общие капиталистические интересы». Он полагает, что в 1932—1933 гг. не было «внутрииндустриального согласия», что «как марксисты, так и «новые левые» недооценивают роль землевладельцев и роль «доиндустриальных факторов в целом» в установлении дик-

татуры в Германии». Этот упрек представляется излишне категоричным. Марксистские историки вполне определенно видят эти факторы в ряду других причин. Другое дело, что в СССР и ГДР эти факторы изучены, очевидно, недостаточно. Кроме того, Винклер чрезмерно резко проводит грань между капиталистическим и докапиталистическим в Германии. К этому времени докапиталистическое в экономике, политике, идеологии в значительной степени уже обуржуазилось.

Винклер упоминает также «явления, обусловленные экономическим кризисом: массовую безработицу, падение жизненного уровня, панику среди средних слоев, владельцев крупной промышленности», «ограниченную левую радикализацию рабочих». «Лишь кризис, — подчеркивает автор, — превратил нацистов в массовое движение».

По мнению Винклера, массовую базу фашизма «в значительной мере составляли доиндустриальные слои». Они действительно стремились к устранению рабочего движения. Автор расходится с некоторыми предшественниками в вопросе о том, как велика была помощь фашистам со стороны крупной буржуазии уже на начальной стадии развития НСДАП, считая, что она была поддержана лишь отдельными промышленниками, мощная же поддержка влиятельных кругов предпринимателей началась лишь тогда, когда это движение приобрело массовый характер. По замечанию Винклера, «пожертвования промышленников не оказали влияния на основополагающие политические аксиомы фашистских лидеров». Но он забывает, что эти партнеры имели в принципе совпадающие программы и менять их просто не было нужды.

Верно подчеркивает автор роль массовой базы фашизма: «захватническая война немыслима без широко задуманной политической мобилизации масс», преимущественно, если не исключительно, из средних слоев деревни и города.

Большое значение Винклер придает «руководящим группам феодальной аристократии, военных и бюрократии», ставших союзниками как консервативных кругов промышленности, так и фашистских движений в борьбе против КПГ, СДПГ, а также парламентской системы. Условиями прихода фашистов к власти автор считает кризис последней, «социальное беспокойство», национальное унижение, вызванное поражением и создавшее почву для крайнего национализма, милитаризацию общественной жизни. Милитариза-

цию Винклер объясняет упрощенно. В ней повинны будто бы бывшие участники войны, которые «отказывались возвращаться к нормальной жизни». Это явление нельзя сбрасывать со счетов, но суть милитаризации при капитализме, тем более на его последней стадии — в другом. Понятие военно-промышленного комплекса будет введено позднее, но само явление — индустрия вооружения, военная каста, реакционное чиновничество — в Германии 20—30-х гг. уже было. Именно этот фактор и вызвал ремилитаризацию и фашизацию Германии.

Винклер верно показывает, что некоторые из названных условий были и в других странах Запада. Однако демократические традиции средних слоев там были более сильными, у авторитарных сил в лагере предпринимателей не было ни массовой базы, ни феодальных союзников. Эти суждения нельзя признать полными и правильными. Вновь на первом месте оказываются средние слои. Автор опускает то обстоятельство, что несравненно более богатая буржуазия западных стран имела широкое поле для социального маневра даже в условиях мирового экономического кризиса. Упомянутая Франция, автор сбрасывает со счетов антифашистский Народный фронт и др.

«Решающие условия для возникновения фашизма связаны столь же с феодализмом и абсолютизмом, как и с капитализмом». Это заключение автора лишено оснований. О каком «феодализме» и тем более «абсолютизме» в Германии 20—30-х гг. может идти речь? Были более или менее сильные пережитки этих явлений, которые придавали определенную специфику германскому империализму и которые способствовали его фашизации. Но Германия в это время давно уже перестала быть феодально-буржуазной. Она была развитой индустриальной страной, по некоторым важным параметрам даже превосходила остальные страны. Нельзя конструировать причины фашизма по произвольной схеме некоего «феодало-капитализма» в центре Европы XX в. Автор подтверждает вывод о преемственности германских целей в двух мировых войнах, но, вопреки общеизвестным фактам, отрицает «заинтересованность монополистических групп в экономическом использовании завоеванных областей СССР».

Точка зрения Винклера противоречива. Так, среди сил, призвавших к власти фашистов, он называет «прежде всего тяжелую индустрию — доминирующее крыло германской

крупной промышленности». Нет оснований, верно полагает автор, сомневаться в ее целях, осуществленных вскоре после смены режима, — роспуск профсоюзного и рабочего движения, уничтожение парламентской системы, вооружение. До марта 1933 г. НСДАП получила щедрые пожертвования от всех отраслей крупной промышленности. Начиная с 1934 г. «имперская группа промышленности» заставила считаться со своими интересами более, чем какая-либо иная». Винклер сравнительно объективно показывает противоречия между ИГ-Фарбениндустри и другими группами финансового капитала. Эти противоречия, однако, не влияли на подготовку войн. В то же время без достаточных оснований автор принимает односторонний тезис Мейсона об ослаблении политико-экономического влияния индустрии после 1936 г.⁴⁹ Но в статье «Что привело к 30 января 1933 г.» (1983 г.) Винклер вновь утверждает, что на «назначение рейхсканцлера крупные промышленники имели меньшее влияние, чем крупные помещики из восточных провинций Пруссии»⁵⁰.

Винклер считает, что КППГ (известный тезис о социал-демократах как «социал-фашистах») и СДПГ (антикоммунизм ее многих лидеров) «ослабили рабочее движение и вместе с тем лагерь республиканцев»: «Обещание коммунистов установить в Германии «диктатуру пролетариата» (кавычки Винклера. — Л. М.) советского образца толкнуло многих буржуа в объятия Гитлера». Но историк отвергает версию крайних консерваторов, будто ошибки КППГ привели фашистов к власти. Определение фашизма, данное на XIII Пленуме Исполкома Коминтерна, он называет «принципиально авторитетной трактовкой вплоть до наших дней».

Как показывает анализ трудов трех наиболее крупных представителей школы: Велера, Винклера, Кокки, — наряду с общим, объединяющим ей свойственны и различия. Это проявляется в широких научных дискуссиях, в том числе и по вопросам истории фашизма.

Так, А. Зальдерн, профессор Ганноверского университета, в работах о старых средних слоях в «третьей империи» полемизирует с утверждением Винклера, что в Германии протекционистские мероприятия 1933 и 1935 гг. в отношении ремесленников не были специфически фашистскими, а взяты из «арсенала социал-консерватизма». Винклер, по мнению Зальдерн, не учитывает, что германские правительства до 1933 г. актуальные требования ремесленников не

только не выполняли, но и не хотели выполнять. Фашисты изменили это. Ни одно из правительств 1870—1933 гг. не удовлетворило так много требований этих слоев, как фашистское. Автор не говорит об усилении политических позиций этой профессиональной группы, не примет тезис о «мелкобуржуазной функции» фашизма. Названный поворот к средним слоям он объясняет стремлением режима к стабилизации. Сообщая о закрытии в 1940 г. в Ганновере 2021 мастерской, «освобождении» 2919 человек. Винклер признает, что это в целом привело к улучшению положения оставшихся предприятий и, вероятно, даже к их длительной экономической стабилизации. Он объясняет это необходимостью вооружения, но отмечает, что «интересы привилегированного слоя ремесленников» при этом учитывались. Автор, по мнению Зальдерн, забывает упомянуть, что организации ремесленников время от времени сами определяли, какое предприятие подлежало закрытию.

Зальдерн согласна с Винклером в том, что вооружение можно было осуществлять лишь с помощью крупной индустрии, и последняя располагала «абсолютным приоритетом». Но это, вопреки мнению Винклера, считает Зальдерн, не исключало полезной для средних слоев правительственной политики. Нельзя рассматривать средние слои как жертву социальной демагогии. Опираясь на архивные материалы, автор пришла к выводу, что влиятельные ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне в целом отошли от режима лишь в 1942—1943 гг., чему способствовали бомбардировки, установка на тотальную войну, утраченная надежда на «победный мир». Зальдерн не принимает тезис Винклера о том, что в захватнической политике фашистов простые ремесленники и мелкие торговцы не были заинтересованы. Часть ремесленников успешно включилась в производство вооружений. Ремесленные предприятия извлекали выгоду из увеличившейся покупательной способности населения. В целом все говорит о том, правильно заключает Зальдерн, что «средний слой настолько долго поддерживал фашистское государство, насколько долго оно поддерживало средний слой»⁵¹.

Ряд либеральных исследователей прямо не связан с журналом «Geschichte und Gesellschaft». Их труды посвящены главным образом внутренней политике. Так, В. Штадтмюллер в главе «Общество и экономика между мировыми войнами» т. 11 12-томной «Германской истории» высказы-

васт некоторые суждения о становлении фашизма, явно испытывая влияние марксистской концепции. Среди них тезисы о том, что промышленники не воспринимали всерьез антикапиталистическую демагогию фашистов, что НСДАП получала значительные средства из рук промышленников, что кризис западного мира на рубеже 20—30-х гг. угрожал существованию самого капитализма и др.

Историк полагает, что фашистский принцип «народной общности» означал «огосударствление человека». Изошренными методами Геббельс пытался реализовать этот принцип. Большое внимание уделялось «общности на предприятиях». «Германский трудовой фронт, — отмечает Штаттмюллер, — был призван преодолеть напряженность между предпринимателями и рабочими». В 1939 г. фронт насчитывал свыше 30 млн. человек и охватывал 90% всего работающего населения. Речь шла, пишет автор, о «приспособлении рабочих и предпринимателей к целям фашизма». Это обобщение некорректно. Цели НСДАП и наиболее реакционных представителей класса предпринимателей совпадали, и их не надо было «приспосабливать». Многие социальные меры фашистов, сообщает Штаттмюллер, носили демагогический или просто жульнический характер. Так, среди населения громадный интерес вызвал проект «народного автомобиля». Его обещанная стоимость составляла 1000 марок, которые мог сэкономить простой рабочий. Проект преследовал и сугубо экономические и военные цели: на 285 млн. марок, собранных для «народного автомобиля», была произведена техника для вермахта. Построенные на средства рабочих дома отдыха использовались как лазареты, прогулочные корабли — как военные транспорты.

Громким фразам о «благородстве труда» не соответствовали реальные условия жизни трудящихся. В 1939 г., сообщает автор, почасовая оплата была на 7% ниже крайне низкого уровня кризисного 1932 г. Правда, на некоторых предприятиях были созданы образцовые социальные учреждения (спортивные сооружения, детские сады и пр.), запрещены необоснованные увольнения, гарантирован оплачиваемый отпуск. Однако в целом положение рабочих было более бесправным, чем в прежние десятилетия. При большой государственной поддержке — в первые два года было израсходовано 5 млрд. марок — была ликвидирована безработица (к 1936 г.). Безработные были направлены на общественные работы: лесопосадки на пустырях, строительство

военных сооружений. Большую роль сыграло введение военной и трудовой повинности. Сельское хозяйство фашисты подчинили строгому государственному контролю. Из прежнего свободного крестьянского сословия был создан принудительный сельскохозяйственный картель. Цель самообеспечения страны продовольствием и сырьем, тем не менее, не была достигнута. При анализе социальной политики фашистов автор учитывает и такой существенный фактор, как окончание мирового экономического кризиса.

Военную экономику Германии автор с полным основанием называет мизантропической. Принятый в 1936 г. четырехлетний план предусматривал создание боеспособной армии и готовность всего хозяйства к войне. Для этого были привлечены большие исследовательские силы и производственные мощности. «Имперские заводы Г. Геринг» вскоре превратились в крупнейший концерн мира. Могущественную экономическую империю создали СС. Предприятия, организованные при концлагерях, имели миллиардные обороты. Однако экономическая политика была органически порочной в силу своей финансовой необеспеченности. В 1933—1938 гг. государственный долг поднялся с 13 до 50 млрд. марок. «Третья империя была банкротом!» — подчеркивает автор⁵².

Автор ряда других глав т. 11 «Германской истории» Х.-У. Тамер, имея в виду массовую базу НСДАП, показывает, что на этапе возникновения и подъема это была партия ремесленников, мелких торговцев, чиновников. Рабочий класс был особенно настроен против нее. Рабочие — члены НСДАП или ее избиратели — явление в известной мере нетипичное для классического капитализма. В большинстве своем они трудились в социальной сфере или на предприятиях ремесленного типа. Они не состояли в профсоюзах. Интересно осуществленное автором сравнение удельного веса различных классов и социальных групп в стране в целом и НСДАП. В 1935 г. рабочие составляли 46% населения Германии, служащие — 13%, буржуазия — 10% чиновники — 5%, крестьяне — 10%. В НСДАП они были представлены иначе: рабочие — 33%, служащие — 21%, буржуазия — 18%, чиновники — 7%, крестьяне — 12%.

«Фашистская пропаганда многое преувеличивала, — подчеркивает Тамер, — тем не менее режим сумел создать в области экономической и социальной капитал доверия». Большинство немцев пошло на несправедливую войну, по-

верив лживым лозунгам. Автор особо подчеркивает, что к началу 1933 г. кризис преодолел свой высший пункт; были реализованы планы обеспечения работой, развитые еще правительствами Папена и Шляйхера. Но фашисты все это записали в свой актив. Ссуда в связи с созданием семьи, отмечает автор, имела большое пропагандистское значение. В то же время выросли число браков и рождение детей. «Нацистское «экономическое чудо», безусловно, было результатом однобокой конъюнктуры вооружения», — подчеркивает Тамер. Объем военной программы в 2—3 раза превышал вложения в гражданские отрасли. Доля вермахта в расходах бюджета поднялась с 4% в 1933 г. до 50% — в 1938 г. Это было намного больше, чем в других странах. С 1934 г. началось перемещение центра тяжести германской торговли из Западной Европы и Северной Америки в Юго-Восточную Европу и Ближний Восток. Так создавались экономические отношения, которые в случае войны были бы меньше подвержены блокадам. Автор приводит суждение Дж. М. Кейнса о хозяйственной политике фашизма как «реакции на провал классической либеральной политики в области экономики». Те социальные слои Германии, чьи экономические интересы ограничивались сферой потребления, в целом проиграли. Но, заботясь о социальной стабильности, режим вплоть до начала войны сохранял «элементы мирной экономики», пытаясь выпускать «и пушки, и масло».

Фашисты, по мнению Тамера, учитывали, что в августе 1914 г. «принципиальное единство немцев» способствовало развязыванию войны, причем это единство «выходило за рамки классовых противоречий». С другой стороны, считает автор, воспоминание о Ноябре 1918 г., т. е. о крахе «внутреннего фронта» к концу войны, усиливало, несмотря на большие экономические затруднения, связанные с вооружением вермахта, стремление добиться «лояльности населения, прежде всего рабочего класса, и одновременно контроля над ним». Этой цели служили «германский трудовой фронт», организация «Сила через радость» (организованное проведение свободного времени, пропаганда «народной общности»), кампания «Красота труда» (символика и эстетика в целях сохранения социально-политической стабильности). Было осуществлено некоторое улучшение условий труда во имя «очеловечивания трудовых отношений». Главной же целью, несомненно, было повышение производительности в соответствии с требованиями современной социоло-

тии труда. «Заботясь о лояльности рабочего класса, — верно отмечает автор, — режим лавировал между насилием и уступками». Рабочие материально были лучше обеспечены, чем в годы мирового экономического кризиса. Автор недвусмысленно констатирует одновременно и «наибольший прирост доходов предпринимателей» в годы фашизма.

Тамер, не без влияния консерваторов, весьма вольно применяет понятие «революционное» в смысле «отличающееся от традиционного». Он считает, что политика фашизма характеризуется «сочетанием традиции и революции». «За традиционной великодержавной политикой в духе кайзеровской Германии» вплоть до 1938 г. (отставка Нейрата с поста министра иностранных дел) будто бы «скрывались собственные цели Гитлера — нацистская политика захвата и расовая политика», «завоевание жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация». В целом историк призывает не «разрывать Гитлера» с его «безумной внешней политикой до 1938 г.» и «безумного завоевателя после 1938 г.», пишет о единой линии в политике НСДАП от ее программы 1924 г. до второй мировой войны. К сожалению, Тамер преувеличивает степень «отхода Гитлера от его консервативных партнеров» и некое «ограничивающее» влияние «умеренной ревизионистской позиции» последних⁵³.

В книге К. Ньюэна «Разрушение и саморазрушение демократии в Европе 1933—1938 годов» прослеживается превращение немецко-фашиского движения в господствующую систему. Автор показывает попытки использовать в демагогических целях ряд демократических институтов «в целях самоутверждения фашизма и последующего жестокого подавления малейших демократических начал». Ньюэн подчас прибегает к поверхностным сопоставлениям в духе доктрины тоталитаризма. Но вопреки ей он делает некоторые новые наблюдения, в частности отмечает постоянное сужение господствовавших в Германии кругов. Это началось уже с лишения влияния в партии СА после 1934 г. Война ускорила этот процесс.

Автор отмечает псевдотерпимость к инакомыслящим как демагогический метод фашистов. Многие иностранные журналисты, посещавшие Германию перед войной, поражались возможности критиковать, предоставленной немецкому бюргеру. Однако как только у власти возникало подозрение, что речь идет о подлинных оппонентах, последние немедленно подвергались тягчайшим репрессиям. Ньюэн

справедливо подчеркивает, что фашисты широко использовали тезисы о «ноябрьских предателях», «красной опасности». Пропаганде расистских предрассудков об «исключительности немцев» не способствовали, по мнению автора, широкое использование иностранной рабочей силы в германской индустрии, бесчисленные прямые контакты представителей различных рас и наций, в том числе германских солдат с населением других стран. С каждым годом становилось более очевидным противоречие между фашистской теорией и практикой, росли социальная неуверенность и страх перед будущим, верно отмечает Ньюмэн.

Автор с полным основанием полагает, что возможности распространения влияния фашистов за пределами захваченных ими стран были ограничены. Фашизм, по его мнению, не был традиционным националистическим движением, его целью было порабощение мира. Ньюмэн не сводит фашизм лишь к антикоммунизму, как поступают некоторые консервативные историки. Практика фашистов, пишет он, «непосредственно вытекала из отрицания либерализма». Автор подчеркивает при этом, что «Гитлер никогда не ставил под сомнение частную собственность». И далее: «В качестве платы за поддержку крупной индустрией военных планов Гитлера он предложил ей порабощение рабочего класса». Однако власть предпринимателей над рабочими, считает автор, не была «безграничной». Известны случаи, когда «грубые формы угнетения», применяемые отдельными капиталистами, заканчивались для них тюрьмой. Эти меры усиливали демагогическое воздействие пропаганды «народной общности». В целом, однако, экономическая система фашистов была построена не на доверии, а на страхе.

Более резко, чем в уже упоминавшихся работах, Ньюмэн осуждает «германский трудовой фронт» как первый шаг по пути «строительства современного общества рабов». Государство определяло вид, объем, продолжительность труда, его цену, которая больше не зависела от выполненной работы. В 1934 г. была ограничена свобода передвижения шахтеров и металлистов, в 1938 г. это было распространено на всех рабочих и введена всеобщая трудовая повинность, по мнению Ньюмэна, — «крепостное право для рабочих». Предприниматели, они же «фюреры предприятия», действовали как надсмотрщики. Автор верно подчеркивает, что в Германии, вопреки официальной пропаганде, «остались все социальные различия».

В ходе войны, полагает автор, начала вырисовываться «схема кастового государства». Вверху — элитарный слой господ, далее — военная каста. На самой нижней ступени, «на уровне животного существования — расово неполноценные». Немецких рабочих должны были побуждать к труду опасение деградировать до положения илотов и страх перед массовым уничтожением. Ньюмэн верно считает, что наряду с террором фашисты применяли обман. Тактика обмана распространялась как на врагов режима, так и на большинство руководящего слоя НСДАП. Обман использовался и в отношении немецких национальных меньшинств в соседних с Германией странах.

Фашизм, показывает Ньюмэн, «пришел к власти в результате псевдолегальности» и стремился сохранить «внешние атрибуты конституционности». Народ соглашался с потерей своих прав и свобод вследствие коварной тактики фашистов. Процесс уничтожения демократии проходил медленно, но систематически, «шаг за шагом». Пропаганда внушала членам «германского трудового фронта», что они составляют касту аристократов. Автор вскрывает цинизм проведения фашистами традиционного праздника Первого мая как «дня немецкого труда». Нельзя согласиться, однако, с автором в том, что мелкие торговцы и ремесленники «были обмануты наихудшим образом». Тем более несостоятельно утверждение, что «были обмануты также и предприниматели, чьи союзы материально сделали возможной победу НСДАП» и которые будто бы «оказались в лабиринте бюрократических параграфов и контроля».

Ньюмэн верно полагает, что, пока фашистский режим побеждал, его основной тактикой был обман. Террор достиг чрезвычайных размеров, начиная с 1941—1942 гг., когда стала очевидной военная слабость Германии и ее союзников. Фашисты искусственно разжигали противоречия между католиками и протестантами, арийцами и евреями, городом и деревней, либералами и социалистами, в Чехословакии — между чехами и словаками, чехами и немцами. Широко использовались пережитки средневековья, например военные и националистические тайные общества⁵⁴.

Внешней политике фашизма посвящены весьма немногочисленные труды либеральных авторов. Среди них — главы написанной Г. Амброзиусом в соавторстве с профессором Монреальского университета Согласия (Канада) В. Хуббардом «Социальной и экономической истории Европы» в

XX веке» (1986). Одна из глав названа: «От либерализма к государственному интервенционизму в 30-е годы», другая — «Империалистическая экономическая политика в период второй мировой войны».

Авторы отмечают, что к осени 1942 г. среди буржуазных государств континентальной Европы лишь Португалия, Испания, Швейцария, Швеция, Турция оставались независимыми, однако ориентировали свою экономику на потребности Германии. Завоевание и экономическое использование различных стран были важным элементом не только в непосредственном ведении войны, но и планах «нового порядка» в Европе. Под эгидой фашизма должна была возникнуть «великая германская империя». Европейским странам отводилась роль поставщиков сырья, рабочей силы. Хотя ни на одном этапе войны такой «порядок» не был установлен, в различной степени все оккупированные и зависимые страны были интегрированы в экономическую систему Германии. Приспосабливая к ее нуждам производственные мощности европейских стран, фашисты использовали «общие и специфические методы эксплуатации». Отношение к странам было различным. Некоторые из них оставались относительно самостоятельными, в других, наоборот, «немцы беспощадно мардерствовали и разрушали».

Общим было то, показывают авторы, что с 1940 г. Германия вынуждала оккупированные и зависимые страны односторонне приспосабливать их торговую и расчетную системы к немецким нуждам (насиленный экспорт товаров, необходимых для военной промышленности, манипулирование с обменным курсом и др.). Это была «псевдоторговля». В ходе войны возникла центральная клиринговая система. Каждая страна, зависимая от Германии, была вынуждена заключать с ней двусторонний торговый договор. Была создана неравноправная система, когда Германия не только завышала курс своей валюты, но и устанавливала особо низкие цены на экспорт. Во всех оккупированных странах были повышены оккупационные расходы, которые составляли существенную часть германского военного финансирования. Использование иностранной рабочей силы на территории «империи» представляло собой еще одну форму экономической эксплуатации, которая была распространена практически на все национальные экономики. Во время войны в основном насильственно было вывезено около 14 млн. иностранных рабочих. В 1944 г. их число достигало 7,5 млн.

человек, что составило 20% общего числа занятых в военной экономике Германии.

К «специфическим методам» эксплуатации авторы относят экономические отношения с Австрией и Чехословакией. Промышленный капитал этих стран не был полностью интегрирован в германскую экономику, поскольку часть местных предпринимателей сохранила свою собственность. Во Франции, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге уже летом 1940 г. начался захват сырья, оборудования и других средств производства. С осени 1940 г. эти «деструктивные методы» были заменены. Был создан аппарат управления из представителей национальной буржуазии, подчиненный военному ведомству Германии. Так рассчитывали уменьшить противодействие населения. В 1943 г. происходит более широкая интеграция хозяйства этих стран в германскую военную экономику. Безвозмездная экспроприация, как в Польше и СССР, здесь была редкой. Ей подвергались лишь предприятия, важные в военном отношении. В целом же промышленность Франции и Бельгии продолжала функционировать под руководством старых владельцев.

В Восточной Европе фашисты вели «мировоззренческую войну на уничтожение». Часть населения и общественная система в целом должны были быть ликвидированы. Дальнейшая оккупация и колонизация несли «новый социально-политический порядок». Оккупанты пытались использовать некоторые предприятия для производства военной продукции. В остальном ограбление шло «с исключительной последовательностью». «Варварская эксплуатация достигла апогея» при отступлении вермахта, начиная с зимы 1941—1942 гг. в результате применения тактики «выжженной земли».

Авторы приходят к таким выводам: все захваченные и зависимые страны подверглись империалистической эксплуатации; военная экономика Германии отличалась такими типичными для фашизма недостатками, как «перекрещивающиеся полномочия различных ведомств, столкновение противоречивых приоритетов, конфликты между государственной бюрократией и экономическим управлением»; полный охват и эффективное использование всех ресурсов были осуществлены фашистами лишь во второй фазе войны, начиная с 1942 г., когда стратегия скоротечных войн уже не функционировала и экономика должна была быть перестроена на длительную войну⁵⁵. Несовершенный подход ав-

торов не позволил им во втором из этих выводов проанализировать недостатки, свойственные не только фашистской, но капиталистической экономике вообще. Третий вывод страдает категоричностью: «полного охвата ... всех ресурсов» фашистам никогда не удалось добиться. Авторы не учитывают и частнособственнические интересы отдельных капиталистов, которые власти далеко не всегда могли преодолеть, деятельность борцов Сопротивления и др.

Особое место занимают труды М. Брошата, директора Института современной истории в Мюнхене. Характерно, что среди ученых, группирующихся вокруг этого крупнейшего государственного научно-исследовательского учреждения ФРГ, преобладают умеренные консерваторы. Большинство трудов Брошата написано с либеральных позиций и посвящено Веймарской республике, точнее — ее краху и установлению диктатуры фашистов. Наиболее значительная из этих книг — «Захват власти. Победа НСДАП и разрушение Веймарской республики». Автор показывает активную роль монополистов в установлении диктатуры. В книге приведена, в частности, петиция их представителей президенту республики от 19 ноября 1932 г., призывавшая назначить Гитлера канцлером. Автор критикует поведение Брауна, Зеверинга и других правых лидеров социал-демократии, которые способствовали успеху НСДАП. Свободная от антикоммунистической тенденциозности книга Брошата отличается серьезным анализом установления фашистского режима в Германии⁵⁶.

Весомы труды Брошата о самом режиме. Среди них — книга «Государство Гитлера»⁵⁷, раздел о концлагерях книги «Анатомия государства СС». Последняя из этих работ — единственное в ФРГ обобщенное исследование темы. Один из выводов Брошата гласит: война для фашистских лидеров была не только средством достижения внешнеполитических целей, она являлась важнейшим способом осуществления их господства внутри страны⁵⁸. В других своих работах Брошат рассматривает фашизм как порождение германского общества, а не «провал» в его истории⁵⁹. Довольно широко показано стремление его лидеров учесть «материальные интересы» и «жизненные привычки» населения Германии. Они понимали, что одних «мировоззренческих и политических манипуляций» недостаточно, и пытались удовлетворить «элементарный потребительский спрос» даже после перехода к милитаризации экономики и автаркии. В 1936 г.

под угрозой срыва в снабжении населения жирами был даже временно отменен запрет на экспорт. Боясь усиления недовольства рабочих, зимой 1939—1940 гг., власти отменили уже подготовленное ими распоряжение об интенсификации труда в военной промышленности. Автор подчеркивает, что фашисты пытались достичь «империалистических целей режима» «без значительных материальных и социальных тягот для немецкого населения». Этому должна была служить «военная стратегия скоротечных войн». Она, по мнению лидеров, позволяла мобилизовать экономику и общество в целом много осторожнее и осмотрительнее, чем в годы первой мировой войны. Производство предметов потребления и обеспечение ими немецкого населения вплоть до конца войны оставались на сравнительно высоком уровне. Даже после поражения вермахта под Сталинградом, когда была объявлена тотальная мобилизация, она не коснулась в полной мере женщин. «Это была уступка не только политическому настроению, но и определенным привычкам, устоям и потребностям буржуазного общества», — подчеркивает автор.

Брошат непосредственно связывает уровень жизни немцев в 1939—1945 гг. с грабительскими походами и широким применением принудительного труда иностранцев как внутри самой Германии, так и за ее пределами. Этим он объясняет, в частности, меньшее, чем в Англии привлечение к военным работам женщин. Внешними захватами власти поддерживали свой социальный престиж. «Новое экономическое и социальное исследование второй мировой войны показывает, — пишет Брошат, — что только экспорт голода в оккупированные Германией страны, прежде всего Восточной и Юго-Восточной Европы, позволял обеспечивать продуктами питания немецкое население во время войны на относительно высоком уровне».

Обращаясь к изучению политических настроений немцев в годы войны, Брошат способствует восстановлению более полной картины взаимодействия режима и населения, решению проблемы фашизма и антифашизма в Германии. Он отвергает как «ложные» представления о «тотально политизированном немецком обществе» и мнение о том, что фашистам удавалось «полностью держать в страхе немецкое общество». Полагая, что «правда лежит посередине», автор показывает «бросающееся в глаза пассивное поведение большинства немецкого населения в последние годы вой-

ны, когда интеграционная сила режима в значительной мере уменьшилась». Не без оснований считает он, что «конец «дешевой» (кавычки Брошата. — Л. М.) фазы скоротечной войны, как и предшествовавшее ему гипертрофированное национальное воодушевление, наступил в 1941 г. Стало очевидным, что подогреваемый на протяжении многих лет национальный эгоизм и спекуляция на великодержавных взглядах не остались без последствий, однако были далеки от фантазий Гитлера о вечной героической борьбе за жизненное пространство».

Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что «гитлеровские конечные цели имели очень мало общего с гражданскими потребностями реального германского общества. Все секретные сообщения тех лет показывают, что стремление к миру превратилось в абсолютно преобладающий элемент настроения уже в 1941—1942 гг. Личные тяготы и страхи получали все больший приоритет перед национальными (империалистическими. — Л. М.) интересами». «Обратная связь с режимом» сохранялась, но по мере усиления «бомбовой войны и гибели множества людей на фронтах исчезла безопасность, которая до 1939—1940 годов составляла основу легкомысленной национальной эйфории, а режим оказывался во все усиливавшемся кризисе доверия». Это пытались компенсировать террором. После Сталинграда начался, полагает автор, «внутренний отход немецкого буржуазного общества от империи». Однако «за исключением небольших групп, вплоть до окончания войны не было сколько-нибудь заметного саботажа, широкой базы поддержки активного Сопротивления, хотя распад режима на последней стадии третьей империи и резко усилившийся террор создавали для этого некоторые возможности». Брошат верно считает, что «апатичное соучастие немцев» нельзя объяснить «лишь патриотическим стремлением выстоять. Здесь явно примешивалось сознание ответственности за преступления режима»⁶⁰. В числе новейших работ Брошата есть и специально посвященные борьбе немецких антифашистов, в частности статья «К социальной истории Сопротивления в Германии»⁶¹.

Особое место в творчестве Брошата занимает изданное под его руководством и при непосредственном участии шеститомное исследование «Бавария в нацистское время». Это наиболее крупный из трудов, составляющих новую в ФРГ литературу о повседневной жизни в фашистской Германии⁶².

Публикации Брошата используются некоторыми советскими историками⁶³.

§ 2. ФАШИЗМ В ПУБЛИКАЦИЯХ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ

Особое место в литературе ФРГ о фашизме занимает буржуазно-демократическое направление. Его представители группируются вокруг Немецкого союза мира, «Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме — Союзе антифашистов» (далее — Союз антифашистов) и других прогрессивных организаций⁶⁴. В методологическом и идеологическом отношении они близки к марксистско-ленинской историографии. Как известно, названные организации активно сотрудничают с ГКП, а близкая к ним историография — с исследователями-коммунистами. Изучение трудов историков-демократов особенно актуально в свете положения XXVII съезда КПСС о «развертывании нового массового демократического движения современности»⁶⁵.

Значительное развитие исторической и публицистической литературы этого направления является одной из характерных черт анализируемой буржуазной историографии⁶⁶. Подавляющее большинство составляющих эту литературу работ посвящено критике фашизма в прошлом и настоящем, изучению немецкого Сопротивления. В организационном смысле литература не представляет собой единого целого. Однако в идейно-политическом отношении, в трактовке фашизма и Сопротивления исследователи и публицисты из Союза антифашистов, школы В. Абендрота, из числа прогрессивных деятелей западногерманской церкви обеих конфессий, других организаций весьма близки друг к другу. В количественном отношении их труды уступают консервативным, но значение их нельзя недооценивать.

Литература этого направления выражает интересы рабочего класса, демократически настроенных служащих и интеллигенции. Она значительно усилилась в связи с подъемом общественного движения, получившего название внепарламентской оппозиции⁶⁷. От антимилитаристских выступлений 50-х гг. ее отличали более широкая социальная база, больший размах. Организационно неформальное движение охватывало политические партии — находящуюся под запретом КПГ, антимилитаристский Немецкий союз мира, Союз антифашистов, левосоциалистические объединения, про-

грессивные студенческие организации, пацифистские союзы. К движению примкнули левые элементы социал-демократии и профсоюзов, ряд крупных ученых, писателей, публицистов.

В 1966—1968 гг. эти силы были объединены идеями борьбы против «чрезвычайного законодательства», за политическую амнистию, демократизацию образования, экспроприацию издательского концерна Шпрингера, нормализацию отношений с ГДР и другими социалистическими странами, разоружение, осуждение агрессии американского империализма во Вьетнаме. Движение представляло собой общедемократический ответ на реакционную стратегию государственно-монополистического капитала. На рубеже 70—80-х гг. в ФРГ возникло новое массовое движение с большими демократическими возможностями. Речь идет о партии «зеленых»⁶⁸. Близкая к ней литература также обращается к недавней истории. Из опыта совершенных фашизмом агрессивий газета «Die Grünen» делает вывод: «С германской земли никогда не должна начаться новая война»⁶⁹.

Вызванная к жизни названными движениями буржуазно-демократическая историография последовательно борется за их активизацию. Для ее представителей изучение фашизма, антифашистской борьбы немцев в 1933—1945 гг. никогда не было отвлеченным исследованием, оно непосредственно связано с современной борьбой прогрессивных сил Западной Германии.

Выступая на Федеральном съезде Союза антифашистов в 1983 г., член его президиума Б. Маусбах-Бромбергер сказала, что учиться на уроках прошлого означает бороться за мир, разоружение, против враждебного отношения к иностранным рабочим в ФРГ. Исследование истории дает, по ее мнению, хорошую возможность для политических союзов с социал-демократическими, профсоюзными и другими кругами⁷⁰. Историки и публицисты этого направления активно протестуют против милитаризации средней и высшей школы ФРГ, влияния на молодежь неофашистских идей и культа насилия, попытки лидеров ХДС/ХСС внушить молодым людям мысль о необходимости гонки вооружений⁷¹.

Один из видных представителей этого направления — Г. Брюдигам. Его работы о фашизме и антифашизме в Германии с первых послевоенных лет выходят в основном в издательствах, близких к Союзу антифашистов. Исследовательские и публицистические труды его известны в

ГДР и СССР. К ранним публикациям относится серия статей «Антикоммунистические легенды в историографии». Здесь представлена аргументированная критика реакционных искажений истории фашизма и антифашистской борьбы, опирающаяся на многочисленные документы и исследования историков СССР и ГДР. Значителен обзор Брюдигама «Современная историография антинацистского Сопротивления». В 1982 г. автор опубликовал приуроченную к 50-летию захвата власти фашистами книгу «Фашизм у власти». В сборнике — политические плакаты, листовки, карикатуры, программы радиовещания, дневниковые записи, корреспонденции, деловые письма. Они способствуют освещению социальных корней фашизма первых лет его господства. Часть материалов публикуется впервые. Брюдигам вводит в научный оборот многочисленные выдержки из прессы 20—40-х гг. различной политической ориентации — коммунистической, социал-демократической, фашистской. Широко отражены подпольные издания КПГ. Книга расчленена на разделы, в том числе — о военной индустрии, пропаганде войны, поджоге рейхстага, концлагерях. Представляют интерес документы гестапо.

Опытный исследователь и популяризатор, Брюдигам дает ответ на многие вопросы, по которым нет единства как среди населения, так и среди историков ФРГ. Прежде всего это роль монополий в захвате власти фашистами. Отметим материалы комиссии оккупационных властей США во главе с сенатором Кильгоре. В издававшейся в американской зоне Германии газете 12 октября 1945 г. были опубликованы выводы этой комиссии: «С самого начала крупные промышленники были восторженными покровителями нацистов. Неверно полагать, что они присоединились лишь в последний момент и чуть ли не под принуждением. Лишь поддержка германской тяжелой индустрии и финансовой аристократии сделала возможным захват власти (фашистами. — Л. М.). Перевод Германии на военные рельсы, лихорадочное вооружение было осуществлено под непосредственным руководством владельцев германской промышленности». И далее: «Факты, несомненно, свидетельствуют о соучастии промышленников в осуществлении планов мирового господства, в преступлениях нацистов против народов земного шара».

Брюдигам публикует список крупных промышленников, признанных виновными в преступлениях, приводит данные

о связях владельцев ведущих монополий (Ф. Флик, Ф. Фёглер, Ф. Тиссен и др.) с фашистами до 1933 г. Так, Е. Кирдорф, член НСДАП, до 1933 г. выплатил партии 600—700 тысяч марок. Подтверждению этих связей служит и отрывок из речи Гитлера в клубе промышленников Дюссельдорфа в конце января 1932 г. Другие документы свидетельствуют об их сотрудничестве после 1933 г. Так, публикуя «Закон о порядке национальных работ» (26 января 1934 г.), автор верно отмечает, что этот порядок «базируется на принципе «фюрерства» и соответствовал интересам предпринимателей». Книга содержит ряд таблиц, которые отражают преодоление безработицы в Германии в 1933—1939 гг. и одновременно рост расходов на вооружение (1932—1943). Так, в 1932 г. они составляли 0,6 млрд. марок (8,2%), в 1940 г. — 58,1 (68%). В 1943 г. эта сумма составила уже 117,9 млрд. марок (81%). Параллельное размещение этих сведений показывает, что безработица была устранена лишь на путях к войне. Публикация подтверждает также, что население Германии было информировано о концлагерях. Так, 21 марта 1933 г. одна мюнхенская газета сообщала об учреждении концлагеря Дахау для содержания в нем «коммунистов и других врагов государства». Уже через два дня газета уведомила читателей о том, что «в лагерь брошены 60 человек левой ориентации». Брюдигам опубликовал и схему расположения наиболее крупных концлагерей на территории Германии и других стран в 1933—1945 гг. Некоторые важные стороны проблемы истории фашизма, например его внешняя политика, не нашли отражения в сборнике.

Х. Штукманн в заключении к книге Брюдигама, показывает ее актуальность, отмечает, что «еще живо поколение, прошедшее через фашистские молодежные организации». Та истина, что крупный капитал сыграл решающую роль в установлении режима, отражена в Конституции ФРГ. Но она осталась лишь на бумаге. Экономическое господство незначительного числа концернов в Западной Германии сильнее, чем в годы Веймарской республики. В стране сохраняется опасность того, что эти концерны вновь посягнут на буржуазно-демократические институты.

По ст. 139 Конституции ФРГ, пишет автор, фашизм должен быть навсегда исключен из общественной жизни. Однако существует неофашистская Национал-демократическая партия, случаи конфискации крайне реакционной лите-

ратуры весьма редки. Согласно ст. 26 Конституции ФРГ должна быть последовательно миролюбивым государством, тем не менее значительная часть бюджета идет на вооружение. Опыт антифашистской борьбы воспринят далеко не полностью, корни фашизма не ликвидированы. Автор сравнивает «закон о радикалах», принятый в ФРГ в 1972 г., с известными фашистскими требованиями о благонадежности, предъявленными в свое время диктатурой к служащим. Штукманн отмечает, что к «непреодоленному прошлому» необходимо отнести и сохраняющийся до сих пор в ФРГ антикоммунизм. В форме доктрины тоталитаризма он призван отвлечь внимание населения страны от антифашистских настроений и сделать его противником социалистических стран Восточной Европы. Далее автор указывает на «расовое безумие», составлявшее одно из направлений фашистской идеологии и практики. Антисемитизм остается и в ФРГ. Штукманн призывает не допустить национальной вражды среди рабочего класса. Важный урок из истории фашизма, по его мнению, — это единство всех демократов во имя борьбы за мир. Напоминая, что война являлась «имманентной составной частью фашизма», автор формулирует основополагающую мысль: «Демократия внутри страны и мир в отношениях с другими государствами обуславливают друг друга»⁷². В то же время подчас автор рассматривает буржуазию как нечто внешнее по отношению к фашизму. Он пишет, например, что антикоммунизм был главным инструментом в руках фашистов для привлечения на свою сторону буржуазии.

Историки-демократы, естественно, не могли остаться в стороне от дискуссии по проблеме «капитализм — фашизм».

В книге К. Мегерле «Захват власти нацистами» довольно объективно показаны их тесные связи с «традиционной руководящей элитой Веймарской республики». В специальном разделе «Роль индустрии в захвате власти» отмечено влияние Круппа и других крупнейших «представителей промышленности, торговли, сельского хозяйства» на решение президента Гинденбурга передать власть НСДАП. Главное внимание Мегерле уделено внутриполитическим целям фашизма и его покровителей, но его книга подтверждает научные выводы о капиталистическом характере фашизма и его внешней политики. По мнению автора, введение в научный оборот «многочисленных новых материалов архивов фирм» способствует решению вопроса «об особой ответст-

венности индустрии за разрушение республики, захват и укрепление власти» НСДАП⁷³.

Преступная роль монополий показана также в книге М. Бурке-Вайт «Германия. Апрель 1945». Автор пишет о «готовности промышленников Рейна, Рура, Саара служить Гитлеру», их «общей заинтересованности» друг в друге. Без промышленников «не было бы ни третьей империи, ни Гитлера». «Круппы, Стиннесы и им подобные ... позволили фашистам прийти к власти, они обогащались за счет рабского труда», они играли «ведущую роль» в системе концлагерей. В то же время автор ошибочно возлагает ответственность за становление фашизма «в равной степени и на вермахт, чиновников, немцев вообще», утверждает, что индустрия будто бы «не имела собственного политического веса»⁷⁴. Буржуазно-демократические исследователи активно изучают региональную историю. В первой половине 80-х гг. вышли книги о Вуппертале, Вюнсбурге, Нюрнберге, Эрлангене⁷⁵. Некоторые из них содержат материалы об использовании в германской экономике труда иностранных рабочих и военнопленных в годы войны⁷⁶, о повседневной жизни населения. Цель этих публикаций издатели видят в сохранении опыта для будущих поколений.

Фашистская диктатура привлекает интерес не только профессиональных историков. В журнале «Zivilcourage», издаваемом «Германским обществом борьбы за мир», опубликована рецензия на фильм «Сделка», автор которого показал, как «господа из тяжелой промышленности участвовали в создании и укреплении так называемой «третьей империи»⁷⁷.

В ряде работ отражены вопросы внешней политики, агрессивных походов германо-фашистского империализма. В изданном в «Pahl-Rugenstein» труде «Война на Востоке 1941—1945» дан краткий очерк развития Германии. Авторы показали что фашисты напали на СССР не только из ненависти к социалистической системе. Они стремились захватить «жизненное пространство», уморить голодом 20—30 млн. русских. Некоторые фактические неточности, имеющиеся в книге, и непреодоленное влияние ряда традиционных трактовок не снижают общего ее уровня⁷⁸.

Большой интерес представляет статья «Можно ли было предотвратить вторую мировую войну?», написанная профессором Бременского университета, вице-президентом Международного союза юристов-демократов Г. Штуби. Автор

объективно рассматривает преемственность и специфику внешнеполитического курса Германии 1933—1945 гг. Требования фашистов о пересмотре Версальского договора «под демагогическим лозунгом равноправия, — подчеркивает он, несомненно, стояли в одном ряду с традиционной политикой». Но политика фашизма «в своей экстремистской направленности имела качественно новый момент — антисоветизм.., в котором империализм был выражен в чистом виде еще в большей степени, чем гегемонистские устремления в отношении империалистических конкурентов». Достоверно излагает автор важные вопросы международных отношений. Он подверг критике консервативную концепцию пакта 23 августа 1939 г., вскрыл несостоятельность тезиса «о разделе Польши». Красная Армия, подчеркнул он, вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии «лишь после падения польского государства». Речь шла «не о захвате польских земель, а об освобождении советских областей», захваченных Польшей в 1920 г.⁷⁹

В идейно-политическом отношении к буржуазно-демократическому направлению литературы близки выражающие протест против антигуманистической теории и практики фашизма работы лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» пастора М. Нимёллера⁸⁰, опубликованные в ФРГ, ГДР и СССР работы известного протестантского пастора Д. Бонхёфера, погибшего на виселице⁸¹. Прогрессивно настроенные священнослужители активно способствуют разработке и пропаганде среди верующих буржуазно-демократической концепции фашизма и Сопrotивления. Центральное место в их ряду по праву принадлежит Нимёллеру, почетному доктору нескольких зарубежных университетов, до своей смерти возглавлявшему евангелическую церковь Гессена и Нассау и состоявшему членом Всемирного совета церквей. Один из западногерманских журналов характеризовал Нимёллера как «мужественного борца антифашистского Сопrotивления, выдающегося руководителя движения за мир в послевоенные годы»⁸².

В послевоенные годы Нимёллер вел активную борьбу против участия ФРГ в агрессивном блоке НАТО, за мирное сосуществование государств с различными общественными системами. Высоко оценивая его деятельность, группа видных представителей общественности ряда стран объявила о создании Международного фонда Мартина Нимёллера. В

свое время он показал, что антикоммунизм, в котором он видит «природный порок нового государства» (ФРГ), стал «государственной идеологией и основой общества». Отвергая это, автор с полным основанием утверждал: «Мы нуждаемся в мире и дружбе, хотя это и является также лозунгом коммунистов»⁸³. В связи со смертью пастора журнал «Zivilcourage» назвал его «нашим примером, одной из немногих выдающихся высоко нравственных личностей нашего столетия»⁸⁴.

Марксистский анализ трудов антифашистски настроенных священнослужителей и идейно близких к ним исследователей и мемуаристов о церкви и верующих в Германии 1933—1945 гг. опирается на важное в методологическом отношении положение новой редакции Программы КПСС о расширении братскими коммунистическими партиями союзов на платформе антимонополистических, антивоенных действий. «Советская общественность, — было также подчеркнуто на XXVII съезде КПСС, — готова и впредь развивать связи с некоммунистическими течениями и организациями, в том числе религиозными, которые выступают против войны»⁸⁵.

К буржуазно-демократическим суждениям о фашизме и Сопротивлении близка концепция, разработанная левосоциалистически ориентированными учеными из школы В. Абендрота, широко известного в ФРГ и за ее пределами, ныне покойного профессора Марбургского университета. Характерно, что многие из их трудов публикуются буржуазно-демократическими издательствами. Фашизм не был предметом специальных исследований профессора. Его основной труд — «Социальная история рабочего движения в Европе»⁸⁶. Для политических взглядов автора примечательна оценка им роли мировой системы социализма: «Нынешний уровень жизни рабочего класса ... не мог быть достигнут ни в одной из европейских (капиталистических. — Л. М.) стран без существования соперничающих с ними социалистических государств... Этим объясняется и широта демократических прав, которыми все еще пользуется рабочее движение во многих странах»⁸⁷.

Наиболее крупный специалист по истории фашизма среди учеников Абендрота — профессор того же университета Р. Кюнль. Уже в 70-е гг. он внес значительный вклад в научную разработку истории фашизма, в частности в критику консервативных и социал-демократических взглядов на

происхождение и сущность фашизма⁸⁸. Так, в 1970 г. Кюнль опубликовал критический обзор литературы о фашизме. Он отметил длительное господство в ней методов, «продиктованных скорее политическими, нежели теоретическими потребностями»; показал, что определяющими являлись попытки связывать «все проблемы нацизма с личностью Гитлера», различные модификации доктрины тоталитаризма. Кюнль справедливо считал, что развитие и структура фашизма обусловлены социальными, экономическими и политическими конфликтами эпохи, что фашизм представляет постоянную угрозу, пока не уничтожены его структурные предпосылки, что эти предпосылки — не в личностях и не во взаимоотношениях, не в специфике общечеловеческих слабостей и не в особенностях немецкого характера, а в конкретных социально-экономических условиях, в империализме. Методологически тесно связан с этим подход исследователя к Сопротивлению. Так, Кюнль высказал верную мысль о том, что о социальной сущности того или иного оппозиционного течения в «третьей империи» можно судить, получив ответ на вопрос, выступало оно с принципиальных позиций против самой диктатуры или только против ее «крайностей»⁸⁹.

В опубликованном Кюнлем в 1975 г. сборнике документов «Германский фашизм» он пытается дать «общую картину фашизма, его предпосылок, основ и последствий, его сущности и форм проявления». Книга выдержала четыре издания. Выбор документов и их расположение способствуют критике консервативных концепций фашизма и прежде всего доктрины тоталитаризма. Составитель делит документы на шесть тематических разделов, каждому из которых предпосланы краткое изложение событий и анализ документов. В первых двух разделах собраны документы, характеризующие социально-экономические и политические предпосылки возникновения фашистского движения в Германии. Достаточно полно отражены расстановка классовых сил, цели рабочих и буржуазных партий, в отдельные группы выделены материалы о влиянии экономики на политику, о преемственности внешнеполитических, экономических, военных целей господствующих классов в 1918—1933 гг.; о социальном происхождении носителей фашистских взглядов, о программных, в том числе и идеологических, установках НСДАП, о конфликтах внутри партии (особо — об оппозиции О. Штрассера). В последующих двух разделах полно представлены «германская действительность» в условиях диктатуры —

реорганизация государственного аппарата, экономики, определенные изменения в положении господствующих классов, средних слоев; система террора и политика в отношении к евреям. Пятый раздел книги посвящен периоду второй мировой войны. В нем последовательно проведена мысль об органическом единстве «экспансионистских целей политического руководства» Германии и «непосредственных экономических интересов» монополий, единстве «военной экономики и эксплуатации завоеванных народов и территорий, в том числе использовании труда узников концлагерей». В шестом разделе собраны материалы немецкого Сопротивления. Они отражают цели, интенсивность и формы борьбы оппозиционных течений, специфику политики разных классов и социальных групп, участвовавших в Сопротивлении. Автор приходит к выводу, что «сопротивление рабочего класса оставалось вплоть до свержения фашистской системы в 1945 г. самым широким и последовательным», поскольку оно было направлено в целом против фашизма⁹⁰.

В 1983 г. вышла в свет книга Кюнля «Фашизм. Причины. Структура господства. Актуальность». В ней обобщены многие частные работы автора, в том числе историографические. Представляют интерес его суждения о социальных функциях исторической науки. «Научные теории, — пишет Кюнль, — оказывают политическое влияние, независимо от того, хотя бы этого их авторы, знают об этом или нет. Создание исторических концепций является политическим действием. Тем самым авторы вторгаются в процесс формирования сознания и в процесс политических решений». «Влияние научной теории, — полагает далее Кюнль, — зависит не столько от ее истинности, сколько от того, как она соответствует интересам влиятельных социальных групп и может быть им полезной». Этой мысли едва ли можно придавать всеобщее значение. Способности различных «влиятельных социальных групп» воспринять научные теории далеко не одинаковы. Прогрессивные классы и политические партии обладают неизмеримо большими возможностями использовать науку в интересах развития общества.

Обращаясь к проблемам истинного и неистинного в исторической науке, Кюнль верно полагает, что ложь — понятие сложное. Исторические концепции могут достичь определенной достоверности лишь в том случае, если содержат в себе элементы действительности, если их авторы, «по

меньшей мере, смогут использовать поверхностные явления, чтобы придать концепциям определенное правдоподобие». Ложность подобных концепций состоит скорее в неполном, неглубоком отражении действительности, в неспособности ухватить суть явления.

В дискуссии о фашизме, по мнению автора, становится особенно очевидным, насколько интенсивно оценки прошлого затрагивают интересы современных общественных групп. Дело в том, что остались люди, которые способствовали фашизму или боролись против него. Суждения историков о фашизме непосредственно касаются этих людей. Кюнль замечает, что к такому выводу приходят, по существу, и некоторые консервативные историки. Американец Г. А. Тэрнер, который пытается скрыть буржуазную природу фашизма, во введении к своей книге «Фашизм и капитализм» четко говорит: если бы было доказано, что именно капитализм привел фашистов к власти, тогда невозможно было бы оправдать капиталистическую систему. Концепции истории фашизма, по верному заключению Кюнля, являются необходимыми составными частями современной политической борьбы, а «научно-историческая критика после 1945 г. является частью общего развития политики и общества». «Господствующие исторические взгляды надо рассматривать как элементы господствующей идеологии»⁹¹.

В эволюции западногерманской историографии фашизма Кюнль не без некоторых оснований выделяет четыре этапа. К сожалению, в качестве основы периодизации он фактически берет влияние внешне- и внутривнутриполитических факторов. Внутреннему же развитию самой науки, ее традициям и специфике, кадрам исследователей, источниковой базе внимания уделяется много меньше.

К анализу этой литературы Кюнль обращается и в других работах. Он приходит к обоснованным выводам о том, что «соотношение между социально-экономическими интересами, политическими инстанциями и идеологическими формами (в Германии. — Л. М.) вызывает растущий интерес в буржуазной историографии ФРГ, хотя этот интерес тенденциозно ограничивается иногда исследованием лишь локальной истории, отдельных слоев и групп. Автор подчеркивает, что наряду с этим персонификация отнюдь не сошла со сцены. Осталась также тенденция к «сокрытию реальных социальных сил, которые содействовали фашизму и определяли его политику». Характерна в этой связи кри-

тика автором трудов Ё. Тиса о целях внешней политики стремления фашизма к мировому господству, его тезис о Германии⁹². Отметив «убедительное подтверждение» Тисом завоевании СССР как «ключе к решению всех социальных, экономических, мировоззренческих проблем», а также «увеличивающийся с каждым годом обширный обличительный материал об участии большой экономики и армии в захватнической политике», Кюнль показывает, что вопреки этому Тис стремится противопоставить «программу Гитлера интересам господствующих классов»⁹³.

В книге «Фашизм. Причины. Структура господства. Актуальность» подвергнута критике персонификация фашизма. «Персоналистский подход, — пишет автор, — хорошо знаком, он имеет глубокие корни в историческом сознании»; «фашизм сам говорил о себе: «партия фюрера», «государство фюрера». Он отмечает, что все элементы фашистской идеологии имелись в кайзеровской империи. Империализм в Германии уже в начале XIX в. перешел к «военной политике с позиций силы», стремился подготовить немецкий народ к войне, «используя расизм, антисемитизм, милитаризм, авторитаризм и, конечно, антикоммунизм». К причинам особой агрессивности германского империализма Кюнль с полным основанием относит и отсутствие у Германии колоний. Серьезные исследователи, по мнению Кюнля, едины в том, что диктатура не может быть сведена лишь к «воле Гитлера или силе массового движения». Эта точка зрения не учитывает активной роли «авторитарных ведущих слоев общества». «Главные цели господствующих классов — уничтожение демократии и рабочего движения, а также осуществление политики вооружений и экспансии — совпадали с целями, которые провозгласили фашисты, — пишет Кюнль. — Это обусловило их союз. Фашистская партия оказалась способной мобилизовать миллионные массы». Такую способность, верно отмечает автор, традиционные буржуазные партии потеряли, а «военные и крупная буржуазия не были в состоянии осуществить эту политику собственными силами». «Для успеха НСДАП, — по мнению Кюнля, — финансовая поддержка была необходимым, но не исчерпывающим условием». «Превращение партии в массовую произошло лишь в условиях взаимодействия последствий кризиса, общих идеологических традиций Веймарской республики, особенно сильного влияния правоконсервативных сил и действенной агитации нацистского руководства»⁹⁴.

В одной из своих новейших работ Кюнль освещает и другие стороны проблемы. Он отмечает, что «подготовка гигантской экспансии ... с целью установления гегемонии, по меньшей мере, на европейском континенте ... с самого начала являлась господствующей концепцией германских фашистов. Уничтожение рабочего движения в 1933 г. и постоянное подавление рабочего класса играло значительную роль в подготовке этой завоевательной политики». Иначе они не смогли бы сконцентрировать «все экономические и идеологические силы на вооружении и войне. Стабилизацию «внутреннего фронта» власти считали главной задачей, они учитывали и опыт Ноября 1918 г.»⁹⁵

Определяющую роль наиболее реакционных элементов финансового капитала Кюнль представляет себе нечетко. Отсюда его тезис «военные и крупная буржуазия» и тому подобные суждения. Автор испытывает влияние А. Тальгеймера, выдвинувшего концепцию бонапартистского происхождения фашизма⁹⁶. По аналогии с известным развитием Франции Тальгеймер полагал, что в фашистской Германии исполнительная власть имела самостоятельный характер, что в стране было уничтожено политическое господство буржуазии и она была подчинена государству. По Кюнлю, в Германии 1933—1945 гг. был союз двух примерно равноценных партнеров — НСДАП и старой элиты. Было бы ошибочным, естественно, полностью отрицать определенную самостоятельность правительства, но нельзя и преувеличивать ее.

Так, на первый взгляд следующая фраза Кюнля в научном отношении безукоризненна. Он говорит об «относительно автономных партнерах — руководящих кругах фашистской партии и индустрии, банковского мира и военного ведомства»: «Они держались вместе, так как у них были общие интересы и цели, и они нуждались друг в друге. Не во всех частях программы они были едины. Например, крупная буржуазия не была заинтересована в уничтожении евреев, но извлекла из этого выгоду. Но она была существенно заинтересована в ликвидации рабочего движения, вооружении, экспансии на Восток. Этот союз сохранился вплоть до 1945 г.» Взятые в отдельности, все или почти все эти мысли не вызывают возражения. Однако можно ли забывать, что упомянутые Кюнлем круги по сути своей буржуазны? Больше того, они носят именно крупнобуржуазный характер. В конечном счете почти все действия гитлеровского правительства, даже направленные против отдельных представи-

телей самой буржуазии, соответствовали интересам наиболее реакционных ее слоев.

Обращаясь к доктрине тоталитаризма («красного и коричневого»), Кюнль показывает, что ее авторы не вскрывают причин и движущих сил фашизма. Сама доктрина обуславливает «исключительно описательный характер» трудов о фашизме. Она не в состоянии объяснить, почему крупный капитал и военное руководство поддерживали фашизм, а рабочий класс никогда его не поддерживал. Реальным было следующее: «коммунистическая и нацистская партии по всем основным вопросам были враждебны друг другу». Критика доктрины может способствовать пониманию причин и движущих сил диктатуры. Правительство Гитлера в 1933 г., отмечает Кюнль, отнюдь не представляло собой «коалицию нацистов и коммунистов». Это был «союз правых сил, нацистов, «Стального шлема», рейхсвера в целях ликвидации левых сил». «Противоположность между правыми и левыми была сущностью» этого правительства⁹⁷.

Кюнль пытается показать роль различных концепций истории фашизма в развитии общественной жизни ФРГ. Так, он рассматривает политическое назначение тезиса о том, что «во всем виноват один Гитлер, все другие лица, классы, группы, учреждения не причастны к фашизму». Опираясь на этот тезис, консервативные идеологи заключают, что «со смертью Гитлера исчезла проблема фашизма», стремятся «хотя бы частично оправдать и даже представить в виде участников Сопротивления его (Гитлера. — Л. М.) союзников из большой экономики, военных, высшей бюрократии», которые «в ходе реставрации после 1945 г. снова заняли ведущие посты» в Западной Германии⁹⁸. Кюнль исследует также влияние психологической концепции: «в каждом человеке сидит маленький Гитлер». Ее авторы полагают, что в Германии задолго до фашистского лидера были распространены соответствующие идеи. Это в определенной степени обусловило успех фашистской пропаганды.

Научные интересы Кюнля весьма широки. Его перу принадлежат исследования по немецкой истории от Веймарской республики до Федеративной республики Германии включительно, в частности изданная в 1986 г. книга «Нация. Национализм. Национальный вопрос»⁹⁹. Им сделаны некоторые верные наблюдения по истории международных отношений. «Можно по-разному оценивать, — пишет он, — смог бы союз западных держав и СССР предотвратить вой-

ну в Европе. Однако то, что западные державы вследствие их политики «умиротворения» в отношении Германии и Италии и отказа от союза с СССР поощрили фашистскую Германию и в значительной степени облегчили ее первые военные успехи, едва ли можно оспаривать»¹⁰⁰. Автор напоминает также, что в веймарской Германии «были миллионы людей, которые искали выхода из нужды и разочарования в гарантированном будущем». Кюнль делает вывод, что «главная проблема» в ФРГ заключается не в наличии неофашистских организаций. Автор смотрит на вещи много шире: «Мы должны обращать внимание на то, что в средствах массовой информации, в речах политиков, в школе появляются элементы идеологии, которые в обострившихся социальных условиях могут создать почву для фашистских движений». То, что неофашисты составляют в стране незначительное меньшинство, подчеркивает автор, не должно успокаивать демократов: «Малое очень быстро может превратиться в большое, если есть для этого предпосылки». Пагубное воздействие оказывает и то обстоятельство, что в практике государственных органов ФРГ наблюдается «терпеливое отношение к античеловеческим действиям германского фашизма — уничтожению евреев, порабощению русских».

Кюнль требует осуществления «демократического контроля над государственной властью вплоть до права народа на сопротивление в случае противоконституционных действий властей ...участия (трудящихся. — Л. М.) в управлении экономикой, социализации». Он напоминает, что «эти требования вытекают из опыта антифашистов», из прогрессивных реформ 1945—1946 гг. «Этот опыт и выводы, как и прежде, остаются в высшей степени актуальными», — пишет автор. Он обращает внимание читателя на то, что в конституции земли Гессен есть статья, согласно которой население имеет право на сопротивление в случае антиконституционных действий властей¹⁰¹.

Близка к марксистской трактовка прихода фашистов к власти и некоторых вопросов экономики Германии в трудах другого представителя марбургской школы А. Клённе, профессора Билефельдского университета, автора многих работ по истории рабочего класса. В книге «Немецкое рабочее движение» (1981 г.) он отмечает «заинтересованность в Гитлере в 1932 г. части крупной буржуазии, крупных землевладельцев, сгруппировавшихся вокруг Немецкой национа-

льной партии, чиновников из окружения президента». Еще раньше НСДАП снискала растущие симпатии и финансовую помощь групп тяжелой индустрии. «В середине 1932 г., — пишет автор, — ведущие промышленники, банкиры, крупные аграрии потребовали у Гинденбурга назначения Гитлера на пост канцлера». Осуществляя свои экспансионистские планы, фашистское руководство стремилось предотвратить вторую Ноябрьскую революцию. Этой цели служили угнетение, террор и идеологическая обработка. Но было ясно, полагают Клённе, что эти меры могли быть эффективными лишь в сочетании с социально-экономическими мерами, прежде всего с ликвидацией безработицы и удовлетворением основных потребностей — в питании и жилье. «Вплоть до окончания войны нацистское государство делало все, чтобы не допустить взрывоопасной ситуации». Социальная демагогия, высказывает автор интересную мысль, вызвала «неудовольствие отдельных капиталистов», но она содействовала «стабилизации системы в целом». Доля заработной платы в 1933 г. составила 63%, в 1938 г. — 57% национального дохода. Средний же уровень доходов акционерных обществ увеличился с 2,9% до 6,4%. С другой стороны, в результате ликвидации безработицы, вовлечения в производственный процесс новых рабочих, в том числе женщин, реальные доходы большинства семей рабочих возросли. Пропал страх потерять работу. В отличие от уже упоминавшихся историков Клённе пытается связать изменения в экономике с государственно-монополистическим капитализмом: «Социально-экономическое развитие третьей империи характеризовалось ускоренными темпами индустриализации, урбанизации и концентрации капитала, т. е. дальнейшей ликвидацией независимых производителей»¹⁰².

К буржуазно-демократической оценке фашизма, по крайней мере отдельных моментов его истории, близки суждения ряда ученых, тяготеющих к СДПГ, хотя в целом их трактовка весьма противоречива. Покажем это на примере трудов В. Випперманна, сравнительно молодого приват-доцента Свободного университета Западного Берлина¹⁰³. В 1983 г. им опубликовано исследование «Европейский фашизм. Сравнительный анализ 1922—1982 годов»¹⁰⁴. Автор пытается сравнить литературу различных направлений о фашизме и Сопротивлении, как и сами эти движения в странах Европы. Постановка такой задачи весьма похвальна, ее актуальность понимают лишь немногие представители не-

марксистской историографии¹⁰⁵. Нельзя не согласиться с автором и в том, что «пренебрежение сравнительным исследованием фашизма привело во многих странах и особенно в ФРГ, к обесцениванию понятия фашизма» в смысле безмерного его расширения. Показательно, что, обосновывая свою тему, автор ссылается на известное требование изучать и учитывать национальную специфику фашизма, которое было выражено в докладе Г. М. Димитрова на VII конгрессе Коминтерна.

Автор с полным основанием не принимает мнения К. Д. Брахера, Г. А. Тэрнера, Р. де Феличе и др. о том, что поскольку «между итальянским и германским фашизмом больше различий, чем общих черт, постольку необходимо отказаться от общего понятия «фашизм» в пользу эмпирического исследования». В этом суждении несостоятельно само противопоставление теоретического эмпирическому. Невверно оно и в политическом отношении. Випперманн подчеркивает: «Поскольку фашизм до сих пор не умер, постольку историк, который действительно стремится сделать выводы из прошлого ... в первую очередь заинтересован именно в теоретическом осмыслении проблемы». Автор высказывает и другие верные мысли: хотя «история и не повторяется в одних и тех же формах», «структурные факторы», вызвавшие к жизни фашизм, «остаются и могут способствовать росту ... неофашизма»; высказываясь в пользу «генерализирующего понятия «фашизм», автор отмечает, что история как наука «не может быть исключительно эмпирической», что отказ от теоретического осмысления «таит в себе опасность идеологического искажения ... изучаемой действительности»¹⁰⁶. «Исследование фашизма с необходимостью ведет к изучению антифашистских движений»; оно «всегда носило политический характер, имело антифашистскую направленность и представляло собой руководство к преодолению фашизма».

Випперманн отвергает доктрину тоталитаризма, с полным основанием показывая, что «коммунистические и фашистские партии преследовали различные цели и создали различные общественные системы... их отождествление необоснованно». Автор подвергает критике точку зрения Тэрнера, относящего фашизм к антимодернистским движениям¹⁰⁷. Не разделяет он и персонификации, вообще осуждает рассмотрение фашизма вне связи с социальными факторами. Он

считает необходимым «социально-психологическое исследование фашизма».

Однако провозгласить готовность следовать некоторым положениям исторического материализма и отмежеваться от ряда ненаучных концепций легче, чем осуществить это на деле. Эклектичность ярко выступает в книге. Такова весьма противоречивая трактовка сущности и движущих сил фашизма. «Фашистские партии, — верно отмечает Випперманн, — возникли на почве капитализма ... в них были заинтересованы определенные слои капиталистического общества». Автор не отрицает «поддержки фашистов со стороны индустрии, сельского хозяйства, буржуазных партий». Не разделяя тезис о «полной унификации церкви и военных кругов» в фашистской империи, Випперманн, тем не менее, верно полагает, что они «настолько приспособились к ней, что уже не представляли опасности для ее существования». Среди общих черт фашистских партий он не без оснований видит иерархический принцип их построения, принцип «фюрерства», исключительное внимание к пропаганде, милитаризацию, аналогичные идеологии, которые отличались «двойственностью», — эти партии провозглашали и антикапиталистические и антисоциалистические цели, антимодернистские, крайне националистические и транснациональные цели. Отмечается также «бескромпромиссно беспощадное отношение этих партий к политическим противникам и национальным меньшинствам».

Однако Випперманн, по существу, игнорирует социальную сущность фашизма, объявляя, что в освещении сил, поддерживавших его, будто бы существует «много пробелов». На самом деле эта проблема освещена не полностью; в частности, недостаточно показана различная степень сотрудничества с фашизмом германских и иных монополий. Но в целом правильность оценки социальной сущности фашизма, данной Коминтерном, несомненно, подтверждена многочисленными источниками и исследованиями марксистско-ленинских ученых и историков других направлений. Автор полагает, что современный уровень знаний не позволяет рассматривать фашизм как «народную партию или партию средних слоев». Но отвергает он и точку зрения Коминтерна, отрицая, что «фашистские партии с самого начала финансировались влиятельными кругами индустрии». Как будто вся суть вопроса состоит в том, кто поддерживал их именно «с самого начала».

Характеризуя общее в фашизме, автор остается в сфере политической и идеологической, он не отделяет в теории и программе фашистских партий действительного, сущностного от демагогического; верно отмечая их двойственность, не объясняет глубоких причин этой двойственности, в первую очередь, несомненно, антагонистические противоречия между его социальной — империалистической сущностью фашизма и его массовой — мелкобуржуазной и в некоторой степени пролетарской — базой. В оценке изученности фашизма автор занимает по меньшей мере сугубо объективистские позиции. Игнорируя ленинскую теорию империализма, Випперманн не замечает принципиальной эволюции капитализма. На самом деле фашизм порожден не капитализмом, как чем-то неизменным, а его последней стадией — империализмом.

Тем же пороком — недооценкой роли социального фактора в истории — страдает и данная автором характеристика национальной специфики фашизма. «Нацизм, — по его мнению, — качественно отличался от итальянского фашизма фанатичной, самоубийственной приверженностью к идеологической догме расовой войны». Игнорирование глубоких корней проблемы — особенностей германского и итальянского империализма, обусловивших и специфику фашизма в этих странах, — привело к тому, что автор остался на поверхности явления. Методологическая нечеткость проявляется в книге и при оценке «ощутимого улучшения материального положения рабочего класса» Германии вследствие ликвидации безработицы, гонки вооружения, «интеграции широких слоев населения» в результате агрессивных походов и ограбления захваченных стран. Випперманн верно полагает, что эти слои «слишком были склонны не замечать другой — террористической стороны третьей империи». Однако в такой схеме «фашизм и население» не находит место проблема социальной сущности «третьей империи», служившей в первую очередь наиболее империалистическим элементам финансового капитала. В книге можно встретить и прямую реабилитацию правящих кругов. По мнению автора, «консервативные руководители Германии» допустили «ошибку», будто бы «не поняли фашизма и его эволюции». Известно, однако, что они сознательно выбрали из многочисленных буржуазных партий именно партию фашистов.

В книге прослеживаются также националистические тенденции. Автор, по существу, стремится разделить вину

«германских руководителей» между ними и «государственными мужами Европы», которые проводили политику умиротворения фашизма, «пассивно наблюдая разрушение демократии в Германии». При этом он сбрасывает со счетов последовательную борьбу против фашизма многих демократов в других странах. Недостаточно четко различает автор глубокие причины возникновения фашизма от его предпосылок, от тех обстоятельств, которые могли лишь способствовать или препятствовать его появлению. «Решающим условием подъема нацизма, — утверждает Випперманн, — были не явления экономического и социального кризиса, предрасположенность средних слоев, материальная помощь индустрии, а ошибки нефашистских и антифашистских сил и партий в Германии».

Нельзя упрекать автора в полном игнорировании экономических аспектов проблемы. Так, не без некоторых оснований он полагает «высшей целью нацистской экономической политики» захватническую войну для покрытия государственного долга, обусловленного гонкой вооружений. Но несколькими страницами позднее он пишет уже о том, что совершенно противоположно истине, — о «несомненном абсолютном приоритете концепции уничтожения евреев перед экономическими и военными интересами и целями индустрии и вермахта», о второй мировой войне как «войне мировоззрений, которая в первую очередь определялась идеологическими представлениями Гитлера и только во вторую — экономическим и политическим расчетом». В Польше будто бы «речь шла в большей степени об уничтожении евреев и польского руководящего слоя, чем об империалистической завоевательной войне». Конечные цели фашизма, в отличие от целей Германии в 1914 г., автор справедливо считает глобальными, но в конечном счете также выводит их лишь из расовых догм¹⁰⁸.

Как уже было показано в советской критической литературе, в центре внимания историков — буржуазных демократов на протяжении послевоенных десятилетий находится антифашистская борьба немцев¹⁰⁹. Однако в их трудах этому неизменно сопутствует и другая тема — фашистские преступления¹¹⁰. Подчас материалы о преступлениях фашистов, преследованиях и страданиях их жертв даже заслоняют историю борьбы против фашизма. Помимо уже названных книг Брюдигама, можно сослаться на работы П. Альтмана, А. Билльштайна, Х. Хайнса и многих других авторов¹¹¹.

Их исследованиям свойственны постоянная связь прошлого и настоящего, показ оценки прошлого правящими кругами современной ФРГ. Так, известные историки и публицисты Ю. Поморин и Г. Биманн, показав на широком материале фашистские злодеяния, подчеркнули, что многие преступники до сих пор не понесли заслуженного наказания, больше того, им обеспечена безбедная старость¹¹².

Тема преступлений фашизма так же характерна для демократического направления буржуазной историографии, как темы империалистической преемственности в истории Германии и социальной политики фашизма характерны для историков-либералов. Буржуазные демократы, в том числе лица, преследовавшиеся при фашизме, первыми в западно-германской буржуазной историографии непосредственно вслед за Международным военным трибуналом в Нюрнберге начали исследование злодеяний. Можно сказать, что эти историки и мемуаристы руководствовались определенным духовным завещанием брата и сестры Шоллей и других своих идейных предшественников из числа немецких патриотов демократической ориентации. Как известно, главным побудительным мотивом их борьбы против фашизма были его преступления.

Видное место в буржуазной литературе 80-х гг. занимает книга «Медицина, фашизм и Сопротивление», написанная тремя авторами — Б. Бромбергер, Х. Маусбахом и К.-Д. Томанном. Богата документальная база этого исследования — материалы архивов ФРГ, ГДР, Франции, Польши. Широко привлечены материалы из многотомного собрания документов «Юстиция и нацистские преступления», выпущенного в Амстердаме в 1968—1983 гг. Вместе с тем авторы отмечают недостатки источниковой базы, в частности, до сих пор на немецком языке не издано полное собрание материалов нюрнбергского процесса над немецко-фашистскими врачами. В труде нашли освещение развитие медицины до установления в стране фашистской диктатуры, деятельность немецких врачей в службах СС и концлагерях, участие в Сопротивлении. Авторы обнаруживают незаурядную историографическую, философскую и медицинскую подготовку. Их методологии свойственны историзм, стремление изучить медицину как «часть культуры общества» в тесной связи с развитием его материальных основ. Они пытаются показать, в частности, «специфические теоретические течения социал-дарвинизма, других расистских теорий в естест-

венных науках и медицине», которые предшествовали фашизму. Последний применял эти теории в демагогических целях для завоевания доверия масс и подготовки захвата власти. Преступное использование этих теорий в медицине и здравоохранении вело к созданию элиты, воспитанию агрессивности, ликвидации этнических и социальных групп, которые расценивались в экономическом отношении как «балласт».

Томанн резко выступает против анализа деятельности немецких врачей вне социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, идеологических факторов развития Германии в целом. В противном случае, подчеркивает он, «можно прийти к совершенно ложным выводам». Следуя этому методологическому принципу, автор рассматривает историю медицины на широком фоне становления капитализма в стране в 1848—1933 гг. Он, в частности, отмечает, что после объединения Германии в 1871 г. небывалый размах получили «требования о расширении внешнеполитического влияния, которые были связаны с чувством принадлежности к расе господ». Автор воспринял известное ленинское понятие об империализме как высшей стадии капитализма. «С быстрым подъемом германской экономики во второй половине XIX в., неравномерным распределением материальных благ и обострением вследствие этого внутренних противоречий» господствующие круги буржуазии становились все более консервативными. Они стремились «преодолеть альтернативу, исходящую от социалистического рабочего движения», «продолжить путь к экономической экспансии и колониальной политике». Автор критикует известную теорию Мальтуса, которая «оправдывала бедствия растущего рабочего класса», так называемую «расовую гигиену», основывающуюся на социал-дарвинизме и получившую распространение в Германии. Томанн приходит к выводу о том, что еще до захвата власти фашистами большинство немецких врачей были внутренне готовы к восприятию «фашистской структуры мышления». «Процесс фашизации врачей продолжался на протяжении многих десятилетий и достиг высшей ступени в 1933 г.», — пишет автор, допуская в данном случае определенное преувеличение: не всякая реакционность означает фашизм. «Высшую ступень» фашизации многих немецких врачей, очевидно, нужно отнести к военному периоду.

Деятельность врачей в концлагерях показана в книге

как одно из проявлений преступной сущности фашистской диктатуры, этого «инструмента гражданской войны против демократических сил и рабочего движения», «инструмента политического угнетения». Авторы анализируют развитие системы концлагерей, их функциональное назначение, методы обращения с людьми. Маусбах и Бромберг квалифицируют деятельность врачей в концлагерях как «преступную», поскольку их «профессиональные знания и должностные обязанности использовались в антигуманных целях» — для уничтожения узников. «Участие врачей СС в различного рода «отборах» делало их активными участниками этого уничтожения». Врачи превратились в «функционеров смерти, стали частью человекоубойной машины». Преступность их поведения автор видит и в том, что убийству узников часто предшествовала имитация медицинского осмотра. Медицинский инструментарий использовался как бутафория с тем, чтобы не вызвать подозрений у жертв. К «величайшим преступным действиям фашистов» авторы относят уничтожение многих тысяч советских коммунистов и комиссаров, попавших в плен главным образом летом — осенью 1941 г.

Авторы книги извлекают определенные выводы из прошлого в интересах настоящего и будущего. Медицинская, в том числе и врачебная деятельность, по их мнению, невозможна без четкой гуманистической социальной перспективы. Опыт учит: нельзя допустить возрождения расизма и фашизма, нельзя относиться примиренчески к любым их проявлениям. Для будущего весьма важно как можно раньше распознать подобные грозящие человеку опасности и успешно противодействовать им. Констатируя, что в Германии 1933—1945 гг. «нарушение клятвы Гиппократова под влиянием расистской и социал-дарвинистской политики фашистского руководства приобрело систематический характер», авторы задают вопрос — «что знают современные врачи о фашизме?» Все они должны знать, что 1945 год стал рубежом «в постановке проблем в естественных и социальных науках», что едва ли найдется другая область знания и другой период, имеющие столь роковые последствия, как медицина в Германии в 1933—1945 гг. Учитывая в высшей степени социальный характер профессии врача, авторы книги решительно осуждают сложившуюся в ФРГ практику, при которой «можно изучать медицину и стать врачом, не зная документов нюрнбергского процесса над врачами»¹¹³.

Наряду с иными внутренними и внешними факторами

демократическая литература о преступлениях оказала значительное воздействие на другие направления буржуазной и социал-демократической историографии ФРГ. В этой историографии ныне сравнительно полно освещены преступления германского фашизма. По существу, нет ни одного более или менее значительного труда по новейшей истории, автор которого не касался бы названной темы. Это относится к многочисленным работам о фашизме и Сопротивлении, второй мировой войне, по истории ГДР и ФРГ. Х. Майер в выступлении на XVI конференции историков ФРГ отметил, что историческая наука уделяет много внимания нацистскому режиму, в частности его преступлениям¹¹⁴. Теме посвящены специальные труды юристов, историков, политологов, врачей. Она получила освещение на страницах журналов, в общих и специальных документальных и мемуарных публикациях¹¹⁵. Проблема преступлений занимает весьма существенное место в современной жизни ФРГ в целом. Они отражены в документах правительства, политических партий, массовой информации.

В новейших трудах исследователей и публицистов различных направлений встречаются более или менее последовательное осуждение преступлений, внешне объективистский, по существу же апологетический тезис об «общей ответственности» за преступления, открыто фашистская традиция. В последние два десятилетия в буржуазной, а также социал-демократической литературе ФРГ, по существу, возобладала относительно реалистическая оценка фашизма, созданного им режима, СС, вермахта как инструментов господства крайне реакционных сил, внутренней и внешней политики фашизма как преступных¹¹⁶. Соответствующим образом оцениваются и развязанные фашизмом агрессивные войны, независимо от того, какими представляют себе те или иные авторы его конечные цели — региональными или глобальными. Особое место заняла в новейших трудах оценка преступных целей его антисоветской агрессии. С полным основанием подчеркивается в высшей степени несправедливый характер этой войны. По мнению К. Д. Брахера, «не оборона от коммунизма, а слепая экспансионистская политика была содержанием гитлеровского режима»¹¹⁷. Исключение представляет апологетическая неофашистская публицистика с ее попытками опровергнуть и преступления и приговор Международного военного трибунала¹¹⁸.

В центре внимания авторов многих новейших трудов —

преступления фашизма против самих немцев¹¹⁹. Некоторые исследователи не без сарказма отмечают, что фашисты ликвидировали безработицу, но привели Германию к неисчислимым бедствиям и гибели миллионов немцев, что их политика основывалась на «социальном подкупе и зверском терроре» по отношению к большинству населения страны¹²⁰. Редкий автор не вспомнит так называемой эвтаназии¹²¹, бессмысленных «нероновских приказов» Гитлера, потребовавшего в дни агонии «третьей империи» разрушить все материальные ценности страны¹²². Многие ученые подчеркивают государственно организованный характер преступлений. В трудах по региональной истории, а также возникшей в последнее время весьма развитой литературе о повседневной жизни Германии 1933—1945 гг. также представлены материалы о преступлениях против немецкого населения. В ряде публикаций отмечается преступный характер преследований и уничтожения политических противников фашизма.

Важное место в новейшей литературе занимает показ противоправных действий по отношению к захваченным вермахтом пленным вообще, особенно советским военнопленным. Из 5 млн. 750 тыс. советских военнопленных 3 млн. 300 тыс., по западногерманским данным, были убиты или доведены до голодной смерти¹²³. Ведущие представители умеренно-консервативного направления, не говоря уже об исследователях-либералах и буржуазных демократах, осудили приказ германской ставки о расстреле советских офицеров-политработников непосредственно в момент их пленения без суда и следствия. Эти авторы показали, что приказ «противоречил действующему военному праву и традиционной морали», отвергли тезис фашистской пропаганды о «комиссарах как невоеннослужащих», права которых будто бы не защищала Гагская конвенция 1907 г.¹²⁴ Некоторые умеренные консерваторы занимают объективистскую или просто противоречивую позицию. Они лишь сообщают об этом приказе¹²⁵. Г.-А. Якобсен показал незаконный характер приказа и противопоставил ему полностью соответствующее международному праву обращение к пленным в СССР. Однако и ему не удалось освободиться от влияния крайних консерваторов, пытающихся представить дело так, будто немецко-фашистским генералитетом приказ о комиссарах был отвергнут из гуманных соображений¹²⁶. Якобсен опубликовал докладную записку Гитлеру командующего 39-го корпуса Шмидта от 17 сентября 1941 г. Но из нее сле-

дует, что генерала беспокоили не правовая и не моральная стороны проблемы. По его мнению, одиозный приказ лишь усиливал сопротивление Красной Армии и поэтому как «немедленное мероприятие» его необходимо было отменить¹²⁷.

Значительна литература о преступлениях против советских партизан¹²⁸. Большое внимание уделено преступлениям фашистов, совершенным в целом против советского народа. Нередко можно встретить осуждение известного плана «Восток», предусматривавшего не только ликвидацию Советского государства, но и колонизацию Восточной Европы, переселение или истребление многих десятков миллионов людей, уничтожение Москвы и Ленинграда¹²⁹.

В новейшей литературе ФРГ отражены преступления в концлагерях, являвшихся, может быть, самым ярким выражением сущности фашизма. В них умерщвлено, по разным данным, от 10 до 11 млн. человек¹³⁰. В упомянутой литературе есть общие книги о концлагерях¹³¹. Вышел ряд исследований о принудительном труде иностранных и немецких рабочих, военнопленных. В них показаны преступный характер подобной практики, а также полное бесправие иностранных рабочих, которых безнаказанно убивали¹³². Если в предшествующие десятилетия некоторые немарксистские историки тенденциозно ограничивались сугубо технической стороной проблемы, оценкой эффективности такого труда, то в новейших книгах, например книге социал-демократа У. Герберта «Чужие рабочие»¹³³, эта односторонность, хотя и не полностью, преодолена. Книга содержит не только богатый фактический материал, но и сравнительно объективную оценку социально-экономической, моральной, правовой сторон вопроса. Как отмечают Х. Глазер и Н. Нойдекер, лагеря в большинстве случаев были связаны с промышленными предприятиями. Многие заключенные работали на фабриках и заводах, принадлежавших СС¹³⁴. Исключительное внимание уделяется преступлениям против евреев¹³⁵, хотя в этом порой прослеживается стремление искусственно ограничить объект противоправных действий. В ряде трудов эти преступления, по существу, заслоняют злодеяния против других народов.

Литературу о преступлениях во многом характеризует объективизм. Это проявляется в самых различных формах. Очень большое распространение в консервативной литературе обоих направлений получил основанный на полуправде тезис об общей (не равной, как полагают некоторые наши

ученые) ответственности за преступления всех участников минувшей войны¹³⁶. В пропагандистском отношении этот тезис считается более выгодным, чем полное отрицание преступлений. Недаром в последние годы к нему стали прибегать даже некоторые неофашистские публицисты. Так, ими было признано несоответствие упоминавшегося приказа о комиссарах Гаагской конвенции. Одновременно они обвинили в аналогичных преступлениях в отношении к немецким военнопленным государства антифашистской коалиции¹³⁷. Часто применяются пропагандистские манипуляции с действительно имевшими место действиями вооруженных сил США и Англии, чаще всего атомными бомбардировками Японии, а также разрушение Дрездена. Взрывы атомных бомб на самом деле повлекли за собой не только бессмысленные жертвы, но и опасную ядерную гонку, которую до сих пор не удалось остановить¹³⁸. Однако эти акции ни в малейшей степени не могут оправдать фашистские преступления уже потому, что большинство их предшествовали действиям американцев и англичан.

Тезис об «общей ответственности» наиболее часто применяется в антисоветских целях. Так, пишут о войне на советско-германском фронте как «с обеих сторон тотальной идеологической борьбе на уничтожение»¹³⁹. Но цели агрессора на Востоке отнюдь не ограничивались исключительно областью идеологии; защищавшая же свою страну Красная Армия уничтожала захватчика лишь в том случае, если он не сдавался. Также несостоятельно утверждение крайнего консерватора К. Х. Фризера в книге «Война за колючей проволокой» о будто бы «атавистических формах обращения с военнопленными» в этой войне со стороны обоих противников¹⁴⁰.

Ряд авторов прибегают к формуле умолчания или представляют преступления в виде обычного явления, будто бы свойственного любым войнам, оправдывая таким образом агрессора. В неофашистской публицистике и крайне консервативной историографии живы старые вымыслы об упреждающем нападении на СССР и об «отечественной войне немцев», а также прямое отрицание фашистских преступлений. Число таких попыток сравнительно невелико. В то же время, по существу, вся консервативная и неофашистская литература изобилует «сведениями» о так называемых «изгнанных» и будто бы жестоком обращении Красной Армии с жителями оккупированной Германии¹⁴¹. Однако либераль-

ные и особенно буржуазно-демократические ученые аргументированно показывают гуманизм советских военнослужащих.

В различных направлениях литературы по-разному решается вопрос об ответственности немцев за фашистские преступления. В трудах крайних консерваторов встречаются ложные тезисы о «вине отдельных лиц», причастности к преступлениям лишь «уголовников и душевнобольных», неинформированности населения и армии Германии. Часть этих историков стремится оправдать те или иные группы правящей элиты — фашистских лидеров, владельцев монополий, военных и штатских чиновников. Сохранились одиозные попытки вызвать жалость к немцам, будто бы ставшим «жертвой преступников»¹⁴², призывы к «взаимному прощению, ложный тезис об отождествлении в СССР всех немцев с фашистами. В то же время в трудах ряда умеренных консерваторов и особенно либералов и буржуазных демократов апологетические тенденции в освещении ответственности немцев за преступления, как и курса ряда руководителей ХДС/ХСС на фактическую реабилитацию фашистских преступников, подвергаются критике.

Появились труды о соучастии в преступлениях германских промышленников, военных, юристов, врачей, железнодорожников и др. Так, в работе Д. Эльзнер убедительно показана преступная роль врачей, работавших на заводах ИГ-Фарбен¹⁴³. Х. Лихтенштейн показал, что владельцы германского железнодорожного транспорта были заинтересованы в расширении человекоубойной промышленности и активно участвовали в ней: железнодорожный транспорт доставлял в лагеря уничтожения миллионы обреченных на смерть¹⁴⁴. Большое число историков верно полагает, что антигуманность режима явилась побудительным мотивом антифашистской борьбы. Характерная для многих немцев в период фашизма позиция «молчаливого согласия» осуждена в значительной части книг¹⁴⁵. Это особенно присуще историографии немецкого Сопротивления, а также литературе о повседневной жизни.

Таким образом, либеральные и буржуазно-демократические исследователи ФРГ внесли существенный вклад в научную критику консервативных и неофашистских суждений о германском фашизме, расширили научные знания о нем, в первую очередь о его происхождении, сущности, массовой базе, социальной и экономической политике, влиянии фашистского периода в развитии Германии на современную

ФРГ. Либеральная и буржуазно-демократическая концепции оказывают определенное воздействие на другие направления немарксистской литературы. Либеральные и особенно демократические ученые используют исторические знания в борьбе против современного милитаризма, за укрепление мира и безопасности народов.

В трудах либералов в той или иной степени изучены преемственность в развитии Германии XIX—XX вв., в частности периода империализма, связь экономики и политики, взаимозависимость внутренней и внешней политики. Преимущественное внимание либеральные историки уделяют экономической, социальной и политической проблематике, различным антифашистским движениям 20—40-х гг. Представляет интерес либеральная критика консервативных тезисов о Ноябрьской революции как причине установления фашистской диктатуры; фатальной неизбежности фашизма и войны; фашизме как «провале в истории Германии», фашизме как «революции». Заслуживает внимания подтверждение либеральными авторами связей фашизма с реакционным и агрессивным пруссачеством, разбор проблемы «фашизм и германский натиск на Восток». Значителен вклад либеральных историков в исследование роли ряда крупных монополистов в фашизации страны.

Либеральным исследователям присущи пацифизм (что проявляется как в решительной критике милитаристских традиций германской истории, так и в усилившемся в последние годы изучении пацифистских движений), гуманизм, признание принципов мирного сосуществования. Эти историки являются активными проповедниками идей буржуазных революций. Они видят свой долг в разработке «применимой на практике теории современности» и помощи «разумным действиям отдельных индивидуумов и групп» с целью «создания гуманного рационального общества»¹⁴⁶.

В силу самого социального положения немонаполистической буржуазии, чьи интересы в историографии отражают либералы, определенной ограниченности их методологии, исторической концепции этих ученых подчас присущи сильные противоречия. Некоторые из них фактически приняли известную оценку фашизма, данную VII конгрессом Коминтерна, в то же время они явно преувеличивают роль «доиндустриальных факторов» в становлении германского фашизма как движения и диктатуры. Многим либеральным историкам свойственны объективизм, эклектизм, не полностью преодоленная персонификация истории.

Специфику упоминавшихся либеральных школ определяют следующие обстоятельства. Если Фишер и его последователи пришли к осмыслению фашизма, имея богатый опыт исследования внешней политики германского империализма конца XIX — начала XX в., то историки, группирующиеся вокруг журнала «Geschichte und Gesellschaft», многие годы довольно плодотворно занимались анализом социальных структур в XVIII—XX вв., уделяя при этом исключительное внимание социально-экономическим аспектам. Группу Фишера характеризует в целом лояльное отношение к социалистической революции, к марксистско-ленинским историкам, резкая критика доктрины тоталитаризма. Велеру же и его единомышленникам присущи весьма типичное для либеральной буржуазии неприятие социалистической революции, недостаточная последовательность в отношении названной доктрины. В отличие от школы Фишера, эти историки проявляют больший интерес к историографии повседневной жизни в Германии 1933—1945 гг., стремятся не только осмыслить ее, но и оказать конкретную помощь в становлении этой литературы.

Концепция буржуазно-демократического направления близка к научной. Его представители анализируют историю Германии 1933—1945 гг. с антифашистских позиций. Они показывают органическую связь фашизма с крупнейшими монополиями (хотя подчас и преувеличивают самостоятельность фашистского государства); особую агрессивность немецкого империализма как основу специфики фашизма в Германии; преемственность захватнических целей империалистов от Вильгельма II до Гитлера, особенно их целей в Восточной Европе. Некоторые ученые реалистически оценивают важные проблемы международных отношений, в частности советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. В работах левосоциалистических историков, близких к буржуазно-демократическим ученым, особое место занимает научное осмысление различных направлений западногерманской историографии фашизма, ее эволюции и периодизации, ее роли в политической жизни ФРГ. Последовательно критикуют буржуазно-демократические и левосоциалистические исследователи различные антикоммунистические доктрины консервативной историографии.

З а к л ю ч е н и е

В ФРГ представлен крупнейший центр по изучению истории германского фашизма. Литература по этой теме занимает главное место в западногерманской немарксистской историографии. Часть ее отличается сравнительно высоким профессиональным уровнем. В конце 70-х — первой половине 80-х гг. усилилось внимание ученых к методологии, в частности к социальным функциям исследований, историографии, источниковедению, библиографии проблемы. В эти годы расширилась документальная база, стали широко привлекаться региональные архивы НСДАП и полиции, краеведческий материал, материалы из недавно открытых архивных фондов Англии и США, издаются впервые и переиздаются ранее опубликованные мемуары. Более многообразной стала тематика исследований — возникла новая литература о повседневной жизни в фашистской Германии.

История фашизма и Сопротивления находится в ФРГ в центре идейно-политической борьбы. Представители различных направлений с тех или иных позиций оценивают сохранившиеся в современной общественной жизни ФРГ фашистские и антифашистские традиции, стремятся использовать уроки истории в формировании современной внутренней и внешней политики классов и партий. Антисоциалистами широко применяется опыт прошлого. В других группах ученых укрепляется мысль о том, что научные знания должны воспрепятствовать возрождению фашистской идеологии и политики, развязыванию новых войн. В этой связи необходимо рассматривать внимание к пацифистскому движению 20—30-х гг., попытки теоретически осмыслить право на сопротивление фашизму в интересах современной борьбы за мир, использовать опыт объединения антивоенных сил. Большую роль те или иные трактовки фашизма и антифашизма играют в школьном и вузовском преподавании, формировании исторического и политического сознания населения¹.

В ФРГ предприняты попытки изучить воздействие историографии на преподавание новейшей истории в школах. Так, в ходе опроса учителей им были предложены варианты причин прихода фашистов к власти: кризисная ситуация, демократия без демократов, последствия Версаля, недостатки конституции, бессилие партии Центра, радикализация справа и слева, активизация средних слоев, инфляция, премственность элит, роль индустрии, военных, церкви, традиции антисемитизма. Часть этих положений сформулирована недостаточно четко или просто ошибочно, не все они равнозначны. Тем не менее схема отражает многие действительные факторы. Достоверность опроса небезупречна: им охвачено лишь 78 человек, неизвестно, насколько объективен был отбор анкетируемых. Однако опрос учителей, осуществленный Х. Холфом и К. Неверманном, представляет интерес. Около половины опрошенных разделяют точку зрения К. Д. Эрдманна, Х. Д. Брахера (ошибки Веймарской республики, экономический кризис). Среди другой половины есть последователи Р. Кюнля (тезис о связи фашизма с капиталом), а также Г. А. Винклера, Х. Моммзена, Ю. Кокки, М. Брошата (тезис о «союзе элит»). В целом роль индустрии оценивается более критически, чем роль вермахта и церкви, особенно в среде молодых учителей. Большинство опрошенных следуют доктрине тоталитаризма (9% отвергли ее безусловно, 22% — с теми или иными оговорками). Сами Холф и Неверманн полагают, что она отнюдь не обладает научными возможностями. Отмечая, что среди учителей доминируют консервативные взгляды на историю Германии 1933—1945 гг., организаторы опроса с полным основанием ставят вопрос: «как могут ученики трезво воспринимать информацию о центральном в наше время конфликте между Востоком и Западом, если их представления отягощены антикоммунистической тенденцией»?

В целом западногерманские буржуазные ученые внесли значительный вклад в разработку научной концепции фашизма. Введены в научный оборот обширные новые материалы, сделаны наблюдения и выводы, свидетельствующие о преемственности в развитии Германии XIX—XX вв., поддержке фашистов крупнейшими монополиями, в том числе в период Веймарской республики, совпадении их агрессивных целей. Более детально разработаны проблемы массовой базы, экономической и социальной политики фашизма, показаны некоторые особенности диктатуры и Соп-

ротивления в Германии. Сравнительно полно изучены преступления фашизма. Во многих трудах показано его стремление не допустить повторения Ноябрьской революции 1918 г. Это совпадает с общей тенденцией развития капитализма в новейшее время. «Уже с победы Великого Октября, обозначившей конечность капитализма в пространстве и во времени, — читаем в журнале «Коммунист», (1987, № 13) — буржуазия начала всерьез отрабатывать социально-экономическую стратегию, направленную на предотвращение дальнейших революционных взрывов, понимая, что массовая нищета может обернуться огромным риском для ее прибылей» (с. 107).

В свете сказанного не выглядит правомерным вывод ряда советских историографов о «повороте вправо» в 80-е гг. всей немарксистской историографии. Так можно сказать лишь относительно части крайне консервативного направления. Нельзя признать плодотворным автоматическое перенесение политических тенденций на историческую науку. Развитие последней, естественно, нельзя рассматривать вне общественной жизни. Но было бы ошибочным не учитывать, что историография, как и любая другая общественная наука, обладает определенной самостоятельностью. Она не может моментально повторять все зигзаги дипломатии и пропаганды. На ее развитие существенное влияние оказывают и внутринаучные факторы. Так, в предшествующие 70-е гг. западногерманская буржуазная историография фашизма заметно увеличила свой научный потенциал, получила развитие либеральная литература о германском рабочем движении XIX—XX вв., буржуазно-демократическая историография истории Германии 1933—1945 гг., сформировалось марксистско-ленинское направление исторической мысли. Необходимо учитывать также, что правящий класс всегда заинтересован в использовании исторического опыта в интересах своей современной политики. Нельзя оценивать однозначно и сами политические факторы. Наряду с приходом к власти в начале 80-х гг. консервативных кругов буржуазии, в стране усиливаются и различные демократические и антивоенные движения, и не только пролетарские. На позиции мирного сосуществования переходит значительная часть буржуазии.

Все эти обстоятельства объясняют в целом поступательное развитие историографии фашизма в изучаемый период. Весьма показательным мнением, высказанным на конфе-

ренции историков-марксистов ГДР, СССР, ФРГ в феврале 1987 г., посвященной 750-летию Берлина: в западногерманской историографии «наряду с коммунистами и другими активными антифашистами против правоконсервативной ревизии истории поднимают свой голос также либеральные, социал-демократические и (умеренно. — Л. М.) консервативные силы»³.

Важнейшая из новых тенденций в развитии западногерманской исторической литературы о фашизме — ее дальнейшая дифференциация. Одним из главных ее критериев является различное отношение историков к фашизму и антифашизму. Рассматривая расслоение буржуазных историков с точки зрения приобретения ими новых научных знаний о фашизме, в общих чертах это можно представить так. Крайние консерваторы остались в целом на старых позициях. Умеренные консерваторы значительно отошли от них, усилив внимание к различным аспектам проблемы. Представленные ранее лишь несколькими исследователями-одиночками либералы создали влиятельные школы; в своем подходе к исследованию фашизма они более четко отмежевались от умеренных консерваторов. Усилились позиции историков — буржуазных демократов. Наряду с либеральными и социал-демократическими учеными они приняли живое участие в создании литературы о повседневности. В изучаемый период впервые появились значительные труды по теме, принадлежащие перу западногерманских историков-марксистов.

Крайне консервативная концепция фашизма, по существу, основана на донаучных представлениях о развитии общества. В трудах крайних консерваторов фигура Гитлера, как правило, заслоняет фашизм как социальное явление. Специальных исследований о фашизме они не создали. В их общих работах по истории Германии 1933—1945 гг. и второй мировой войны фашизм упоминается лишь вскользь. Они испытывают исключительное влияние доктрины тоталитаризма и других реакционных политико-идеологических теорий современного империализма. С крайне консервативными историками в идеологическом отношении связаны неофашистские публицисты. В последние годы они, как, впрочем, и сами крайние консерваторы, немногочисленны; их представления почти идентичны с фашистской пропагандой. Однако научная критика не должна ослаблять к ним внимания. Как показал опыт истории, при определенных обстоятельствах они могут приобрести немалое влияние.

Умеренным, как и крайним консерваторам, в той или иной мере, свойственны антикоммунизм, антидемократизм, милитаризм, шовинизм, но, как правило, в замаскированных формах. Характерна для них и фальсификация истории, но утонченная. Все это сочетается в их трудах с определенными реалистическими тенденциями, что объясняет и более сильное влияние умеренно-консервативной историографии на общественную жизнь ФРГ.

Всех консервативных историков характеризует игнорирование или преуменьшение роли социально-экономических факторов в истории, стремление ограничить рассмотрение истоков фашизма областью идеологии и психологии. Тем не менее в трудах многих умеренных консерваторов представлены значительные материалы, проливающие свет на связи фашистов с крупнейшими монополиями, вермахтом, социальную и экономическую политику правительства.

Творчеству умеренно-консервативных историков, может быть, в наибольшей степени свойственна противоречивость. Обращение к роли социально-экономических факторов в истории соседствует в их трудах с далеко еще не преодоленными проявлениями культа вождя, наваянными пропагандой военных лет, непонимание различия между массовой базой и классовой сущностью фашизма. Одновременно с либералами умеренные консерваторы обратились к проблеме «германского общества 1933—1945 гг.» в целом. Но они в значительной степени сохранили внимание к старым и новым элитам этого общества. Умеренные консерваторы в основном следуют доктрине тоталитаризма, делая при этом разного рода оговорки. Ограничивают, например, ее применимость к истории СССР лишь периодом 30—40-х гг.

Либеральные историки, группирующиеся главным образом вокруг школы Ф. Фишера и журнала «Geschichte und Gesellschaft», вооружены незаурядным знанием важнейших тенденций германской истории конца XIX — начала XX в. В последние годы они обратились к проблемам преемственности германского империализма от Бисмарка до Гитлера, генезиса, сущности, массовой базы, социальной политики немецкого фашизма и внесли значительный вклад в изучение этих проблем. Большое место в их трудах занимает критика, хотя и не всегда последовательная, консервативных концепций фашизма, в частности доктрины тоталитаризма, воспринятого в свое время историографией ФРГ тезиса фашистской пропаганды о «народной общности» в Гер-

мании 1933—1945 гг. Группа либеральных историков М. Брошат, Х. А. Винклер, Ю. Кокка, В. Моммзен, Х. Моммзен, а также социал-демократический философ Ю. Хабермас в 1986—1987 гг. выступили на страницах ряда западногерманских газет и журналов с резкой критикой одиозных попыток консервативных историков Э. Нольте, Е. Феста, А. Хильгрубера, К. Хильдебрандта найти в Октябрьской революции объяснение прихода власти фашистов, представить Освенцим и другие концлагеря в виде ответа на кровопролитие в годы революции и гражданской войны в России, на «советскую угрозу с Востока». Дискуссия нашла отклик в ФРГ и за ее рубежами. В ходе обсуждения тематика расширилась. Фактически речь шла не только о преступлениях, но и о происхождении и сущности фашизма⁴.

В отличие от консерваторов либеральные историки в меньшей степени скованы классовой ограниченностью. В их мировоззрении сохранились в той или иной мере идеи буржуазных революций. Их методология сформировалась под сильным влиянием прогрессивных представителей германской историографии XIX в. Их труды, как правило, свободны от ненависти к коммунизму. Так, они сравнительно объективно критикуют догматические ошибки КПГ 20—30-х гг., как, впрочем, и просчеты СДПГ в оценке фашизма и способов борьбы с ним. В то же время либералы не приемлют ложных суждений о «предательстве» КПГ, ее «вине» в установлении фашистской диктатуры. Весьма показательны также, что для некоторых либеральных историков важно выяснить, почему демократическим силам в западных оккупационных зонах Германии в первые послевоенные годы не удалось преодолеть известные авторитарные тенденции, что затрудняет развитие и современных прогрессивных движений в ФРГ. Они стремятся выяснить условия формирования стойких антикоммунистических взглядов среди населения страны⁵.

Сказанное не означает, что либеральная концепция фашизма и антифашизма в Германии лишена недостатков. Отмечается сравнительно слабое внимание либералов к проблемам экономической истории Германии и проблемам Сопротивления. Констатируя связь НСДАП с крупнейшими германскими монополиями, либералы не всегда последовательно проводят мысль о капиталистической природе фашизма, преувеличивают роль доиндустриальных факторов в его становлении.

Продолжает успешно развиваться западногерманская буржуазно-демократическая и близкая к ней левосоциалистическая литература. Как и в прошлые десятилетия, она испытывает сильное влияние марксистско-ленинской науки. В трудах, составляющих эту литературу, широко используются документальные и исследовательские публикации СССР и ГДР. Ее представителям свойствен исключительный интерес к проблеме «фашизм и монополии» и в более широком плане — проблеме «монополии и власть в прошлом и настоящем». В этом проявляется одна из характерных черт названной литературы.

Ее представители подвергли последовательной критике доктрину тоталитаризма и другие антинаучные концепции. Они внесли важный вклад в изучение немецкого Сопротивления, в историографию повседневности. По существу, во всех своих работах эти историки вскрывают преступный и аморальный характер фашизма. Их исследования положили начало изучению в ФРГ злодеяний фашизма и оказали влияние на соответствующую литературу других направлений. Не все труды этих исследователей равноценны в профессиональном отношении. Подчас в некоторых из них буржуазия выступает в качестве жертвы фашизма. Отдельные авторы не замечают, что фашисты, опасаясь вероятных социальных взрывов внутри страны, не ограничивались лишь террором и демагогической пропагандой. Они стремились не допустить ухудшения материального обеспечения рабочих. Буржуазно-демократические и левосоциалистические историки в большей мере, чем историки других направлений, подчиняют изучение истории фашизма и антифашистской борьбы задачам современного движения за мир и социальный прогресс⁶. По мнению Кюнля, с исследованием причин и условий, которые привели к фашизму и войне, связан современный «вопрос выживания человечества»⁷.

Научные возможности буржуазной историографии в целом снижает антикоммунизм многих ее представителей. Им не удалось преодолеть полностью и фашистские пропагандистские традиции, хотя они и отмежевались от фашизма. Часто встречаются суждения о фашизме как «революция», НСДАП как рабочей партии и др.⁸ Прослеживаются различные националистические влияния. Остаются сильными различные проявления исторического идеализма. С верными суждениями об определяющем воздействии капитала соседствует утверждение об «экономике как простом инст-

рументе в руках Гитлера», социально-политические мотивы Сопротивления часто заслонены этическими. В соответствии с традиционными для немецкой буржуазной историографии антидемократизмом, противопоставлением единичного общему, индивидуума — массе многие авторы представляют Сопротивление в виде движения экономической и политической элиты. С этим перекликаются попытки ряда социал-демократических историков в соответствии с узкопартийными интересами оправдать социальную роль руководства СДПГ в 1933—1945 гг. Так возник несостоятельный тезис о бесперспективности антифашистской борьбы. Этот тезис отнюдь не способствует укреплению сотрудничества коммунистов и социал-демократов, особенно в борьбе против гонки вооружений. Как известно, в последние годы вследствие эволюции социал-демократии возможности для такого сотрудничества выросли.

Несмотря на известные попытки расширить применение генерализирующего метода, в литературе по-прежнему доминирует фактографизм⁹. По данным французского историка П. Айсберри, лишь научная литература ФРГ о «третьей империи» настолько велика, что «одному ученому не хватит жизни, чтобы ее просмотреть, не говоря уже о том, чтобы ее изучить»¹⁰. Однако громадное большинство этой литературы посвящено частным вопросам¹¹. В ФРГ до сих пор нет обобщающих работ, которые объединили хотя бы уже имеющиеся достижения в освещении фашизма. Нет и единого центра исследования темы, что можно объяснить, в частности, влиянием плюралистической методологии.

В соответствии с разносторонними задачами научной критики советские историки могли бы более активно использовать упоминавшиеся достижения историографии ФРГ для воссоздания полной и объективной картины фашизма и антифашистского Сопротивления¹², например для изучения разной степени ответственности различных монополий за установление в Германии диктатуры, развязывание войны и военные преступления. Эти достижения целесообразно использовать для воссоздания полной картины второй мировой войны, развязанной фашизмом. Как отмечалось на Бюро Отделения истории АН СССР 17 сентября 1987 г., в 12-томной истории второй мировой войны недостаточно представлена характеристика главного военного противника антифашистской коалиции — германского фашизма¹³.

Известно одно из насущных требований времени — ис-

пользовать все разумное в экономической и социальной практике буржуазных государств¹⁴. Научная критика может оказаться полезной и в более широком плане. Буржуазные историки активно используют литературу о фашизме и антифашизме как своеобразную методологическую лабораторию, к этой проблеме обращено внимание больших коллективов и отдельных исследователей, в том числе и не занимающихся ею постоянно. Представляют интерес для историков-марксистов, независимо от их специализации, например, способы вовлечения в научный оборот новых исторических источников и включения в процесс исследования прошлого историков-непрофессионалов, методики актуализации исследований, более полного подчинения их задачам современного и будущего общественного развития. Такое ознакомление может быть плодотворным и для других общественных наук, например юриспруденции, экономической истории зарубежных стран, сравнительной педагогики, учитывая внимание многих буржуазных историков к проблемам преступлений, экономики Германии 1933—1945 гг., методики преподавания истории фашизма и антифашизма¹⁵. Определенные достижения немарксистских ученых в актуализации исторической науки могут быть использованы для глубокой перестройки в общественных науках, для преодоления их отрыва от жизни, повышения реальной отдачи для политики, для общества¹⁶.

Критика западногерманской немарксистской историографии фашизма способствует изучению современной общественной жизни ФРГ, политической культуры ее населения, особенно небывало сильной поляризации политических сил на рубеже 70—80-х гг. Критика призвана поддержать патристические, демократические, антивоенные круги в их борьбе против главного врага мира и социального прогресса — военно-промышленного комплекса. Над планетой нависла новая, еще более опасная, чем во времена фашизма, угроза со стороны современного милитаризма. В таких условиях очень важно показать, что милитаризм, в фашистском и любом ином обличье, является главным врагом всего человечества, а не какой-либо отдельной его части. В этом значительную роль могут сыграть некоторые материалы историографии ФРГ, особенно те из них, которые обличают антигуманный характер фашизма¹⁷.

Целесообразно более широко использовать материалы научной критики для освещения новейшей истории, совре-

менного развития ФРГ советскими средствами массовой информации. Иногда авторы передач по телевидению и радио недостаточно последовательно показывают довольно широкий диапазон представленных в Западной Германии мнений о фашизме и Сопротивлении. Подчас не учитываются существенные особенности национального характера западных немцев, их социальной психологии.

Научный анализ немарксистской историографии ФРГ может содействовать совершенствованию популярной и учебной литературы по новейшей истории, в частности преодолению в ней некоторых упрощенных суждений. В ряде книг трактовки фашизма и антифашизма представлены вне связи друг с другом. Авторы некоторых учебников некорректно представляют фашизм в виде власти всей монополистической буржуазии, а не наиболее агрессивных и реакционных ее элементов. Эти авторы ошибочно полагают, что главной причиной прихода фашистов к власти был раскол рабочего класса¹⁸. Здесь сопутствующее обстоятельство (ситуация в рабочем движении) поставлено на место коренного явления (империализма), обусловившего возникновение фашизма. Антифашистская борьба в Германии в отдельных учебниках, по существу, сведена лишь к деятельности КПГ¹⁹, что не соответствует ни исторической действительности, ни задаче преодоления любых сектантских тенденций в наши дни. Односторонне преподносится подчас и сама буржуазная историография. Так, в вузовском учебнике «История СССР», выпущенном в 1985 г., буржуазная историография сведена лишь к «фальсификации истории». (см. с. 271). Авторы ссылаются на труды 60-х гг., естественно, не отражающие современного состояния этой литературы.

Критический анализ новейшей западногерманской литературы о фашизме и антифашизме незавершен. Следует продолжить изучение этой постоянно развивающейся литературы, что обусловлено не только идеологическими, но и научными соображениями. В СССР и ГДР остаются недостаточно изученными экономическая и социальная политика, механизм господства, обыденная жизнь населения, структура и эволюция рабочих, крестьян, буржуазии, интеллигенции, различных социальных групп (женщин, молодежи, пенсионеров, представителей национальных меньшинств), специфика их политических позиций, а также искусство, культура, наука и техника, образование в фашистской Германии²⁰. Не воссоздана история немецких церквей обеих

конфессий 1933—1945 гг., их взаимодействие с фашистской партией. Более полно должны быть исследованы важные аспекты внешней политики фашистской Германии, в их числе советско-германские отношения во второй половине 30-х гг., попытки фашистской дипломатии заключить отдельные договоры как с западными державами, так и с СССР. Недостаточно изучены немецкая эмиграция вообще и борьба немецких антифашистов за пределами Германии в частности, а также особенности антифашистской борьбы в Германии. Последняя задача, естественно, связана с всесторонним исследованием истории антифашистских движений в других странах²¹. Остается неизученной национальная специфика освещения истории фашизма и антифашистского Сопротивления в различных странах Запада.

Важны также специальные исследования о социальном предназначении немарксистской историографии, широко используемой различными общественными силами не только в пропагандистских, но и в других целях. Эта проблема носит междисциплинарный характер. Предстоит изучить, помимо самой литературы о фашизме и Сопротивлении, круг иных источников. В их числе — современная пресса, телевидение, кино, радио, документы парламентов и политических партий, общественных организаций, учебная литература высшей и средней школ, данные опросов общественного мнения, исследовательская литература по социологии и политологии, экономической, юридической и другим наукам, художественная литература.

Изучение немарксистской историографии немислимо вне связи с новейшей критикой сталинизма, в особенности суждений Сталина о фашизме и антифашизме. Это тем более необходимо, что они роковым образом сказались на внешнеполитической деятельности «вождя» и его окружения. Их влияние не преодолено еще и в современной литературе. Возникновение и сущность фашизма в трудах Сталина занимают в целом неоправданно малое место. На протяжении почти тридцати лет его взгляды (по крайней мере, опубликованные) не претерпели существенных изменений. В его трудах мы не нашли общей оценки фашизма, которая выдержала бы научную критику. Но он неоднократно обращался к тем или иным чертам этого явления. Таково определение фашизма как «боевой организации буржуазии» (1924 г.), упоминание «фашизации в области внутренней политики» в докладе на XVI съезде ВКП (б) (1930 г.).

Сравнительно большее внимание уделено фашизму в докладе на XVII съезде партии. Сталин утверждал, что курс германских фашистов «напоминает в основном политику бывшего германского кайзера»; квалифицировал «фашизм германского типа» как «наиболее модный товар среди воинствующих буржуазных политиков», как «буржуазно-националистическое течение», как признак «слабости буржуазии», «банкротства буржуазной демократии» и «назревания революционного кризиса»²². Все эти тезисы или спорны, или заведомо ложны. Ни один из них не приблизил науку к познанию сущности наиболее опасной формы империализма. Непонимание этого нанесло огромный вред теории и практике коммунистов. Не меняет такого вывода и фраза, мимоходом высказанная Сталиным в беседе с известным английским писателем Г. Уэллсом (1934 г.): «Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия»²³. Эту фразу можно отнести к любой «реакционной силе», начиная с древних времен.

Сталин исходил из ложного предположения об автоматическом крахе фашизма. В докладе на XVII съезде ВКП б) говорил о его «недолговечности». Явно недооценивая его опасность для СССР, сводя вероятную агрессию к неким «наскокам», «вождь» представлял дело так, что развязанный фашистами конфликт «будет самой опасной для буржуазии войной». Под «гром аплодисментов» Сталин заявил: «И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно здравствующих милостью божией»²⁴. Так было положено начало обоснованию вредного представления о легкой победе.

Неспособность Сталина понять качественно новую форму империализма проявлялась различным образом. В 1927 г. он ставил в один ряд частичную стабилизацию капитализма, рационализацию производства и передачу власти фашизму²⁵. В 1930 г. он расценивал фашизм как орудие всей буржуазии, а не наиболее реакционных ее кругов, ограничивал его лишь сферой внутренней политики²⁶. В 1934 г. он явно идеализировал сотрудничество нашей страны с фашистскими режимами: «...дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии, не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной». В установлении диктатуры НСДАП Сталин видел лишь «некоторые изменения в политике Германии, отражающие рост

реваншистских и империалистических настроений...»²⁷. При чтении этих высказываний на память невольно приходят события 1939—1941 гг.: заключение двух пактов с Германией, слепое доверие Гитлеру накануне агрессии 22 июня.

Сталин с очень большим опозданием поймет глобальный характер завоевательной программы фашизма. Лишь вскользь упоминал он об этом в 1943 г.²⁸ Даже после нападения на СССР, когда фашизм достаточно полно проявил себя, «вождь» продолжал игнорировать выработанную Коминтерном научную оценку фашизма. В ноябре 1941 г. он утверждал, что «по сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме»²⁹. 1 мая 1942 г. он подчеркивал: «На самом деле немецкие фашисты являются реакционерами-крепостниками». Сильные слова о фашистах («людоеды», «изверги», «черносотенцы», «наиболее хищнические и разбойничьи империалисты среди всех империалистов мира», «цепные псы банкиров и плутократов»³⁰ и др.), сказанные Сталиным в военные годы, отнюдь не приблизили к пониманию фашизма. Он принял ложный тезис о двух периодах в развитии германского фашизма — освободительного (собрание немецких земель) и захватнического. В действительности с самого начала фашизм носил сугубо империалистический характер, хотя это и прикрывалось патриотическими лозунгами.

В выступлениях 1941—1942 гг. Сталин ошибочно трактовал цели фашизма в Восточной Европе как восстановление власти помещиков и капиталистов³¹. Захватчики стремились уничтожить и предотвратить возрождение в этом регионе любой государственности, кроме немецкой, уничтожить часть населения, враждебную в расовом и политическом отношениях, остальное население заставить работать на оккупантов. За полгода же до начала второй мировой войны Сталин вообще ограничивал цели фашизма лишь возвращением колоний, потерянных Германией в первой мировой войне³². В более широком смысле непонимание «вождем» фашизма выразилось в ложной оценке капиталистического общества, догматического толкования его экономической и идейно-политической неоднородности. Это проявилось и в последнем его публичном выступлении — заключительной речи на XIX партийном съезде (1952 г.).

Грубо ошибочно отождествлял Сталин с фашизмом по существу враждебные ему социал-демократизм и пацифизм.

Эта ложная оценка фактически воспрепятствовала объединению на антифашистской основе всех прогрессивных сил. Впервые такая оценка была выдвинута Г. Е. Зиновьевым, возложившим на социал-демократию ответственность за поражение Гамбургского восстания 1923 г. В статье «К международному положению» (1924 г.) Сталин пришел к нелепым выводам: «Фашизм есть неоформленный политический блок ... боевой организации буржуазии и социал-демократии»; фашизм и социал-демократия — «не антиподы, а близнецы». Отвергая тезис о наступлении полосы буржуазно-демократического пацифизма, он полагал, что пацифизм «есть утверждение фашизма с выдвиганием на первый план его умеренного социал-демократического крыла». Отвергая какие-либо антимилитаристские возможности пацифизма, он видел в нем лишь «маску империализма»³³.

Во многих последующих выступлениях многократно повторяется фальшивая мысль о социал-демократии как «агентуре капитала в рабочем классе», «социал-фашистах», «изменах социал-демократии рабочему классу, расчистивших дорогу фашизму». Исторические решения Коминтерна о едином антифашистском фронте были приняты вопреки желаниям «вождя». Он ни разу не выступил в поддержку единства. Непосредственно перед войной, когда это единство стало проблемой номер один, в докладе на XVIII съезде партии Сталин клеймил позором «реформистских прихвостней» буржуазии³⁴. Так же последовательно бичевал он и пацифистские, гуманистические движения, которым, как покажет последующее развитие, принадлежало будущее: «...Так называемый пацифизм доживает последние дни, Лига наций гниет заживо», — утверждал он в 1930 г.³⁵ На XVII съезде партии он заявлял, что пацифизм «влачит жалкое существование», «дышит на ладан». На XVIII съезде «вождь» объявит пацифизм «похороненным в гроб»³⁶.

Мы далеки от того, чтобы судить Сталина и его окружение с высоты 1990 г. Мысль об объединении всех прогрессивных сил была выдвинута и обоснована еще Лениным. Лучшие представители партии поддерживали эту мысль и после его смерти. Г. В. Чичерин в письмах Сталину в 1929 г. критиковал его схематические представления о ситуации в Германии, называя нелепым вздором «крики о социал-фашизме»³⁷. Идея единства нашла живой отклик в рядах западных интеллектуалов. Г. Уэллс в упоминавшейся беседе со Сталиным призывал его объединить все антифашистские

силы, в том числе всех социалистов и коммунистов, подчеркивал, что «...нельзя просто действовать методами старого, не гибкого инсurreкционного (повстанческого. — Л. М.) социализма». Он говорил о многочисленных представителях технической интеллигенции Запада, «понимающих, в каком состоянии находится мир, превращающийся в кровавое болото». Подходить к ним «с прямолинейной пропагандой классовой борьбы — бесцельно», полагал Уэллс, поскольку они считают «примитивный антагонизм классовой борьбы нонсенсом». И далее: это «может изолировать от социализма как раз те образованные круги, которые нужны для социализма». Весьма современно звучат слова писателя: «Не выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремиться сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы, в максимально возможной степени»³⁸.

Сталинизму в целом свойственны игнорирование общечеловеческого, национальная замкнутость, пренебрежение гуманистическими ценностями, вульгаризация классового подхода, неспособность к научному осмыслению постоянно меняющегося мира. Мышление адептов сталинизма, многое воспринявшего из досоциалистических и даже добуржуазных формаций, сковано консервативными стереотипами. Этим, в частности, объясняется крайняя ограниченность сталинской концепции фашизма и антифашизма.

К числу неизученных проблем нужно отнести и широко распространенную на Западе доктрину тоталитаризма, авторы которой отождествляют фашизм и коммунизм, а также ее влияние на общественную мысль в современном мире. Как мы уже отмечали, несостоятельность доктрины заключается в том, что ее сторонники принимают за коммунизм сталинизм и его последствия в СССР и других социалистических странах. В последние годы термин «тоталитаризм» широко распространился в советской обществоведческой и публицистической литературе. Его применяют как синоним сталинизма и фашизма, а также при обозначении отдельных его черт (культ «вождя», не ограниченная законом власть, бюрократический централизм, жестокость, верноподданничество и др.). Часто этим словом обозначают авторитаризм, некоторые авторы называют «тоталитаризмом» крайний авторитаризм³⁹. Никто из них не взял на себя труд объяснить целесообразность произвольного заимствования этого иностранного слова, имеющего почти во всей зарубежной

литературе совершенно определенное значение и ставшего у нас модным. Схема «фашизм-гитлеризм-сталинизм-социализм» порочна хотя бы потому, что сталинизм никогда не был тождествен социализму.

Новейшая критика сталинизма на самом деле дает много материала в пользу тезиса о сходстве «вождизма» в СССР 30-х — начала 50-х гг. и Германии 1933—1945 гг., однако не в пользу доктрины тоталитаризма. Важно иметь в виду, что и многие ведущие немарксистские исследователи применяют названную доктрину лишь к периоду истории СССР, связанному со Сталиным. Некоторые из них подчеркивают непригодность доктрины при осмыслении советского общества в целом. Многие общие черты сталинизма и гитлеризма представляются неоспоримыми (преступный характер режимов, принудительный труд и политический террор, крайняя милитаризация и идеологизация всех сторон общественной жизни, циничная демагогия, психология «осажденной крепости» и «чрезвычайного положения», закрытый характер обществ и др.), Но эти черты не исключают и весьма существенных различий. Культ Гитлера, например, не получил такого широкого распространения и не пустил таких глубоких корней, как культ Сталина. Гитлер не обладал такой исключительной властью, как Сталин. Первый из них был вынужден считаться с интересами монополий, военной касты, хотя и в меньшей степени — с интересами штатского чиновничества. Гитлеровские репрессии были направлены главным образом против населения зарубежных стран, лиц ненемецкой национальности. Жертвами же сталинизма пали десятки миллионов советских граждан независимо от социальной, национальной и партийной принадлежности, прогрессивные люди других стран, оказавшиеся на территории СССР. Созданный Сталиным режим истребил больше коммунистов, чем их уничтожили Гитлер, Муссолини, Франко и Салазар, вместе взятые⁴⁰.

Прослеживаются и более глубокие различия. Гитлеризм был порождением буржуазного общества и в конечном счете, несмотря на поражение 1945 г., способствовал укреплению в Германии (ФРГ) государственно-монополистического капитала. Сталинизм же чужд социализму. Возникший в начале переходного периода, он лишь паразитировал на социалистическом строительстве и нанес ему гигантский ущерб. Военный разгром Германии повлек за собой и фак-

тический крах гитлеризма. Крупная буржуазия сменила форму своего господства. Гитлеровские эпигоны имеют лишь ограниченное влияние. С другой стороны, всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, как это ни парадоксально, означала одновременно и усиление позиций сталинизма в стране (да и за ее пределами). Эта победа на многие десятилетия обеспечила господство авторитарической системы.

Однако все эти соображения высказаны лишь в первом приближении к проблеме. Сравнительный анализ сталинизма и фашизма остается одной из важных задач.

Дальнейшее изучение немарксистской литературы о фашизме и антифашистском Сопротивлении весьма актуально. Оно полностью отвечает известному программному требованию о всестороннем осмыслении процессов, происходящих в современном мире. Анализ антикоммунистических и других искажений истории, обмен конкретными достижениями, поиск возможного взаимопонимания с учеными различных направлений способствуют не только развитию научного знания, но и распространению нового политического мышления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ*

Введение

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 126.

² Там же. С. 100.

³ См., напр.: Blätter für deutsche und internationale Politik (BdiP). 1985. Н. 3. С. 316.

⁴ Neue politische Literatur (NpL), 1983. Н. 1. С. 82.

⁵ Hürten H. Zwischenkriegszeit und Zweiter Weltkrige. Stuttgart, 1982. S. 96.

⁶ Несколько тысяч работ нашли отражение в библиографических изданиях (Bracher K. D., Jacobsen H.-A. Bibliographie zur Politik in Theorie und Praxis. Düsseldorf, 1982; Hüttenberger P. Bibliographie zum Nationalzialismus. Göttingen, 1980; Bibliographie des deutschen Widerstandes. Pullach, 1984, Bde 1—3; Cartarius U. Bibliographie «Widerstand». München, 1984; Bibliographie zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bonn, 1984; The Third Reich 1933—1939. Oxford, 1982; The Third Reich at War. Oxford, 1984; Jahresberichte für deutsche Geschichte. В., 1986. N 6719—7654.

⁷ Universitas. 1983. Н. 2. С. 167.

⁸ См.: Правда. 1985. 25 нояб.; Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (ZfG). 1985. Н. 4. С. 319—322.

⁹ Вopr. истории. 1986. № 12. С. 113.

¹⁰ См.: Коммунист. 1983. № 11; Мис Г. Поворот вправо? М., 1983. С. 70—71; Ежегодник германской истории 1985. М., 1986. С. 190—207; Федоров В. П. ФРГ: 80-е годы. М., 1986; 1988; Худавердян В. Ц. Современные альтернативные движения. М., 1986; Международная жизнь. 1987. № 2. С. 100—109.

¹¹ Правда. 1985. 30 июня; 31 марта; Моск. новости. 1987. 5 апр., 12 июля.

¹² См.: Правда. 1987. 29 янв.; Моск. новости. 1987. 5 апр. С. 6.

¹³ См.: Коммунист. 1986. № 6. С. 105—110; 1987. № 4. С. 47; Правда. 1988. 26 марта; Моск. новости. 1987. 19 июля. С. 6; Лит. газ. 1987. 18 февр.

¹⁴ См.: Сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 96.

¹⁵ См.: Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора. Берлин 28—29 мая 1987 года. М., 1987. С. 47; Cf: Rechtsextremismus in der Bundesrepublik. Frankfurt a/M., 1985.

¹⁶ Правда. 1985. 15 нояб.

* Принятые сокращения и обозначения: В — Берлин, Р — Париж, Н. У. — Нью-Йорк, Л — Лондон, cf — сопоставь.

¹⁷ См.: Einheit, 1984. Н. 4. С. 362—363; BdiP. Н. 3. С. 326; cf: Hannover H., Wallraff G. Die unheimliche Republik. Hamburg, 1984.

¹⁸ См., напр.: Der Weg ins Dritte Reich. München, 1983. С. 214; cf: Generale gegen Nachrüstung. Hamburg, 1983; Hauptsache Frieden. Frankfurt a/M., 1985; Vogel H.-M. Strategien des Pazifismus. Köln, 1985.

¹⁹ Peukert D. Die KPD im Widerstand. Wuppertal, 1980. С. 429

²⁰ См.: Einheit. 1984. Н. 1, 8; ZfG. 1984. Н. 12; 1986. Н. 2. Тема борьбы за мир в прошлом и настоящем, ответственности истории в ядерный век за сохранение мира на земле стала предметом обсуждения на XVI международном конгрессе историков в Штуттгарте (Вопр. истории. 1986. № 1. С. 6; Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 12).

²¹ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 168; Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. М., 1988. С. 26.

²² См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 172.

²³ Там же. С. 132.

²⁴ Там же. С. 181.

²⁵ Там же. С. 178.

²⁶ Там же. С. 133; см. также: Капитализм на исходе столетия. М., 1987. С. 8, 34, 97, 103, 290—293, 299—300; Коммунист. 1987. № 8. С. 122—123.

²⁷ См., напр.: Гордон Л. А., Клопов Э. В. Как это было? М., 1989.

²⁸ См.: напр.: Штайнгаус К. Возрождение великой державы? М., 1981; Антрушин Ю. Н., Григорьев Л. Н. Профсоюзы и классовая борьба в ФРГ. М., 1982; Федеративная Республика Германии. М., 1983; Сокольский С. Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983; Шютт П. Мавр сделал свое дело... М., 1985; Кремер И. С. ФРГ: этапы «восточной политики». М., 1986; Новик Ф. И. СССР — ФРГ. М., 1987; ФРГ — глазами западногерманских социологов. М., 1989.

²⁹ См.: Критика современных буржуазных исторических концепций. Ярославль, 1977; Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980; см. также: Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. М., 1985, Т. 2. С. 175—178.

³⁰ См.: Мировая экономика и международные отношения. 1980. № 11; Новая и новейшая история. 1982. № 1.

³¹ См.: Aus Politik und Zeitgeschichte (APZ). 1979. В. 22; Stimmen der Zeit, 1983. N 5. S. 3.

³² См., напр.: Wippermann W. Europäischer Faschismus im Vergleich 1922—1945. Frankfurt a/M., 1983. С. 19.

³³ См.: Аникеев А. А. Германский фашизм и крестьянство (1933—1945 гг.). Ростов н/Д., 1979; Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985; Бродский Е. А. Они не пропали без вести. М., 1987; Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967; Он же. Социология неофашизма. М., 1971; Германская история. М., 1970. Т. 1—2; Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939—1945. М., 1987; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1—2; Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986; Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989; Рахшмир П. Ю. Происхождение фашизма. М., 1981; Семиряга М. И. Немецко-фашистская политика национального по-

рабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы. М., 1980.

³⁴ См., напр.: Ohlendorf K. Die Unterstützung reaktionärer Kräfte und der NSDAP und ihrer Organisationen durch die monopolistische Vereinigung in der Kaliindustrie. Manuskript, о. J. u. O.; Deutsche Aussenpolitik. 1983. H. 1. S. 20—34; Studien zur Geschichte des Faschismus und des antifaschistischen Widerstandes. В., 1983.

³⁵ Deutschland im zweiten Weltkrieg. В., 1974—1985. Bde 1—6.

³⁶ Эссенский (1968 г.) и Дюссельдорфский (1971 г.) съезды Германской коммунистической партии. М., 1973; Гамбургский съезд Германской коммунистической партии (1973 г.). М., 1975; Боннский съезд Германской коммунистической партии (1976 г.). М., 1977; Мангеймский съезд Германской коммунистической партии. 1978. М., 1979; VI съезд Германской коммунистической партии. 1981. М., 1982; VII съезд Германской коммунистической партии. 1984. М., 1985; Правда. 1986. 3, 4 мая.

³⁷ См., напр.: Рейман М. Решения. М., 1975; Бахман К. Кем был Гитлер в действительности. М., 1981; Bachmann K. 1933. Frankfurt a/M., 1982; Мис Г. Избр. статьи и речи. М., 1981; Шарф Э. Избр. статьи и речи. М., 1987.

³⁸ См.: Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 158—170; Галактионов Ю. В., Корнева Л. Н., Черкасов Н. С. Марксистская историография германского фашизма. Кемерово, 1988.

³⁹ 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984. S. 378.

⁴⁰ Ibid. S. 379—380.

⁴¹ См.: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ). 1984. H. 3. S. 335.

⁴² См.: напр., статьи А. Л. Нарочницкого, А. М. Самсонова//Новая и новейшая история. 1970. № 6; 1974. № 2; Вопр. истории. 1974. № 6; Вопр. истории КПСС. 1985. № 5; ср.: Бланк А. С. Неонацизм — реваншизм. М., 1985. С. 182—183.

⁴³ См.: ZfG. 1985. H. 2. S. 168.

⁴⁴ См.: Патрушев А. И. Неолиберальная историография ФРГ. М., 1981.

⁴⁵ См., напр.: Klein A. Köln im Dritten Reich. Köln, 1983; Das Erzbistum München und Freising in der Zeit der nationalsozialistischen Herrschaft. München, 1984; Fritsch R. Nürnberg im Krieg. Düsseldorf, 1984; Provinz unterm Hakenkreuz. Bielefeld, 1984; Münkler H. Machtzerfall. (W-) Berlin, 1985. Особое место занимают работы по истории Пруссии (см., напр.; Moderne preussische Geschichte. 1648—1947. (W-) Berlin, 1981. Bde 1—3; Heinrich G. Geschichte Preussens: Staat und Dynastie. Frankfurt a/M., 1984; Höner S. Der nationalsozialistischer Zugriff auf Preussen. Bochum, 1984; Archiv für Sozialgeschichte (AfS). 1985. S. 467—508.

⁴⁶ См. напр.: Volkman H.-E. Wirtschaft im Dritten Reich. München, 1980—1984. Bde 1, 2; Geyer M. Deutsche Rüstungspolitik 1860—1980. Frankfurt a/M., 1984; cf: Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft. В., 1985.

⁴⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1979. Bd. 1. S. 313—331, 608, 712, 19, 154, 701.

⁴⁸ См. напр.: Kühn H. Widerstand und Emigration. Hamburg, 1980. S. 292.

⁴⁹ Подробнее см. нашу ст.: Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988, а также: Teichert E. Autarkie und Grossraumwirtschaft in

- Deutschland. München, 1984; Wellem s H. Von Versailles bis Potsdam. Frankfurt a/M., 1985.
- ⁵⁰ См., напр.: Anatomie des SS Staates. München, 1982. Bde 1, 2; Jäger H. Verbrechen unter totalitärer Herrschaft. Frankfurt a/M., 1982; Ruckerl A. NS- Verbrechen vor Gericht. Heidelberg, 1982; Kem pner R. M. K. Ankläger einer Epoche. Frankfurt a/M., 1983; Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU). 1984. H. 2. S. 86—91; Gewerkschaftliche Monatshefte (GM). 1984. H. 2. S. 65—85; Aly G. et al. Aussonderung und Tod. (W-) Berlin, 1985; Beiträge zur nationalsozialistischer Gesundheits- und Sozialpolitik. (W-) Berlin, 1981, Bd. 1; Dokumente zur «Euthanasie». Frankfurt a/M., 1985; Die vergessenen KZ-s? Borthheim-Merten, 1983; Verfolgung, Ausbeutung, Vernichtung. Hannover, 1985.
- ⁵¹ Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1985. Bd. 11. S. 202; см. также: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983, Bd. 4. S. 1084.
- ⁵² См.: Jahn H. E. Die deutsche Frage von 1945 bis heute. Mainz, 1985. S. 18—19; cf: Lenz S. Ein Kriegsende. Hamburg, 1984; Letzte Tage in Ostpreussen. (W-) Berlin, 1985; Die Vertriebenen. Reinbek, 1985.
- ⁵³ См. напр.: Kirche, Katholiken und Nationalsozialismus. Mainz, 1980; Evangelische Kirche und Drittes Reich. Göttingen, 1983; Mayer-Zollitsch A. Nationalsozialismus und evangelische Kirche in Bremen. Bremen, 1985; cf: Meier K. Die evangelische Kirche im Kampf. Halle, 1984. Bd. 3; Ковальский Н. А. Империализм. Религия. Церковь. М., 1986.
- ⁵⁴ См., напр.: NZ-Recht in historischer Perspektive. München, 1981; Blasius D. Geschichte der politischen Kriminalität in Deutschland 1800—1980. Frankfurt a/M., 1983; Recht, Justiz und Faschismus nach 1933 und heute. Köln, 1984; Hirsch M. et al. Recht, Verwaltung und Justiz im Nationalsozialismus. Köln, 1985.
- ⁵⁵ См., напр.: Heinemann M. et al. Erziehung und Schulung im Dritten Reich. Stuttgart, 1980. Bde 1, 2; Intellektuelle im Bann des Nationalsozialismus. Hamburg, 1980; Karbordt S. Wissenschaft und Nationalsozialismus. (W-)Berlin, 1983; Heil Hitler, Herr Lehrer. Reinbek, 1983; Geuter U. Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus. Frankfurt a/M., 1984; Hochhuth M. Schulzeit auf dem Land 1933—1945. Kassel, 1985; Scholtz H. Erziehung und Unterricht unterm Hakenkreuz. Göttingen, 1985; Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt a/M., 1985; Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt a/M., 1986.
- ⁵⁶ См., напр.: Literatur und Germanistik nach der «Machtübernahme». Bonn, 1983; Tendenzen der deutschen Literatur zwischen 1918 und 1945. Stuttgart. 1985. S. 48—72, 73—100; Встреча на Эбро. М., 1989.
- ⁵⁷ См.: Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография. 1986. № 8. С. 59; 1945. Hamburg, 1985; 1945. Hannover, 1985; Schnabel T., Ueberschär G. R. Endlich Frieden. Freiburg, 1985.
- ⁵⁸ Ее отмечают и некоторые буржуазные исследователи (Strukturelemente des Nationalsozialismus. Köln, 1981. S. 7).
- ⁵⁹ Nation Europa (NE). 1984. H. 2; Der Freiwillige. 1985. H. 3.
- ⁶⁰ Это подчеркивают и сами западногерманские историки (Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Bonn, 1983. S. 9; Afs. 1984. S. 669).
- ⁶¹ См.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980. С. 3—21. Проблемы методологии заняли значительное место на XVI Международном конгрессе историков//Вопр. истории. 1986. № 1. С. 13—19.

¹ О деятельности института в 50-е гг. см.: ZfG. 1959. Н. 2. S. 346—367.

² VfZ. 1986. Н. 1. S. 117—145.

³ Groszat M. Der Staat Hitlers. München, 1971, 1984; I d e m. Die Machtergreifung. München, 1984.

⁴ См.: Anatomie des SS-Staates. München, 1982. Bd. 2.

⁵ Das Dritte Reich. Freiburg, 1983; Das Dritte Reich. München, 1983; Das Dritte Reich. Göttingen, 1976, 1982; cf: NS-Recht in historischer Perspektive. München, 1981.

⁶ Anatomie des SS-Staates. München, 1982. Bde 1—2; Spiegelbild einer Verschwörung. Stuttgart, 1985. Bde 1—2; Der Nationalsozialismus. Frankfurt a/M., 1982.

⁷ См., напр.: VfZ. 1982. Н. 1. S. 82—97; 1986. Н. 3. S. 407—427; 1982. Н. 3. S. 369—418; 1984. Н. 2. S. 213—240.

⁸ VfZ. 1985. Н. 4. S. 582—625; 1986. Н. 3. S. 293—309, cf: Historische Zeitschrift (HZ). 1985. Bd. 241. Н. 1. S. 81—104; Н. 2. S. 207—245; 1980. Н. 3. S. 293—310.

⁹ См.: VfZ. 1982. Н. 1. S. 162—165; Alltagsgeschichte der NS-Zeit. München, 1984.

¹⁰ Deutschlands Weg in die Diktatur. (W-)Berlin, 1983.

¹¹ Salewski M. et al. Wehrmacht und Nationalsozialismus 1933—1939. München, 1978; Der militärische Widerstand gegen Hitler und NS-Regime 1933/1945. Herford, 1984; Militärgeschichte in Deutschland und Österreich vom 18. Jahrhundert bis in die Gegenwart. Herford, 1985; cf: Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984.

¹² Jacobsen H.-A. Von der Strategie der Gewalt zur Politik der Friedenssicherung. Düsseldorf, 1977; Das Diplomatische Korps 1871—1945. Boppard a/R., 1985. S. 171—199.

¹³ Bracher K. D. Die deutsche Diktatur. Köln, 1969, 1983; I d e m. Europa in der Krise. Frankfurt a/M., 1979; Die deutsche Frage und europäisches Gleichgewicht. Köln, 1985. S. 133—147; Entwicklungslinien der Politikwissenschaft in der Bundesrepublik. Melle, 1982.

¹⁴ Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933—1940. München, 1980.

¹⁵ Das Dritte Reich. München, 1985. Bd. 1. S. 191, 196, 292—293, 295, 297, 302—303, 306, 308, 311; Bd. 2. S. 347—348, 352—353, S. 150, 213—215, 69.

¹⁶ Daschitschew W. Abbau von Feinbildern. Olten und Freiburg im Breisgau, 1986; Das Parlament, 1985. 11. Mai.

¹⁷ Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Düsseldorf, 1983.

¹⁸ Machtzerfall und Machtergreifung. München, 1983.

¹⁹ Nationalsozialistische Herrschaft. Bonn, 1983; cf: Auf dem Weg ins Dritte Reich. Bonn, 1982; Die Frage nach der deutschen Identität. Bonn, 1985; Marienfeld W. Das Deutschlandproblem in seiner geschichtlichen Entwicklung. Bursdorf, 1985; Die deutsche Frage. Hannover, 1985; Widerstand und Exil 1933—1945. Frankfurt a/M., 1986.

²⁰ Der Nationalsozialismus als didaktisches Problem. Bonn, 1980; Politik im Schulbuch. Bonn, 1985.

²¹ См.: APZ. 1986. Н. 10. S. 16—25; Bildung und Wissenschaft. 1986. N. 67. S. 15—19.

²² О деятельности общества см.: ZfG. 1980. Н. 3. S. 223—234.

- ²³ Das deutsche Offizierskorps 1860—1960. Boppard a/R., 1980; Das Diplomatische Korps 1871—1945. Boppard a/R., 1985.
- ²⁴ Von der Konkurrenz zur Rivalität. Stuttgart, 1986; Gillingham J. Industry and Politics in the Third Reich. Stuttgart, 1986.
- ²⁵ Geyer D. Klio in Moskau und sowjetische Geschichte. Heidelberg, 1985; VfZ. 1986. H. 2. S. 147—161; cf: Die Große Krise der dreißiger Jahre. Göttingen, 1985. S. 157—178.
- ²⁶ Weimar: Selbstpreisgabe einer Demokratie. Düsseldorf, 1984 cf: Organisiertes gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808—1947). München, 1984.
- ²⁷ См.: Fritz Thyssen Stiftung. Jahresbericht 1983/1984. Köln, 1984. S. 81.
- ²⁸ Geschichte und Gesellschaft (GG). 1986. H. 2. S. 241—243.
- ²⁹ GG. 1986. H. 3. S. 290—294. Это подтверждают и другие источники. См.: Кн. обозрение. 1987. № 27.
- ³⁰ Nolte E. Faschismus in seiner Epoche. München, 1979. S. VII.
- ³¹ GG. 1986. H. 3. S. 287, 290, 292, 295.
- ³² См., напр.: Antisemitismus. Frankfurt a/M., 1984; Gamm H.-J. Führung und Verführung. Frankfurt a/M., 1984; Ostendorf M., Venen H. Das «Nürnberger Juristenurteil». Frankfurt a/M., 1984; cf: Willson M. Das Institut für Sozialforschung und seine Faschismusforschung. Frankfurt a/M., 1982; Antifaschismus. Frankfurt a/M., 1985; Albrecht R. et al. Widerstand und Exil 1933—1945. Frankfurt a/M., 1986; Staatliche Forschung in Deutschland, 1870—1980. Frankfurt a/M., 1986.
- ³³ См., напр.: «Das Schicksal Deutschland liegt in der Hand seiner Frauen». Düsseldorf, 1984.
- ³⁴ См., напр.: Die Nationalsozialisten. Stuttgart, 1980.
- ³⁵ См., напр.: Der Nationalsozialismus an der Macht. Göttingen, 1984; Nationalsozialismus in der historisch-politischen Bildung. Göttingen, 1979; Neebe R. Großindustrie, Staat und NSDAP 1930—1933. Göttingen, 1981; Ambrosius G. Der Staat als Unternehmer. Göttingen, 1984.
- ³⁶ Der Zweite Weltkrieg. München, 1983; Deutschland. Gütersloh, 1985. Bd. 1.
- ³⁷ Подробнее о деятельности издательства см.: Новая и новейшая история. Саратов, 1979. С. 51—59.
- ³⁸ См.: напр.: Suhling L. Der unbekannte Widerstand. Frankfurt a/M., 1980; Dinslaken in der NS-Zeit. Kleve, 1983; Der Regierungsbezirk Kassel 1934—1936 im Spiegel der amtlichen Berichterstattung. Darmstadt, 1984/1985.
- ³⁹ Generäle für den Frieden. Köln, 1981; Kade G. Die Russen und wir. Köln, 1983; Dietzfelbinger E. Die westdeutsche Friedensbewegung 1948 bis 1955. Köln, 1984.
- ⁴⁰ См., напр.: Hörster-Phillips U. Im Schatten des Grossen Geldes. Köln, 1985.
- ⁴¹ См., напр.: Von 50 Jahren: Machtergreifung des Faschismus in Deutschland. Köln, 1983.
- ⁴² См., напр.: Hellfeld M. Edelweisspiraten in Köln, 1981.
- ⁴³ Saggau W. Faschismustheorien und antifaschistische Strategien der SPD. Köln, 1981.
- ⁴⁴ Heimatgeschichtlicher Wegweiser zu Stätten des Widerstandes und der Verfolgung 1933—1945. Köln, 1984—1985. Bde 1—2.
- ⁴⁵ См., напр.: BdiP. 1986. H. 4. S. 425—435; cf: 1986. H. 4. S. 436—447.

⁴⁶ См., напр.: BdiP. 1985. Н. 11. S. 1387—1391; 1986. Н. 3. S. 372—381.

⁴⁷ Deutschland 1933. (W-)Berlin, 1984.

⁴⁸ Widerstand gegen Nationalsozialismus. München, 1985. Брошат назвал эту книгу «лучшим исследованием немецкого Сопrotивления» (VfZ. 1986. Н. 3. S. 293).

⁴⁹ См.: Sachse C. et al. Angst, Belohnung, Zucht und Ordnung. Opladen, 1982. О деятельности института см.: Willson M., Op. cit.

⁵⁰ GG. 1986. Н. 1. S. 134.

⁵¹ См. напр.: Exil in Großbritannien. Stuttgart, 1983; Der «Führerstaat». Stuttgart, 1983; cf: Hauner M. India in axis strategie. Stuttgart, 1981.

⁵² См., напр., материалы конференции (1983 г.) о международных отношениях в Европе 30-х гг.: The fascist challenge and the policy of appeasement. L., 1983.

⁵³ Подробнее см.: GG. 1986. Н. 3. S. 420—422.

⁵⁴ Der italienische Faschismus. München, 1983.

⁵⁵ См.: Francia. Sigmarinen, 1985. S. 934.

⁵⁶ См., напр.: Geschichtliche Grundbegriffe. Stuttgart, 1982; Geschichtsdarstellung. Göttingen, 1982; AfS. 1983. S. 652—661; Otto Nitzsche und die moderne Geschichtswissenschaft. (W-)Berlin, 1983; APZ. 1984. B. 38. S. 25—37; HZ. 1984. Bd. 239. Н. 1. S. 11—23; Bd. 238. Н. 1. S. 17—57; VfZ. 1985. Н. 3. S. 387—405.

⁵⁷ См., напр., Meran J. Theorien in der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1985; GWU. 1986. Н. 2. S. 81—88; Geschichte als politische Wissenschaft. Stuttgart, 1979; Ruloff D. Geschichtsforschung und Sozialwissenschaft. München, 1984.

⁵⁸ См., напр.: Sozialwissenschaftliche Kritik am Begriff und an der Erscheinungsweise des Faschismus. Würzburg, 1979; GWU. 1983. Н. 1. S. 1—29; Reppen K. Katholizismus und Nationalsozialismus. Köln, 1983; Arbeiterbewegung — Faschismus — Nationalbewußtsein. Wien. 1983.

⁵⁹ Критику ранней методологической работы Якобсена см.: Самсонов А. М. Объективность или тенденциозность?//Военно-ист. журн. 1965. № 9.

⁶⁰ Jacobsen H.-A. Der Weg zur Teilung der Welt. Koblenz, 1978. S. 9, 10.

⁶¹ Этот принцип не принят и некоторыми другими исследователями (см.: VfZ. 1984. Н. 1. S. 170—178).

⁶² Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 14; 437 et seq.

⁶³ См., напр.: Hoggan D. L. Der unnötige Krieg. Tübingen, 1974; Deutschland nach dem Krieg. Bochum, 1975. С. 106.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 334.

⁶⁵ Начало переосмыслению внешней политики СССР 30—40-х гг. положено в работах В. И. Дашичева и ряда других историков (см., напр.: Лит. газ. 1988. 28 мая; материалы дискуссии советских ученых о советско-германском договоре 1939 г.: см.: Коммунист Вооруженных сил. 1988. № 21; Известия ЦК КПСС. М., 1989. № 7; «Круглый стол»: вторая мировая война — истоки и причины//Вопр. историн. 1989. № 7.

⁶⁶ Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 145.

⁶⁷ См.: Мировая экономика и международные отношения. 1980. № 12. С. 122.

⁶⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 11, 12, 17.

⁶⁹ Ibid. 1983. Bd. 4. S. 1079.

⁷⁰ NpL. 1981. Н. 1. S. 43—44.

⁷¹ В литературе были высказаны различные мнения. См.: Вопр. истории. 1980. № 9. С. 62—77; Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины. М., 1984. С. 177 и далее; Федоров В. П. ФРГ: 80-е годы. М., 1986. С. 39—40.

⁷² *Versammlung deutscher Historiker in Köln/Rhein*. Stuttgart, 1971.

⁷³ Об усилении внимания к политическим функциям историографии свидетельствовал и XVI Международный конгресс исторических наук. См.: Вопр. истории. 1986. № 1. С. 5—6.

⁷⁴ *Universitas*. 1983. H. 2. S. 167.

⁷⁵ *APZ*. 1984. H. 7. S. 34—35.

⁷⁶ См., напр.: *Faschismus in Deutschland*. Köln, 1980. Связь политики и историографии отмечается и в других областях, в частности в антиковедении (См.: Ежегодник германской истории. 1980. М., 1982. С. 184).

⁷⁷ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 1. S. 11; cf: *Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945*. S. 16.

⁷⁸ Мис Г. Поворот вправо? М., 1983. С. 13; cf: *APZ*, 1982. H. 23. С. 3—21.

⁷⁹ *Hildebrand K. Das Dritte Reich*. Stuttgart, 1979. S. 130—131 (3-е изд. вышло в 1987 г.).

⁸⁰ *Jacobsen H.-A. Der Weg...* S. 14; cf: *Bracke G. Gegen vielfache Übermacht*. Stuttgart, 1977. S. 10; *Historisches Jahrbuch*. 1983. I. Halbbd. S. 171.

⁸¹ *Jäger W. Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland*. Göttingen, 1984. S. 197.

⁸² См.: *Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung* (Bulletin). Bonn. 1982. 12. Okt. N 92. S. 847—849.

⁸³ См.: напр.: *Sozialwissenschaftliche Informationen für Unterricht und Studium*. 1977. N 6. S. 152—160; *Gründer K. Reflexion der Kontinuitäten*. Göttingen, 1982; *Rüsen J. Historische Vernunft — Grundzüge einer Historik//Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft*. Göttingen, 1983; *APZ*. 1984. H. 41. S. 3—10.

⁸⁴ См., напр.: *Rausch H. Politische Kultur in Bundesrepublik Deutschland*. (W-)Berlin, 1980; *Geschichte und Geschichtsbewußtsein*. Zürich, 1981; *Geschichtsbewußtsein und Rationalität*. Stuttgart, 1982; *Hurwitz H. Die politische Kultur der Bevölkerung und der Neubeginn konservativer Politik*. Köln, 1983; *Rohrmoser G. Krise der politischen Kultur*. Mainz, 1983; *Jäger W. Op. cit.*; cf: *BdiP*. 1986. N 3. S. 289—305.

⁸⁵ См., напр.: *Lübbe H. Der Nationalsozialismus in deutschen Nachkriegsbewußtsein//HZ*. 1983. Bd. 236. H. 3; *Rechtsextremismus in der Bundesrepublik*. Frankfurt a/M., 1985; *VfZ*. 1986. H. 2. S. 147—161.

⁸⁶ См.: *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 5—6.

⁸⁷ *Gedanken zum 20. Juli 1944*. Bonn, 1984. S. 20.

⁸⁸ *APZ*. 1984. H. 26. S. 3—12; H. 7. S. 33—45. В ФРГ вышел ряд работ о влиянии Сопrotивления на развитие ГДР и ФРГ: *Schramm T.-D. Der deutsche Widerstand gegen Nationalsozialismus*. (W-)Berlin, 1980; *Wippermann W. Antifaschismus in der DDR*. (W-)Berlin, 1980.

⁸⁹ *GWU*. 1979. H. 9. S. 553; *Kosthorst E. Zeitgeschichte und Zeitperspektive*. Paderborn, 1981. S. 57—69.

⁹⁰ *Gedanken zum 20. Juli. 1944*. Mainz, 1984; *Weizsäcker R. Von Deutschland aus Reden des Bundespräsidenten*. München, 1987.

⁹¹ См.: *Jacobsen H.-A. Der Weg...* S. 17.

⁹² *Hürten H. Zwischenkriegszeit und Zweiter Weltkrieg*. Stut-

tgart. 1982. S. 5; cf: Bericht über die 32. Versammlung deutscher Historiker in Hamburg. Stuttgart. 1979. S. 16, 9, 96; 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984. S. 377.

⁹³ Universitas. 1983. H. 2. S. 165—172; cf: Wissenschaft und Arbeiterinteresse. Köln, 1980; Erinnerungsarbeit. Opladen, 1982; Geschichte als demokratischer Auftrag. Zürich, 1983; Berglar P. Geschichte als Tradition — Geschichte als Fortschritt. Graz, 1984.

⁹⁴ См.: Новая и новейшая история. 1987. № 1. С. 74—75.

⁹⁵ См.: Тишков В. А. История и историки в США. М., 1985. С. 88—89 и др.

⁹⁶ См., напр.: Doh R., Senker W. Bevölkerungsentwicklung. München, 1985, 1986.

⁹⁷ См.: Deutschland — Japan. Bonn, 1984. S. 207.

⁹⁸ См.: Weimar — Selbstpreisgabe einer Demokratie. Düsseldorf, 1980. S. 11.

⁹⁹ См., напр.: Die Linke und die nationale Frage. Reinbek, 1981.

¹⁰⁰ О прагматическом подходе к изучению фашизма см.: Политическая история стран Западной Европы в новейшее время. Ярославль, 1978. С. 55—66.

¹⁰¹ 20. Juli 1944. S. 14.

¹⁰² См.: Bracher K. D. Zeitgeschichtliche Kontroversen um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976. S. 76; cf: Idem. Krise Europas 1917—1945. Frankfurt a/M., 1979. S. 178; Franz-Willing G. Der Zweite Weltkrieg. Leoni, 1980. S. 244—245.

¹⁰³ См.: Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945. Bonn, 1984, S. 9.

¹⁰⁴ NpL. 1983. H. 3. S. 75; H. 1. S. 81—82.

¹⁰⁵ См.: GWU. 1986. H. 8. S. 481; cf: Arbeit und Arbeitserfahrung in der Geschichte. Göttingen, 1986.

¹⁰⁶ Der Nationalsozialismus als didaktisches Problem. Bonn, 1980; Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung 1933—1945. Bonn, 1982; cf: Der Nationalsozialismus als pädagogisches Problem. Frankfurt a/M., 1984; Bundeswehr und die Schule. Köln, 1983; GWU, 1984, H. 12. S. 837—845; 1985. H. 8; S. 554—565; H. 9. S. 642—657; 1986. H. 2. S. 99—105; Hopf C. et al. Wie kamen die Nationalsozialisten an die Macht. Frankfurt a/M., 1985; APZ. 1985. H. 2. S. 272—295.

¹⁰⁷ Kosthorst E. Op. cit.; Schramm T.-D. Op. cit.

¹⁰⁸ См.: GWU. 1986. H. 6. S. 356—357.

¹⁰⁹ См. напр.: Bücheler H. Hoerner. Bonn, 1980; cf: Правда. 1985. 16 апр.

¹¹⁰ См. напр.: Tradition of Last? Köln, 1981; Information für die Truppe. 1985. N 1. S. 64—80; N 3. S. 29—44; Kampftruppen. 1986. N 1. S. 28—29; N 5. S. 206—208.

¹¹¹ Der Militärische Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945. Herford, 1984. S. 207, 506—507; cf: Aufstand des Gewissens. Bonn, 1985. S. 501.

¹¹² Drei Jahrzehnte Außenpolitik der DDR. München, 1980. S. 24.

¹¹³ 40. Jahrestag der Beendigung des Krieges in Europa und der nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, 1985. S. 18—19, 22, 24—25, 27; см. также другие труды Р. Вайцекера (Weizsäcker R. Die Geschichte geht weiter. (W-) Berlin, 1983; GWU. 1986. H. 37. S. 64—70);

¹¹⁴ См.: Правда. 1985. 20 мая, 8 апр., 5 мая.

¹¹⁵ Цит. по: Kriegswende. Dezember 1941. Koblenz, 1984. S. 9; cf: Комс. правда. 1987. 14 авг.; Моск. новости. 1987. 30 авг. С. 5.

- ¹¹⁶ См.: Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1976. H. 19; GWU. 1981. H. 4; Hildebrand K. Das Dritte Reich. S. 172.
- ¹¹⁷ AfS. 1983. S. 669.
- ¹¹⁸ BdiP, 1985. H. 3. S. 308—309; cf: «Historiker-Streit». München, 1987.
- ¹¹⁹ См.: BdiP. 1985. H. 4. S. 397—410; cf: 1986. H. 3. S. 372—381; Der Herold. 1985. N 11. S. 173—176.
- ¹²⁰ In der Tradition des antifaschistischen Widerstandes gemeinsam für Frieden, Abrüstung und Demokratie. Frankfurt a/M., 1983. S. 179.
- ¹²¹ Der Weg ins Dritte Reich. München, 1983. S. 214.
- ¹²² Цит. по: Widerstand und Exil. S. 336.
- ¹²³ См.: Liedtke R. Widerstand ist Bürgerpflicht. München, 1984.
- ¹²⁴ См.: Gewalt in der Geschichte. Düsseldorf, 1983. S. 73—82; cf: Friedensbewegung. Düsseldorf, 1983; Frieden und Krieg. Weinheim, 1983.
- ¹²⁵ GWU. 1986. H. 2. S. 72.
- ¹²⁶ См., напр.: Арон Р. Clausewitz, den Krieg denken. Frankfurt a/M., 1980.
- ¹²⁷ Клаузевиц К. О войне М., 1936. Т. 1. С. 153—154; Т. 2. С. 461.
- ¹²⁸ Topitsch E. Stalins Krieg. München, 1985; cf: NE, 1985. H. 8. S. 53.
- ¹²⁹ См.: Deutsche Frage und europäisches Gleichgewicht. Köln, 1985. S. 133—147.
- ¹³⁰ Bracher K. D. Europa in der Krise. Frankfurt a/M., 1979.
- ¹³¹ Bartsch M. et al. Der Krieg im Osten 1941—1945. Köln, 1981. S. 254.
- ¹³² См.: Füllberg-Stolberg C. Die Darstellung der UdSSR nach 1945 in Geschichtsbüchern der BRD. Göttingen, 1981. S. 7, 27, 50—55.
- ¹³³ См.: Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. М., 1988. С. 29—30.
- ¹³⁴ См. напр.: Веуме К. Die Sowjetunion in der Weltpolitik. München, 1983. S. 163; cf: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 55—56.
- ¹³⁵ Bracher K. D. Europa in der Krise. S. 265; cf: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 86.
- ¹³⁶ См. напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 298; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 117, 403.
- ¹³⁷ См.: Фирсов Ф. И. Сталин и Коминтерн//Вопр. истории. 1989. № 8—9.
- ¹³⁸ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка С. 21, 22.
- ¹³⁹ См.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966. С. 64—65; Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины. М., 1984. С. 163—173; Die Totalitarismus-Doktrin im Antikommunismus. В., 1985.
- ¹⁴⁰ См., напр.: Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 1979. S. 124—125; NpL. 1986. H. 3. S. 514—516; APZ. 1984. H. 31. S. 16—27; cf: NpL. 1983. H. 28. S. 459—492.
- ¹⁴¹ Rauch G. Zarenreich und Sowjetstaat im Spiegel der Geschichte. Göttingen, 1980. S. 274.
- ¹⁴² Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 309; cf: Lehnert D. Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei 1848—1983. Frankfurt a/M., 1983. S. 162—163.
- ¹⁴³ Критику этой трактовки см.: GWU. 1986. H. 2. S. 89.

- ¹⁴⁴ Franzel E. Geschichte des deutschen Volkes. München, 1974. S. 886 (есть издание 1985 г.).
- ¹⁴⁵ См.: напр.: Plack A. Wie oft wird Hitler noch besiegt? München, 1982. S. 270, 271; Widerstand und Exil... S. 216; Stimmen der Zeit. 1983. H. 5. S. 309.
- ¹⁴⁶ См.: Правда, 1985. 9 апр.; Международный военно-ист. журн. 1982. № 53. С. 38, 44; Füllberg-Stolberg K. Op. cit. S. 58—60, 176; Song Du-yul. Sowjetunion und China. Frankfurt a/M., 1984.
- ¹⁴⁷ См., напр.: Bracher K. D. Geschichte und Gewalt. (W-) Berlin, 1981. S. 103, 113—114, 323 et seq.; Pernkopf J. Der 17. Juni 1953 in der Literatur der beiden deutschen Staaten. Stuttgart, 1982.
- ¹⁴⁸ См., напр.: Entspannungspolitik in Ost und West. München, 1979. S. 21, 28; Handbuch der europäischen Geschichte. Stuttgart, 1979. S. 218—219; Herm G. Amerika ist an allem schuld. München, 1980. S. 125—127; см. также: Лит. газ. 1985. 22 мая.
- ¹⁴⁹ См.: Вопр. истории КПСС. 1985. № 6. С. 83.
- ¹⁵⁰ В споре с К. Д. Брачером, В. Шидером, X. Моммзен заявил: «Доктрина тоталитаризма — миф, который является помехой любой действительно социально-исторической трактовке». Цит. по: Totalitarismus und Faschismus. München, 1980. S. 65; cf: Der italienische Faschismus. München, 1983. S. 91; В ФРГ изданы труды о применении доктрины в общественном сознании. См.: Entwicklungslinien der Politikwissenschaft in der Bundesrepublik Deutschland. Melle, 1982; Backes U., Jesse E. Totalitarismus, Extremismus, Terrorismus. Opladen, 1984; Glaebner G.-J. Neue Konzepte der Kommunismusforschung//APZ. 1984. H. 31; Totalitarismus. P., 1984.
- ¹⁵¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 16, 18.
- ¹⁵² Bracher K. D. Europa in der Krise. S. 8; см. также: 133, 213, 215, 288; cf: Illustrierte Weltgeschichte. (W-)Berlin, 1981. S. 400; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 78, 88—89, 97; Lehnert D. Op. cit. S. 162—163.
- ¹⁵³ См.: Hillgruber A., Hildebrand K. Kalkül zwischen Macht und Ideologie. Zürich, 1980.
- ¹⁵⁴ См.: NpL. 1981. H. 1. S. 55.
- ¹⁵⁵ APZ. 1980. H. 25. S. 13—15.
- ¹⁵⁶ Plack A. Wie oft wird Hitler noch besiegt? S. 252—256, 273.
- ¹⁵⁷ Füllberg-Stolberg; C. Op. cit. S. 54, 58—60.
- ¹⁵⁸ Hildebrand K. Das Dritte Reich. S. 124—125; cf: Beume K. Op. cit. S. 12.
- ¹⁵⁹ См.: VdiP. 1984. H. 4. S. 338; AfS. 1985. S. 576 et seq.
- ¹⁶⁰ См.: Критика национализма — реакционной идеологии современной буржуазии. Киев. 1981; ZfG. 1986. H. 6. S. 535; H. 7. S. 621—633.
- ¹⁶¹ Подробнее об этом см.: Гольман Л. И. Энгельс — историк. М., 1984; см. также: Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (BzG). 1981. H. 3. S. 365—373.
- ¹⁶² Цит. по: Сарга F., Spretnak C. Green Politics. N.-Y., 1984. P. 60. По данным Кюнля, доля приверженцев принципа «единой германской нации» среди опрошенных граждан в 1974—1984 гг. упала с 70 до 42%. (VdiP. 1986. H. 3. S. 309). Подробнее о «немецком единстве» в наши дни см.: Шеварднадзе Э. А. Европа: время перемен//Правда. 1989. 20 дек.
- ¹⁶³ См. напр.: Hitler, Deutschland und die Mächte. Düsseldorf, 1977.

- S. 222; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 30 et seq; Widerstand und Verweigerung. S. 152.
- ¹⁶⁴ См. напр.: Правда, 1983. 17 июля; Лит. газ. 1985. 15 мая.
- ¹⁶⁵ Цит. по: Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 649.
- ¹⁶⁶ См., напр.: Bücheler H. Hoerner. Bonn, 1980. S. 176.
- ¹⁶⁷ Жомини А. Краткое начертание военного искусства. Спб., 1840. Ч. 1. С. 33, 38.
- ¹⁶⁸ Paul W. Der Heimatkrieg 1939 bis 1945. Esslingen, 1980, S. 127.
- ¹⁶⁹ Diwald H. Geschichte der Deutschen. Frankfurt a/M., 1979.
- S. 166.
- ¹⁷⁰ Grass G. Über das Selbstverständliche. Neuwied, 1967. S. 183.
- ¹⁷¹ VfZ. 1984. H. 3. S. 462.
- ¹⁷² См., напр.: Buchner A. Sewastopol. Freiburg, 1978; Drimmel H. Gott mit uns. Wien; München, 1977. S. 350; cf.: ZfG. 1984. H. 7. S. 626.
- ¹⁷³ См., напр.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Rd. 1. S. 20.
- ¹⁷⁴ Hillgruber A. Endlich genug über Nationalsozialismus und Zweiten Weltkrieg? Düsseldorf, 1982.
- ¹⁷⁵ Hillgruber A. Der Zusammenbruch im Osten 1944/45 als Problem der deutschen Nationalgeschichte und der europäischen Geschichte. Opladen, 1985.
- ¹⁷⁶ Оговорка автора предисловия — «Хотя книга пишется с гермаоцентристских позиций, нельзя не уделять внимания событиям в Европе и мире» (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1, S. 21) — не меняет дела.
- ¹⁷⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 11.
- ¹⁷⁸ Ibid. S. 176, 703.
- ¹⁷⁹ См.: NE. 1983. H. 1. S. 34; cf: H. 5. S. 3.
- ¹⁸⁰ См., напр.: Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 438.
- ¹⁸¹ Widerstand und Exil. S. 456.
- ¹⁸² См., напр.: Franzel E. Die Geschichte des deutschen Volkes. München, 1974. S. 74, 888; Jahn H. E. Die deutsche Frage von 1943 bis heute. Mainz, 1985. S. 18—19.
- ¹⁸³ См., напр.: Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 354; Taylor E., Niessen W. Frontstadt Köln. Düsseldorf, 1980.
- ¹⁸⁴ Sievers L. Deutsche und Russen. Hamburg, 1980. S. 158, 241, 311—313; Die sowjetische Infanterie und ihre Waffen. Stuttgart. 1981. S. 13.
- ¹⁸⁵ Drimmel H. Op. cit. S. 366; Franz-Willing G. Der Zweite Weltkrieg. Leoni, 1980. S. 140.
- ¹⁸⁶ Подробнее см.: Коммунист. 1985. № 15. С. 96—106. Критику европеизма в историографии см.: Вопр. истории. 1981. № 1. С. 35—51; Новая и новейшая история. 1985. № 4. С. 178. Европейские идеи используются подчас и в нерациональных целях, в частности противниками империалистического диктата США в странах Западной Европы (Новая и новейшая история. 1986. № 3. С. 6; Лит. газ. 1986. 30 июля).
- ¹⁸⁷ Подчас буржуазные историки вообще исключают СССР из числа государств Европы. Так, т. 2 упоминавшегося официального 10-томника назван: «Установление гегемонии Германии на европейском континенте. 1 сентября 1939 г. — осень 1940 г.» Значительно расширил применение идеи европеизма в историографии Ротфельс (Deutsche Historiker. Göttingen, 1982. Bd. 9. S. 143).
- ¹⁸⁸ APZ. 1984. N 26. S. 25—27, 32, 37; cf: 20. Juli 1944. S. 9.

¹⁸⁹ Критику проявлений русофобии в немарксистской историографии см.: Правда. 1983. 18 февр.; Коммунист. 1983. № 3. С. 123—126; Вопр. истории. 1984. № 1. С. 11; Новая и новейшая история. 1983. № 1. С. 19.

¹⁹⁰ См. напр.: Osteuropa-Handbuch. Sowjetunion, Außenpolitik 1917—1955. Köln, 1977. S. 295; Krone G. Vom Kiewer Reich zum kalten Krieg. Köln, 1977. Критику тезиса см.: Калтахан С. Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983.

¹⁹¹ Так назван специальный раздел книги: Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933—1939. Helsinki, 1984.

¹⁹² Ibid. S. 28—30.

¹⁹³ Mehnert K. Ein Deutscher in der Welt. Stuttgart, 1981. S. 419.

¹⁹⁴ Оценку международного сионизма см.: Правда. 1985. 30 окт.; Даддани Л. Я. Критика идеологии и политики социал-сионизма. М., 1986.

¹⁹⁵ Schickel A. Deutsche und Polen. Gladbach, 1984. S. 240—241.

¹⁹⁶ См., напр.: Greive H. Geschichte des modernen Antisemitismus in Deutschland. Darmstadt, 1983. S. 2

¹⁹⁷ См.: Абрамович А. В решающей войне. Тель-Авив, 1981. Т. 1. С. 5, 7 и др.

¹⁹⁸ См.: Правда. 1984. 27 янв., 13 окт.; Лит. газ. 1985. 17 апр.

¹⁹⁹ Kohl H. Reden 1982—1984. Bonn, 1984. S. 492—494.

²⁰⁰ См., напр.: Das Dritte Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 17, 19—21; Der Westen und die Sowjetunion. S. 65; 20. Juli 1944. S. 43; HZ. 1985. H. 3. S. 599—640; VfZ. 1985. H. 4. S. 582—625.

²⁰¹ См., напр.: Craig G. A. Deutsche Geschichte 1866—1945. München, 1980 (1984). S. 591 et seq.

²⁰² См.: Verfolgung — Vertreibung — Vernichtung. Leipzig, 1983; Самсонов А. М. Память минувшего. М., 1988. С. 351—359.

²⁰³ См.: Kriegswende. S. 225—226, 228, 229, 235, 236, 237, 246. Подробнее см. Самсонов А. М. Память минувшего. М., 1988. С. 351—359.

²⁰⁴ Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 69, 94, 116; cf: Hillgruber A. Deutsche Großmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1977. S. 252, 258—259; Idem. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Stuttgart, 1982. S. 166; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 707; Bd. 4. S. 1079—1082; GWU. 1983. H. 1. S. 13—17; Kriegswende. S. 228—229.

²⁰⁵ Maltitz H. The Evolution of Hitler's Germany. N. Y., 1973. P. 271; Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 112.

²⁰⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 445; Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. S. 539.

Глава вторая

¹ См., напр.: Historisches Jahrbuch. 1983. 1. Halbbd. S. 193—198.

² Hillgruber A., Hildebrand K. Kalkül zwischen Macht und Ideologie. Zürich, 1980. S. 60.

³ См.: Einheit. 1984. H. 4. S. 361.

⁴ См.: Pätzold K., Weissbecker M., Geschichte der NSDAP. Köln, 1982.

⁵ Эту точку зрения разделяют и некоторые историки ФРГ. См.,

- напр.: Bulletin. 1. Febr. 1983. S. 103; «Historiker — Streit». München, 1987.
- ⁶ Die Zeit. 1977. 2. Dez. S. 9.
- ⁷ Deutsche Historiker. Göttingen, 1980. S. 141.
- ⁸ Ibid. S. 142.
- ⁹ Подробнее о творчестве Эрдманна см.: GWU. 1985. Н. 4. S. 236—247.
- ¹⁰ Критику схемы Эрдманна см.: Lozek G., Richter R. Legende oder Rechtfertigung? В., 1979. S. 43.
- ¹¹ См.: Hürten H. Zwischenkriegszeit und Zweiter Weltkrieg. Stuttgart, 1982. S. 27.
- ¹² Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung 1933—1945. Bonn, 1981. S. 46.
- ¹³ Тезис о фашизме как «порождении капитализма» представлен в трудах К. Хильдебранда и ряда других умеренных консерваторов и социал-реформистов (Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 1979. S. 127; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 601; Kolb E. Die Weimarer Republik. München, 1984. S. 211, 215).
- ¹⁴ XIII пленум ИККИ: Стеногр. отчет. М., 1934. С. 589.
- ¹⁵ Дямитров Г. М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935. С. 9.
- ¹⁶ Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М., 1987. С. 170.
- ¹⁷ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1966. Bd. 5. S. 436.
- ¹⁸ Deutschland im zweiten Weltkrieg. В., 1988. Bd. 6. S. 782.
- ¹⁹ См.: Лунев И. И. Апология германского империализма и милитаризма в работах Г. Риттера//Из истории новейшего времени. М., 1959.
- ²⁰ Ritter G. Geschichte als Bildungsmacht. S. 24; Idem. Europa und die deutsche Frage. München, 1948. S. 98; Idem. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1964. S. 447.
- ²¹ Ritter G. Carl Goerdeler... S. 447.
- ²² См.: Критика современных буржуазных исторических концепций. Ярославль, 1977. С. 137—155. Эта проблема нашла отражение и в буржуазной историографии (Schreiber G. Hitler-Interpretationen, 1923—1983. Darmstadt, 1984).
- ²³ Толстой Л. Н. Собр. соч. М., 1951. Т. 7. С. 69.
- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 192.
- ²⁵ См., напр.: Ritter G. Carl Goerdeler...; Speer A. Technik und Macht. Frankfurt a/M., 1981. S. 267.
- ²⁶ Правда. 1983. 8 авг.; cf: Jäckel E. Hitlers Weltanschauung. Stuttgart, 1981; Paul W. Wer war Hermann Göring. Esslingen, 1983.
- ²⁷ Цит. по: ZIG. 1972. Н. 5. S. 624; подробнее см.: Ruge W. Hitler — ein Einzeltäter?//BdiP. 1983. Н. 1; Puge В. Как Гитлер пришел к власти. М., 1985.
- ²⁸ Критику данного тезиса см.: Wipperfurth W. Europäischer Faschismus im Vergleich 1922—1982. Frankfurt a/M., 1983. S. 20.
- ²⁹ См.: Hitler, Deutschland und die Mächte. Düsseldorf, 1977; cf: Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 1979. S. 12, 55.
- ³⁰ Bracher K. D. Europa in der Krise. Frankfurt a/M., 1979. S. 288.
- ³¹ См.: Erdmann K. D. Deutschland unter der Herrschaft des

Nationalsozialismus 1933—1945. München, 1980. S. 227; Stern J. P. Hitler. München, 1981; NpL. 1982. H. 1. S. 47—70; VfZ. 1983. H. 4. S. VIII; Der Westen und die Sowjetunion. Paderborn, 1983. S. 61; 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984. S. 43.

³² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 18, 22, 545, 646, 648.

³³ См.: Ibid. Bd. 4. S. 23, 1079—1080; cf: Bd. 1. S. 18, 210, 282, 538—541, 557, 480, 695, 700, 712, 714—715; Bd. 4. S. 7, 13, 15, 18, 25.

³⁴ См., напр., статьи П. Гансена и А. Куна в кн.: Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 115, 640.

³⁵ GWU. 1983. H. 1. S. 24. Аналогичная тенденция имеет место и в историографиях других стран (см. напр.: Overi R. I. Goering, the «iron man». L., 1984; Fleming G. Hitler and the final solution. Oxford, 1986).

³⁶ Rings W. Leben mit dem Feind. München, 1979. S. 37—38.

³⁷ Цит. по: Kriegswende. Dezember 1941. Koblenz, 1984. S. 166, 171; cf: Craig G. A. Deutsche Geschichte 1866—1945. München, 1980. S. 672; Collier R. Mussolini. München, 1983; Aylett J. F. Russia under Stalin. L., 1984; Böttger P. Winston Churchill und die Zweite Front. Frankfurt a/M., 1984; Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933—1939. Helsinki, 1984. S. 27—28. О персонификации истории фашизма в американской буржуазной историографии см.: Вopr. истории. 1985. № 1. С. 162, 163.

³⁸ См.: Der «Führerstaat». Stuttgart, 1981. S. 73—96.

³⁹ См.: Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 609, 703, 726, 727.

⁴⁰ Ibid. S. 640.

⁴¹ Ibid. S. 115; cf: Hildebrand K. Das Dritte Reich. S. 12, 55; GWU. 1982. H. 4. S. 214—226.

⁴² Nationalsozialistische Aussenpolitik. Darmstadt, 1978. S. 24.

⁴³ См.: Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 46.

⁴⁴ Burkert K. Machtergreifung. Düsseldorf, 1984. S. 15—16.

⁴⁵ Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 5—6.

⁴⁶ См., напр.: Zeitgeschichte Osteuropa als Methoden — und Forschungsproblem. (W-)Berlin, 1985. S. 912, 933, 947—951.

⁴⁷ Цит. по: Einheit. 1983. H. 5. S. 489, а также 490, 491.

⁴⁸ См., напр.: Военно-ист. журн. 1984. № 12. С. 71; Einheit. 1984. H. 4. S. 361; ZfG. 1982. H. 10/11. S. 1051.

⁴⁹ См.: Правда. 1986. 29 июля; 1987. 21 янв; Konservatismus-Forschung. Jena, 1985; Pechmann A. Konservatismus in der Bundesrepublik. Frankfurt a/M., 1985; cf: Kondylis P. Konservatismus. Stuttgart, 1986; Konservatismus. Königstein, 1986.

⁵⁰ Характерно, что к теме «20 июля 1944 г. в официальных юбилейных речах и историографии ФРГ и ГДР» обратились ряд историков в самой ФРГ (APZ. 1984. H. 26. S. 3—12); cf: Der deutsche Widerstand und die CDU. Bonn, 1979.

⁵¹ См.: Kohl H. Reden 1982—1984. Bonn, 1984. S. 109—113, 492—494; Idem. Zur Lage der Nation. Bonn, 1984; Bulletin. 1986. N 83. S. 741; cf: Gedanken zum 20. Juli. Mainz, 1984; см. также: Соколовский С. Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983.

⁵² Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. München, 1983; cf: Idem. Ein politischer Historiker in seinen Briefen. Boppard a/R., 1984; Alman K. Grossadmiral Dönitz. Bergam See, 1983; Franzel E. Die Geschichte des Deutschen Volkes. Gütersloh,

1985; Schramm W. Geheimdienst im Zweiten Weltkrieg. München, 1983; Mellentin F. W. Deutschlands Generale des Zweiten Weltkrieges. Bergisch Gladbach, 1980; Schellenberg W. Aufzeichnungen. Wiesbaden, 1979; Speer A. Op. cit.

⁵³ Schoeps H.-J. Deutsche Geistesgeschichte der Neuzeit. Mainz, 1980. Bd. 5. S. 173, 177, 181—183, 185, 199, 206—207, 209—210, 212, 218, 227—231, 233.

⁵⁴ Der Zweite Weltkrieg. München, 1983. S. 13—14, 19—21, 23—24, 25.

⁵⁵ Craig G. A. Deutsche Geschichte. 1866—1945. München, 1984, S. 586, 588, 590. Об отношении Крайга к современным проблемам войны и мира см.: Вопр. истории. 1985. № 12. С. 102.

⁵⁶ См.: напр.: Bracher K. D. Europa in der Krise. Frankfurt a/M., 1979. S. 236; Rings W. Op. cit. S. 220; Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945. (W-) Berlin, 1982. S. 97; Das Dritte Reich. Hannover, 1983, S. 227; Craig. G. A. Op. cit. S. 586; Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1985. Bd. 11. S. 328.

⁵⁷ См.: Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография. М., 1986. № 8. С. 59; Коммунист. 1981. № 7. С. 70; Новая и новейшая история. № 1. С. 29.

⁵⁸ Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg 1933—1945. Stuttgart, 1983. S. 101; cf: Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Mainz, 1981. S. 63, 65; Der Westen und die Sowjetunion. S. 70—71; Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Bonn, 1983. S. 509.

⁵⁹ См.: Об искусстве полемики. М., 1982. С. 18.

⁶⁰ Цит. по: Анатомия агрессии. М., 1975. С. 255, 264—265.

⁶¹ VIZ. 1982. Н. 3. S. 547—548; cf: Stehle H. Die Ostpolitik des Vatikans. München, 1975.

⁶² VIZ. 1982. Н. 3. S. 545.

⁶³ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1984. Т. 2. С. 344—345; Below N. Als Hitlers Adjutant. 1937—1945. Mainz, 1980. S. 326, 327; Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. München, 1980. S. 291; Agarassi E. Politik und Konfession. (W-) Berlin, 1983. S. 447—464.

⁶⁴ См.: Красная Звезда. 1989. 9 дек.

⁶⁵ См.: Köstring E. Hitler zwischen dem deutschen Reich und der Sowjetunion. Frankfurt a/M., 1965.

⁶⁶ См.: Lang J. Der Sekretär Martin Bormann. Stuttgart, 1977. S. 242.

⁶⁷ См.: Новая и новейшая история. 1980. № 3. С. 122—140; 1984. № 6. С. 115—132.

⁶⁸ См., напр.: Hillgruber A. Die gescheiterte Grossmacht 1806—1945. Düsseldorf, 1980. S. 105.

⁶⁹ См.: Kleist P. Zwischen Berlin und Moskau. Buenos Aires, 1949; Idem. Zwischen Hitler und Stalin. Bonn, 1950.

⁷⁰ Michalka W. Op. cit. S. 292.

⁷¹ См., напр.: Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1971. Bd. 2. S. 85.

⁷² VIZ. 1982. Н. 3. S. 539.

⁷³ Rauch G. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1977. S. 402; Hesse F. Das Vorspiel zum Kriege. Leoni, 1979. S. 402—403.

⁷⁴ Michalka W. Op. cit. S. 292.

⁷⁵ Seydlitz W. Stalingrad. Oldenburg, 1977; Scheurig B. Freies Deutschland. Köln, 1984. S. 8, 309.

⁷⁶ См.: Hillgruber A. Sowjetische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1979; Fischer A. Sowjetische Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1979. S. 131—136.

⁷⁷ См.: Weinert E. Das Nationalkomitee «Freies Deutschland». В., 1957; Wolff W. Auf der richtigen Seite: Zum Wirken des NKFD. В., 1985; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1984. Т. 4, 6.

⁷⁸ Krautkrämer E. Internationale Politik im 20. Jahrhundert. Frankfurt a/M., 1977. Bd. 2. S. 105.

⁷⁹ Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 19, 438.

⁸⁰ См.: Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Bd. 2. S. 240; Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 437.

⁸¹ Michel A. La seconde guerre mondiale. P., 1979. T. 1. P. 469. О помощи СССР движениям Сопротивления см.: История внешней политики СССР. М., 1976. С. 466; Серова О. В. Италия и антигитлеровская коалиция 1943—1945. М., 1973. С. 204—207.

⁸² См., напр.: Hesse K. Der Geist von Potsdam. Mainz, 1967.

⁸³ См., напр.: Kühn H. Widerstand und Emigration. Hamburg, 1980. S. 226; Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 488, Ср.: Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма. М., 1980. С. 341.

⁸⁴ Якобсен имеет в виду Таурогенскую конвенцию, заключенную в 1812 г. между Пруссией и Россией, и Рапалльский (1922 г.) договор между Германией и Советской Россией.

⁸⁵ Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 311.

⁸⁶ Uhle-Wettler F. Höhe- und Wendepunkte Deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984. S. 342.

⁸⁷ Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 305.

⁸⁸ Weber H. DDR. Hannover, 1978. S. 8, 23. Об образовании Республики см.: Хайцер X. ГДР: исторический очерк. М., 1982.

⁸⁹ Laquer W. Russia and Germany. L., 1965. P. 271.

⁹⁰ EW. 1978. H. 4.

⁹¹ Weber H. Op. cit. S. 21; ср.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 2. С. 379—380, 439.

⁹² См.: Под знаком Красной звезды. М., 1977. С. 233; Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 96—99; Левин И. Записки военного переводчика. М., 1981. С. 118; Burkhard G. et al. Die mit dem blauen Schein. В., 1982. С. 136—137; Die Front war überall. В., 1983; Eildermann W. Die Antifaschule. В., 1985.

⁹³ См.: Германия во второй мировой войне. С. 290; Ежегодник германской истории. 1973. М., 1974. С. 402—410.

⁹⁴ Kern E. Hitler und der Krieg. Leoni, 1974; cf: Der Freiwillige. 1970. N 3. S. 11; Ribbentrop A. Die Kriegsschuld des Widerstandes. Leoni, 1974. Наиболее крайние, примитивные формы искажения сущности фашизма, истории второй мировой войны были и остаются предметом пристального внимания специалистов из Института военной истории (см., напр.: Идеологическая борьба по основным проблемам истории второй мировой войны. М., 1986; Великая Отечественная война 1941—1945. М., 1988).

⁹⁵ См., напр.: Below N. Op. cit.; Franz-Willing G. Der Zweite Weltkrieg. Leoni, 1980; Lüdde-Neurath W. Regierung Dönitz. Leoni, 1981; Remer O. E. Verschwörung und Verrat um Hitler. Oldendorf, 1982.

⁹⁶ См., напр.: Irving D. Die geheimen Tagebücher des Dr. Morell.

München, 1983; Hoggan D. L. Der unnötige Krieg 1933—1945. Tübingen, 1985; Idem. Das blinde Jahrhundert. Tübingen, 1985; Idem. Der erzwungene Krieg. Tübingen, 1985.

⁹⁷ Franz-Willing G. Op. cit. S. 78, 263—265; NE. 1986. H. 3.

⁹⁸ Franz-Willing G. Op. cit. S. 78.

⁹⁹ Verrat und Widerstand im Dritten Reich. Coburg, 1978.

¹⁰⁰ См., напр.: NE. 1974. H. 4. S. 17.

¹⁰¹ Aschenauer R. Krieg ohne Grenzen. Leoni, 1982. S. 15; cf:

John O. Falsch und zu spät — der 20. Juli 1944. München, 1984; Klüver M. War es Hitlers Krieg? Leoni, 1984; Saunders H. H. Der verratene Sieg. Leoni, 1984; Preradovich S. «Gott segne den Führer!». Leoni, 1985.

¹⁰² NE. 1984. H. 7. S. 48—50; cf: Lang J. Der Adjutant — Karl Wolff. München, 1985.

¹⁰³ Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Düsseldorf, 1983.

¹⁰⁴ Bulletin. 1967. N 78. S. 669.

¹⁰⁵ Bulletin. 1986. N 88. S. 737—738.

¹⁰⁶ Ibid. N 45. S. 378—379.

¹⁰⁷ Das Dritte Reich. Hannover, 1983. S. 14—15. Марксистско-ленинскую критику тезиса о фашизме как «несчастном случае на производстве» см.: Carlebach E. Hitler war kein Betriebsunfall. Frankfurt a/M., 1978.

¹⁰⁸ APZ. 1970. H. 2. S. 42.

¹⁰⁹ Цит. по: 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984. S. 13.

¹¹⁰ Michalka W. Op. cit. S. 146, 304—305.

¹¹¹ См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 11, 30, 554, 705, 707, 715, 716; Bd. 4. S. 18, 1079—1080; cf: Zur Problematik: Preußen und das Reich. Köln, 1984; Krüger P. Die Aussenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985. S. 555; Niederlage, die eine Befreiung war. S. 25. В некоторых публикациях показана антидемократическая тенденция в развитии других социальных групп, в частности врачей (Gesundheitstag Berlin, 1980. (W-)Berlin, 1980; Medizin und Nationalsozialismus. Tübingen, 1980). Вопрос о преемственности отражен и в зарубежных публикациях: Bennet E. W. German rearmament and the West. Princeton, 1979.

¹¹² Критику литературы 60—70-х гг. см.: Овчинникова Л. В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983; см. также: Die Weimarer Republik. Hamburg, 1983; Gumbel F. J. Verschwörer. Frankfurt a/M., 1984; Staatslehre in der Weimarer Republik. Frankfurt a/M., 1985.

¹¹³ О современной буржуазной историографии этой проблемы см.: Вопр. истории. 1986. N 1; cf: Machtverfall und Machtergreifung. München, 1983; Höhne H. Die Machtergreifung. Reinbek, 1983; Kampflose Kapitulation. Arbeiterbewegung 1933. Reinbek, 1984.

¹¹⁴ См., напр.: Sozialgeschichte der BRD. Stuttgart, 1982; HZ. 1984. Bd. 239. H. 3. S. 603—614.

¹¹⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 700, 715; cf: NpL. 1981. H. 1. S. 44.

¹¹⁶ См.: Bartsch M. et al. Der Krieg im Osten 1941—1945. Köln, 1981. S. 12, 20—23.

¹¹⁷ Manstein R., Fuchs Th. Manstein. Soldat im 20. Jahrhundert. München, 1981.

¹¹⁸ П. Гинденбург, В. Грёнер и К. Шляйхер — генералы, политические деятели Веймарской республики (см.: Lexikon; A — Z. Leipzig, 1957. Bd. 1. S. 686; Bd. 2. S. 567).

- ¹¹⁹ См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 705.
- ¹²⁰ Ibid. S. 412, 437, 529, 708; NpL. 1981. H. 1. S. 46.
- ¹²¹ См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 18—25, 446—447; cf: Das Dritte Reich. S. 192. Об агрессивных целях фашизма в Восточной Европе см.: Исторические записки. М., 1986. Т. 113.
- ¹²² См.: Мерцалов А. Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978. С. 161 и др.: Он же. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989. С. 3—31.
- ¹²³ См.: Rupp H. K. Politische Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1978. S. 11; см. также: Коммунист. 1985. № 15. С. 80—82.
- ¹²⁴ См., напр.: Manchester W. Krupp. München, 1968, а также: Боркин Дж. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри». М., 1982; Хайэм Ч. Торговля с врагом. М., 1985.
- ¹²⁵ См.: Марксистская и буржуазная историография. М., 1986. С. 51—69; Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высшей школы. 1986. № 1. С. 65—71.
- ¹²⁶ См.: Вопр. истории. 1969. № 11. С. 83; Ежегодник германской истории. 1980. М., 1982. С. 150—175, 208—226.
- ¹²⁷ Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933—1938. Frankfurt a/M., 1968. S. 698.
- ¹²⁸ См. напр.: Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945. В., 1969. Bd. 1.; Bleyer W. Staat und Monopole im totalen Krieg. В., 1970.
- ¹²⁹ См. напр.: Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945; GWU. 1981. H. 1; VfZ. 1985. H. 2; Neebe R. Großindustrie, Staat und NSDAP 1930—1933. Göttingen, 1981; Ruppert W. Die Fabrik. München, 1983; Politische Studien. 1983. N 267; Turner H. A. Big Business und der Aufstieg Hitlers. (W-) Berlin, 1985.
- ¹³⁰ Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 290—291.
- ¹³¹ Критику данного тезиса см.: Вторая мировая война: Общие проблемы. М., 1966. С. 265.
- ¹³² О преступной деятельности германских концернов во время второй мировой войны см.: Анатомия войны. М., 1971; Анатомия агрессии. М., 1975; Боркин Дж. Указ. соч.
- ¹³³ См.: Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 92.
- ¹³⁴ Критика буржуазной концепции экономики под принуждением см. в статье историка-марксиста из ФРГ Д. Гернс//Marxistische Studien. 1985. S. 146.
- ¹³⁵ Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 15, 215, 219, 221.
- ¹³⁶ Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 15, 230, 280.
- ¹³⁷ См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 285—287.
- ¹³⁸ См.: NpL. 1981. H. 1. S. 45.
- ¹³⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 210, 701.
- ¹⁴⁰ Марксистско-ленинскую критику названных концепций см., в частности: Unbewältigte Vergangenheit. В., 1977. S. 334—345.
- ¹⁴¹ Afs. 1980. S. 560—565.
- ¹⁴² См., напр.: APZ. 1975. N 9; 1980. N 25. S. 3—5; Bayern in der NS-Zeit. München, 1977—1983. Bde 1—6; cf: Seebold G.-H. Ein Stahlkonzern im Dritten Reich. Wuppertal, 1981; Brzoska M. et al. Das Geschäft mit dem Tod. Frankfurt a/M., 1982.

- ¹⁴³ Nationalsozialistische Außenpolitik. Darmstadt, 1978. S. 144.
- ¹⁴⁴ Erdmann K.-D. Die Zeit der Weltkriege. Stuttgart, 1961. S. 190—192.
- ¹⁴⁵ Цит. по: Die Zeit. 1979. 16. Nov. S. 23.
- ¹⁴⁶ См.: Speer A. Erinnerungen. Frankfurt a/M., 1969. S. 213, 227.
- ¹⁴⁷ Milward A. S. Der Zweite Weltkrieg. München, 1977. S. 376—377.
- ¹⁴⁸ Aspekte zu Deutschland heute. Bonn, 1980. S. 55.
- ¹⁴⁹ См.: Die Berner Konferenz der KPD. B., 1974.
- ¹⁵⁰ NpL. 1981. H. 1. S. 42.
- ¹⁵¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 539, 708, 712, 716, 31, 542, 715.
- ¹⁵² См.: Hitlerwelle und historische Fakten. Königstein, 1979. S. 76—79.
- ¹⁵³ См.: Hillgruber A. Endlich genug über Nationalsozialismus und Zweiten Weltkrieg? Düsseldorf, 1982. S. 34—36.
- ¹⁵⁴ См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 697, 701, 708, 711, 712.
- ¹⁵⁵ Ibid. S. 697, 712; Geyer M. Aufrüstung oder Sicherheit. Wiesbaden, 1980. S. 498.
- ¹⁵⁶ См.: Hillgruber A., Hildebrand K. Kalkül zwischen Macht und Ideologie. Zürich, 1980. S. 22. Ср.: Европа в международных отношениях. 1917—1939. М., 1979. С. 376.
- ¹⁵⁷ Die Zeit. 1979. 16. Nov. S. 23.
- ¹⁵⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 436, 529, 611.
- ¹⁵⁹ Ibid. S. 244; cf: Grube F., Richter G. Alltag im Dritten Reich. Hamburg, 1982. S. 6, 14. По фигуральному выражению известного прогрессивного писателя ФРГ Г. Бёлля, «работой, которую получили германские безработные», «была война» (Лит. газ. 1985. 18 сент.).
- ¹⁶⁰ Friemert Ch. Produktionsästhetik im Faschismus. München, 1980. S. 9; cf: Das Dritte Reich. Hannover, 1983. S. 14, 132; Machtbewußtsein in Deutschland am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Paderborn, 1984.
- ¹⁶¹ Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1985. Bd. 11. S. 280.
- ¹⁶² Цит. по: Das Diplomatische Korps 1871—1945. Boppard a/R., 1985. S. 171—175, 177—178, 182, 186—187, 189, 193, 195—199.
- ¹⁶³ См., напр.: Bracher K. D. Europa in der Krise. Frankfurt a/M., 1979; Erdmann K. D. Deutschland unter der Herrschaft des Nationalsozialismus. Stuttgart, 1980; Deutsche Frage und europäisches Gleichgewicht. Köln, 1985.
- ¹⁶⁴ См.: Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandel. Göttingen, 1981.
- ¹⁶⁵ Recker M.-L. Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1985.
- ¹⁶⁶ См., напр.: VfZ. 1986. H. 4. S. 117—145.
- ¹⁶⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 143—144, 147, 148, 149, 151—154; cf: Broszat M. Der Staat Hitler. München, 1973. S. 181.
- ¹⁶⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 143—144, 147—149, 151—154.
- ¹⁶⁹ В упоминавшемся библиографическом указателе У. Картариуса отражены несколько сотен различных работ по истории церкви в Германии 1933—1945 гг. Журналы ФРГ систематически печатают информа-

цию о новых книгах по этой теме (см., напр.: VfZ. 1985. Н. 4. S. 86—87).

¹⁷⁰ Ср.: Белов А. Клерикальный антикоммунизм. М., 1987.

¹⁷¹ См.; напр.: Kirche, Katholiken und Nationalsozialismus. Mainz, 1980; Franzen A. Kleine Kirchengeschichte. Freiburg, 1981; Padberg R. Kirche und Nationalsozialismus am Beispiel Westfalen. Paderborn, 1984; Kirche im Nationalsozialismus. Sigmaringen, 1984.

¹⁷² См.: Reppen K. Katholizismus und Nationalsozialismus. Köln, 1983; Idem. Pius XI zwischen Stalin, Mussolini und Hitler//APZ. 1979. Н. 39; Idem. Von Fortleben nationalsozialistischer Propaganda in der Gegenwart//GWU. 1983. Н. 1.

¹⁷³ См.: Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. S. 655—668; cf: Bulletin. 1986. N 88. S. 738.

¹⁷⁴ См.: Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. S. 669—686. Аналогичную оценку немецкому клерикализму дает и Р. Вайцекер (Weizsäcker R. Die deutsche Geschichte geht weiter. (W-)Berlin, 1983. S. 23—33).

¹⁷⁵ См., напр.: Neulen H. W. Europafaschismus und der Zweite Weltkrieg. München, 1980; VfZ. 1981. Н. 1. S. 48—73; Europa unterm Hakenkreuz. Köln, 1982; Faschismus als soziale Bewegung. Göttingen, 1982; Der italienische Faschismus. München, 1983; VfZ. 1984. Н. 3. S. 370; Rafalski T. Italienischer Faschismus in der Weltwirtschaftskrise. Opladen, 1984; cf: История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 384, 388—389.

¹⁷⁶ Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 14.

¹⁷⁷ Цит. по: Hitlerwelle und historische Fakten. Königstein, 1979. S. 78, 79.

¹⁷⁸ О новейшей западногерманской историографии первой мировой войны см.: Geschichte. Ideologie. Politik. В., 1983; cf: Deutschland im Ersten Weltkrieg. München, 1982.

¹⁷⁹ Критику концепции Т. Шидера см.: Unbewältigte Vergangenheit. S. 339—340.

¹⁸⁰ Deutschland 1933. (W-) Berlin, 1984; cf: VfZ. 1982. Н. 1. S. 162—165.

¹⁸¹ Die Niederlage, die eine Befreiung war. Köln, 1985. S. 153—154; cf: Franz-Willing G. Op. cit. S. 239.

¹⁸² См.: Homsten G. Kriegsalltag 1939—1945 in Deutschland. Düsseldorf 1982.

¹⁸³ Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik 1933—1945. Stuttgart, 1971 (есть издание 1980 г.). S. 83; cf: Bracher K. D. Die Krise Europas 1917—1975. Frankfurt a/M., 1976. S. 256; Handbuch der europäischen Geschichte. Stuttgart, 1979. Bd. 7/1. S. 254—256, 267—268.

¹⁸⁴ См.: Kriegswende Dezember 1941. Koblenz, 1984. S. 234, 263.

¹⁸⁵ Цит. по: Unbewältigte Vergangenheit. S. 339—340. О типологии фашизма см.: Gossweiler K. Kapital, Reichswehr und NSDAP. В., 1983; ZfG. 1985. Н. 8. S. 701—718.

¹⁸⁶ История фашизма в Западной Европе. С. 6; см. также: Вопр. истории. 1984. № 12. С. 32.

Глава третья

¹ См.: Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Düsseldorf, 1983. S. 770.

² См.: русский перевод: Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961 (предисл. А. С. Ерусалимского).

- ³ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961.
- ⁴ Подробнее см.: Unbewältigte Vergangenheit. В., 1977. S. 304—317; Ploetz. Geschichte der Weltkriege. 1900—1945. Freiburg, 1981; Deutscher Konservatismus im 19. und 20. Jahrhundert. Bonn, 1983. Марксистско-ленинский анализ трудов Ф. Фишера см.: Историография всеобщей истории. Куйбышев, 1976. С. 42—56; Новая и новейшая история. 1963. № 2. С. 158—161; 1979. № 3. С. 39—53; Вопр. истории. 1981. № 3. С. 67—82.
- ⁵ Jäger W. Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. Göttingen, 1984. S. 132.
- ⁶ Fischer F. Bündnis der Eliten. Düsseldorf, 1979.
- ⁷ Цит. по: Bericht über die 32. Versammlung deutscher Historiker. Stuttgart, 1979. S. 113—114.
- ⁸ Nationalsozialistische Diktatur. S. 771, 777, 782.
- ⁹ См. об этом: Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 7—8; Ожиганов Э. Н. Политическая теория Макса Вебера. Рига, 1986; ZfG. 1987. H. 8. S. 675—697.
- ¹⁰ Nationalsozialistische Diktatur. S. 772—781.
- ¹¹ Stegmann D. Die Erben Bismarcks. (W-)Berlin, 1980.
- ¹² Stegmann D. Industrielle Gesellschaft und politisches System. Bonn, 1978.
- ¹³ Deutscher Konservatismus im 19. und 20. Jahrhundert. Bonn, 1983. S. 347, 349, 360—366.
- ¹⁴ Цит. по: Dalberg T. Franz Josef Strauß. Gütersloh, 1968. S. 235.
- ¹⁵ См.: Zechlin E. Krieg und Kriegsrisiko. Düsseldorf, 1979. S. 7—14; Hillgruber A. Großmachtpolitik und Militarismus im 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1974. S. III—36. Решительно возражает против тезиса о «срединном положении» Германии Х.-У. Велер (Der Monat. 1982. Bd. 3. S. 64—67).
- ¹⁶ Jäger W. Op. cit. S. 204—205.
- ¹⁷ См.: Das Politische Buch. 1984. N 31. S. 11.
- ¹⁸ См.: Nationalsozialistische Diktatur. S. 770—771.
- ¹⁹ См.: Jäger W. Op. cit. S. 154.
- ²⁰ Die Zeit. 1979. 16. Nov.; cf: APZ, 1984. N 7. S. 33—45.
- ²¹ Unbewältigte Vergangenheit. В., 1977. S. 314.
- ²² См.: Bericht über die 32. Versammlung deutscher Historiker. S. 114.
- ²³ См.: Jäger W. Op. cit. S. 206.
- ²⁴ На этот недостаток уже указывали историки ГДР (см.: Unbewältigte Vergangenheit. S. 309).
- ²⁵ VdiP. 1962. H. 7. S. 474; GM. 1962. H. 13. S. 290.
- ²⁶ Geiss I. Studien über Geschichte und Geschichtswissenschaft. Frankfurt a/M., 1972. S. 57.
- ²⁷ Подробнее см.: Unbewältigte Vergangenheit. S. 314—315. Ср.: Патрушев А. И. Неолиберальная историография ФРГ. М., 1981; Новая и новейшая история. 1979. № 3. С. 52. См. также: Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 30—41; 1986. № 6. С. 169—180; Вопр. истории. 1986. № 1. С. 16—17.
- ²⁸ См.: Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. Göttingen, 1973. S. 71. Подробнее см.: Новая и новейшая история. 1986. № 6. С. 124, 176—177; Вопр. истории. 1986. № 1. С. 157, 161.
- ²⁹ См.: Wehler H.-U. Klassen in der europäischen Sozialgeschichte. Göttingen, 1980; Idem. Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. Göttingen, 1980; Idem. Nationalitätenpolitik in Jugoslawien. Göttingen, 1980;

- Frauen in der Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Göttingen, 1981; *Idem*. Preußen ist wieder chic. Frankfurt a/M., 1983.
- ³⁰ Stichworte zur geistigen Situation heute. Frankfurt a/M., 1979. Bd. 2; Wehler H.-U. Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Göttingen, 1980; *Idem*//Der Monat. 1982. Bd. 3; *Idem*//Merkur. 1981. H. 5.
- ³¹ APZ. 1983. H. 4/5.
- ³² См.: Nationalsozialistische Diktatur. S. 96.
- ³³ См.: Новая и новейшая история. 1977. № 4. С. 169.
- ³⁴ См.: Nationalsozialistische Diktatur. S. 100—104.
- ³⁵ См.: Кокка J. Die Angestellten in der deutschen Geschichte 1850—1980. Göttingen, 1981; *Idem*//HZ. 1980. Bd. 230. H. 3. 1981. Bd. 232. H. 1. Die Rolle der Nation in der deutschen Geschichte und Gegenwart. (W-)Berlin, 1985. S. 118—136.
- ³⁶ См., напр.: AfS. 1975. S. 1—42; Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte. Düsseldorf, 1977. S. 152—169; Кокка J. Sozialgeschichte. Göttingen, 1986; Marxistische Typisierung und idealtypische Methode in der Geschichtswissenschaft. (W-)Berlin, 1986. Марксистский анализ поисков Кокки в области методологии исторической науки см.: ZfG. 1985. H. 6. S. 497; Новая и новейшая история. 1986. № 6. С. 172, 173, 175, 177—178.
- ³⁷ См.: Кокка J. Angestellte zwischen Faschismus und Demokratie. Göttingen, 1977. S. 361; Wendepunkte deutscher Geschichte. 1848—1945. Frankfurt a/M., 1979 (есть изд. 1980 г.). S. 149; см. также: GWU. 1981. H. 12. S. 740.
- ³⁸ См.: APZ. 1980. H. 25. S. 3—5.
- ³⁹ Ibid. S. 6—7.
- ⁴⁰ APZ. 1980. H. 25. S. 5, 10.
- ⁴¹ Die Zeit. 1983. N 42. S. 30—31.
- ⁴² См.: APZ. 1980. H. 25. S. 6—9.
- ⁴³ Die Zeit. 1983. N 42. S. 31. О выступлении Кокки на XVI Международном конгрессе исторических наук см.: Вopr. истории. 1986. № 1. С. 16; Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 7—8, 14—15.
- ⁴⁴ См.: Wendepunkte deutscher Geschichte. S. 147—154, 155—156, 159.
- ⁴⁵ Ambrosius G. Der Staat als Unternehmer. Göttingen, 1984. S. 8; см. также с. 105—106.
- ⁴⁶ Wendepunkte deutscher Geschichte. S. 166—167.
- ⁴⁷ См.: Die Rolle der Nation in der deutschen Geschichte. S. 134.
- ⁴⁸ Wendepunkte deutscher Geschichte. S. 165.
- ⁴⁹ См.: Winkler H. A. Revolution, Staat, Faschismus. Göttingen, 1978. S. 65—67, 72, 75—78, 81—83, 90—96. Перу Винклера принадлежат также исследования по истории рабочего движения Германии веймарского периода (напр.: Winkler H. A. Von der Revolution zur Stabilisierung. (W-)Berlin, 1984; *Idem*. Der Schein der Normalität (W-)Berlin, 1985).
- ⁵⁰ Nationalsozialistische Herrschaft S. 6, 9. Об «особом пути» Германии подробнее см. ст. Винклера (Merkur. 1981. H. 8. S. 802—810).
- ⁵¹ См.: Nationalsozialistische Herrschaft. S. 32—34, 235—236, 239—240, 242—243; Saldern A. Mittelstand im «Dritten Reich». Frankfurt a/M., 1985; cf: Das Große Lexikon des Dritten Reiches. München, 1985. S. 649—651.
- ⁵² См.: Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1985, Bd. 11. S. 195—201.

- ⁵³ См.: Ibid. S. 217, 221—222, 253, 257, 264—267, 273, 275—284.
- ⁵⁴ См.: Newman K. J. Zerstörung und Selbsterstörung der Demokratie in Europa 1918—1938. Stuttgart, 1984. S. 403, 405, 331—332, 409, 345, 436, 347—350, 356—359, 362—363, 365—366, 368, 371.
- ⁵⁵ См.: Ambrosius G., Hubbard W. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert. München, 1986. S. 253—255, 261, 263—265, 269.
- ⁵⁶ См.: Broszat M. Die Machtergreifung. München, 1984; cf: Broszat M., Treue W. Deutschlands Weg in die Diktatur. (W-) Berlin, 1984.
- ⁵⁷ Broszat M. Der Staat Hitlers. München, 1979 (есть английское издание 1981 г.: Broszat M. The Hitler state. L., 1981).
- ⁵⁸ См.: Anatomie des SS-Staates. München, 1982. Bd. 2. S. 12.
- ⁵⁹ См.: VfZ. 1986. H. 3. S. 295.
- ⁶⁰ См.: VfZ. 1983. H. 1. S. 73—76.
- ⁶¹ См.: VfZ. 1986. H. 3. S. 293—311.
- ⁶² См.: Broszat M. Bayern in der NS — Zeit. München. 1977—1983. Bde 1—6 (анализ 6-томника см.: Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография. М., 1986. № 8. С. 59); Broszat M., Fröhlich E. Alltag und Widerstand — Bayern im Nationalsozialismus. München, 1987.
- ⁶³ См., напр.: История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 182, 220—221, 235, 239, 242, 247, 250, 281.
- ⁶⁴ См., Правда, 1984. 28 янв.; Полит. самообразование. 1985. № 5. С. 79—81.
- ⁶⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 8.
- ⁶⁶ К выводу о значительном развитии в ФРГ буржуазно-демократической литературы приходят и другие советские историки (см.: Бланк А. С. Неофашизм — реваншизм. М., 1985. С. 216).
- ⁶⁷ Подробнее см.: Rupp H. K. Aussenparlamentarische Opposition in der Ära Adenauer. Köln, 1980.
- ⁶⁸ Подробнее см.: «Зеленые»: идеология и политика. М., 1985; Гинцберг Л. И. Массовые демократические движения в ФРГ и партия «зеленых». М., 1988.
- ⁶⁹ Die Grünen. 1985. 7. Dez. S. 5.
- ⁷⁰ См.: In der Tradition des antifaschistischen Widerstandes gemeinsam für Frieden, Abrüstung und Demokratie. Frankfurt a/M., 1983. S. 179.
- ⁷¹ См., напр.: Bundeswehr und die Schule. Köln, 1983; BdiP. 1985. H. 10. S. 1209—1225, 1238—1250.
- ⁷² Brüdigam H. Faschismus an der Macht. Frankfurt a/M., 1982. S. 20—21, 39, 68—69, 117, 127, 267—269.
- ⁷³ См.: Megerle K. Die nationalsozialistische Machtergreifung. (W-)Berlin, 1982. S. 291—293; cf: BdiP. 1985. H. 5.
- ⁷⁴ См.: Bourke-White M. Deutschland April 1945. München, 1979. S. 17—19, 92—114.
- ⁷⁵ Würzburg. München, 1981; Wuppertal in der Zeit des Nationalsozialismus. Wuppertal, 1984; Fritsch R. Nürnberg im Krieg. Düsseldorf, 1984.
- ⁷⁶ См., напр.: Wuppertal... S. 179—196.
- ⁷⁷ Zivilcourage. 1984. N 1. S. 35.
- ⁷⁸ См.: Bartsch M., Schebesch H.-F., ScheppeImann R. Der Krieg im Osten 1941—1945. Köln, 1981. S. 81, 93, 124.
- ⁷⁹ BdiP. 1983. H. 1. S. 67; cf: 1985. H. 5. S. 415; H. 4. S. 412.
- ⁸⁰ Niemöller M. Festschrift zu 90. Geburtstag. Köln, 1982.

⁸¹ Bonhoeffer D. Widerstand und Ergebung. Gütersloh, 1983; Letzte Briefe im Widerstand. München, 1984.

⁸² BdiP. 1984. H. 4. S. 388.

⁸³ Niemöller M. Was würde Jesus dazu sagen? (W-)Berlin, 1981. S. 198, 253.

⁸⁴ Zivilcourage. 1984. N 3. S. 29.

⁸⁵ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 74.

⁸⁶ Abendroth W. Sozialgeschichte der europäischen Arbeiterbewegung. Frankfurt a/M., 1973; Idem. Einführung in die Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Heilbronn, 1985. Bd. 1.

⁸⁷ Abendroth W. A short history of the European Working class. L., 1972. P. 185.

⁸⁸ Отдельные работы Кюня историками ГДР и СССР оценены в целом положительно: ZfG. 1968. H. 4. S. 521; 1976. H. 1. S. 108; 1977. H. 1. S. 755; BzG. 1974. H. 4. S. 596—597; Вопросы методологии и историографии. Томск, 1974; Мерцалов А. Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978. С. 95—97; Новая и новейшая история. Саратов, 1979. С. 63.

⁸⁹ См.: NpL. 1970. H. 1. S. 13—43; cf: Texte zur Faschismuskussion. Reinbek, 1983; BdiP. 1985. H. 1. S. 410—420.

⁹⁰ См.: Kühnl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Frankfurt a/M., 1979. S. 11, 399.

⁹¹ Kühnl R. Der Faschismus. Heilbronn, 1983. S. 150—151.

⁹² Thies J. Architektur der Weltherrschaft. Düsseldorf, 1980, S. 192.

⁹³ См.: NpL. 1983. H. 1. S. 75, 189, 192.

⁹⁴ См.: Kühnl R. Der Faschismus. S. 17, 24, 29, 30.

⁹⁵ NpL. 1983. H. 1. S. 74.

⁹⁶ См.: Ежегодник германской истории. 1974. М., 1975. С. 329; 1980. М., 1982. С. 216—217.

⁹⁷ Kühnl R. Der Faschismus. S. 40.

⁹⁸ См.: NpL. 1983. H. 1. S. 75, 189, 192.

⁹⁹ Kühnl R. Nation. Nationalismus. Nationale Frage, Köln, 1986; а также. Idem. Die Weimarer Republik. Köln, 1985; Idem//BdiP. 1982. H. 9; 1986. H. 3.

¹⁰⁰ NpL. 1983. H. 1. S. 76.

¹⁰¹ См.: Kühnl R. Der Faschismus. S. 154—157.

¹⁰² См.: Klönne A. Die deutsche Arbeiterbewegung. Düsseldorf, 1981. S. 239, 264—265, 276.

¹⁰³ Wippermann W. Zur Analyse des Faschismus. München, 1981; Idem. Der «Deutsche Drang nach Osten». Darmstadt, 1982; Idem. Die Bonapartismustheorie von Marx und Engels. Stuttgart, 1983; cf: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bonn, 1984. S. 577—619.

¹⁰⁴ Wippermann W. Europäischer Faschismus im Vergleich 1922—1982. Frankfurt a/M., 1983; cf: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1985. 28. Sept.; Die Große Krise der dreißiger Jahre. Göttingen, 1985. S. 44—71; Passato e presente//Firenze. 1985. N 9. P. 39—65.

¹⁰⁵ Марксистской историографией предпринята первая попытка показать национальную специфику фашизма. См.: История фашизма в Западной Европе. М., 1978; ср.: Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985.

¹⁰⁶ Wippermann W. Europäischer Faschismus. S. 16.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Политическая история стран Западной Европы в новейшее время. Ярославль, 1978. С. 55—66.

¹⁰⁸ См.: Wipperfmann W. Europäischer Faschismus. S. 17, 18—19, 52, 61, 71—73, 76, 197—199, 203—204.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Новая и новейшая история. Саратов, 1979. С. 49—66; Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. М., 1985. Т. 2. С. 132—137, 176—182, 199—204.

¹¹⁰ Тема получила широкое освещение в марксистской литературе. См., напр.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1—2; Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. М., 1986; Кузьмин С. Т. Сроку давности не подлежит. М., 1986; Рагинский М. Ю. Нюрнберг перед лицом истории. М., 1986; Уроки Нюрнберга и современность. М., 1986; Мельников Д. Е., Черная Я. Б. Империя смерти. М., 1987; Petzold J. Faschismus. Frankfurt a/M., 1984; Gerns D. Hitlers Wehrmacht in der Sowjetunion. Frankfurt a/M., 1985; Madajczyk C. Die Okkupationspolitik Nazi-deutschland in Polen 1939—1945. В., 1987.

¹¹¹ См., напр.: Heins H. Bruno Tesch und Gefährten — Erinnerungen aus dem «Altonauer Blutsonntag». Hamburg, 1983.

¹¹² См.: Pomorin J. et al. Geheime Kanäle. Dortmund, 1982.

¹¹³ См.: Bromberger B. et al. Medizin, Faschismus und Widerstand. Köln, 1985. S. 11—13, 16, 20, 28, 30, 32, 53, 55, 59, 61, 167, 199—204.

¹¹⁴ См.: GWU. 1986. Н. 2. S. 72.

¹¹⁵ В числе новейших документальных изданий см.: Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. München, 1984 (эта публикация представляет собой сокращенный вариант ранее изданного в ФРГ 40-томного собрания документов Нюрнбергского процесса. В новое собрание включены также находящиеся в архиве Института современной истории в Мюнхене материалы процессов над фашистскими преступниками, проходившими после 1946 г.); Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas. Frankfurt a/M., 1984; Das Dritte Reich. Bde 1—2. München, 1985; Kühnl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Köln, 1985.

¹¹⁶ См., напр.: Die SS ist ihr Vorbild. Frankfurt a/M., 1981; Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg. 1939—1945. Stuttgart, 1982. S. 65—66; VfZ. 1986. Н. 3. S. 293—311.

¹¹⁷ Bracher K. D. Europa in der Krise. Frankfurt a/M., 1979. S. 236. Подробнее см.: Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 270.

¹¹⁸ См., напр.: NE. 1986. Н. 3. S. 42.

¹¹⁹ См., напр.: Wir bauen das Reich. Neumünster, 1983, S. 306—308, 449.

¹²⁰ См., напр.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 708; Faschismus in Deutschland. Köln, 1985.

¹²¹ См., напр. Dokumente zur «Euthanasie». Frankfurt a/M., 1985; Aussonderung und Tod. (W-)Berlin, 1985; VfZ. 1986. Н. 2. S. 245—269.

¹²² См., напр.: Hillgruber A. Die gescheiterte Grossmacht. Düsseldorf, 1980. S. 107; Aufstand des Gewissens. Herford, 1985. S. 196.

¹²³ См.: Handbuch der europäischen Geschichte. Stuttgart, 1979. Bd. 7/1. S. 255; Bartsch M. et al. Der Krieg im Osten 1941—1945. Köln, 1981. S. 162; Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangenen im Fall Barbarossa. Heidelberg, 1981; «Unternehmen Barbarossa». Paderborn, 1984.

¹²⁴ См., напр.: Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 1980.

S. 66; Deutsche Frage und europäisches Gleichgewicht. Köln, 1985. S. 231—232.

¹²⁵ См., напр.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 1083.

¹²⁶ См., напр.: Westphal S. Der deutsche Generalstab auf der Anklagebank Mainz, 1978. S. 102—103.

¹²⁷ Anatomie des SS-Staates. München, 1982. Bd. 2. S. 196—197.

¹²⁸ См.: Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Stuttgart, 1981; Wilenchik W. Partisanenbewegung in Weißrußland 1941—1944. (W-)Berlin, 1984.

¹²⁹ См.: Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии: 1941—1944. М., 1984; Першина Т. С. Фашистский геноцид на Украине: 1941—1944. Киев, 1985.

¹³⁰ См.: Известия. 1985. 29 апр.; Поляков Л. Е. Цена войны. М., 1985. С. 43.

¹³¹ См., напр.: Kolb E. Bergen — Belsen. Göttingen, 1985; Suhr E. Die Emslandlager. Bremen, 1985; cf: Kühnrich H. Der KZ — Staat. В., 1980.

¹³² См., напр.: Taylor E., Niessen W. Frontstadt. Düsseldorf. 1980. S. 26—28; Wir bauen das Reich. S. 306.

¹³³ Herbert U. Fremdarbeiter. (W-)Berlin, 1985; cf: Brzoska M. et al. Das Geschäft mit dem Tod. Frankfurt a/M., 1982.

¹³⁴ Glaser H., Neudecker N. Die deutsche Eisenbahn. München, 1984. S. 235.

¹³⁵ См., напр.: Die Vergangenheit mahnt. Göttingen, 1983; Kwiet K., Eschwege H. Selbstbehauptung und Widerstand. Hamburg, 1983; Der Mord an den Juden im 2. Weltkrieg. Stuttgart, 1986.

¹³⁶ См., напр.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 321—322; Aufstand des Gewissens. S. 109, 196; Jahn H. E. Die deutsche Frage von 1945 bis heute. Mainz, 1985. S. 18—19; cf: Lenz S. Ein Kriegswende. Hamburg, 1984; Letzte Tage in Ostpreßen. (W-)Berlin, 1985.

¹³⁷ См., напр.: Der Freiwillige. 1985. Н. 3. S. 8—9.

¹³⁸ Подробнее см.: Правда. 1985. 15 июля, 6 авг.

¹³⁹ См., напр.: Jacobsen H.-A. Der Weg... S. 309, 16; Der Zweite Weltkrieg. München, 1983. S. 404—406. 627.

¹⁴⁰ Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Mainz, 1981. S. 41; cf: VfZ. 1982. Н. 3. S. 544; Der militärische Widerstand gegen Hitler und NS-Regime 1933—1945. Bonn, 1984. S. 127; cf: Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979; Бланк А. С. Неонацизм — реваншизм. С. 101—131, 234—235.

¹⁴¹ См., напр.: Gostzony P. Die Rote Armee. München, 1980. S. 271; Buttler W. Ziele und Zielkonflikte der sowjetischen Deutschlandpolitik 1945—1947. Stuttgart, 1980. S. 38.

¹⁴² См., напр.: Paul W. Der Heimatkrieg 1939 bis 1945. Esslingen., 1980. S. 419.

¹⁴³ См.: Pax Medica. Hamburg, 1986. S. 42—62.

¹⁴⁴ См.: Lichtenstein H. Mit der Reichsbahn in den Tod. Köln., 1985.

¹⁴⁵ См., напр.: Verhoeven M., Krebs M. Die weiße Rose. Frankfurt a/M., 1982. S. 193; Scholl J. Die weiße Rose. Frankfurt a/M., 1983. S. 132—134, 204.

¹⁴⁶ Цит. по: Новая и новейшая история. 1986. № 6. С. 175.

- ¹ См., напр.: NpL. 1985. Н. 2. S. 272—295.
- ² См.: APZ. 1986. Н. 10. S. 16—25; cf: Hopf Ch. et al. Wie kamen die Nazis an die Macht. Frankfurt a/M., 1985.
- ³ ZfG. 1987. Н. 6. S. 549.
- ⁴ См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1986. 6. Juni, 29. Sept.; «Historiker — Streit». München, 1987 (подробнее о дискуссии см.: ZfG. 1988. Н. 6).
- ⁵ См.: APZ. 1986. Н. 10. S. 16—25.
- ⁶ См., напр.: Materialien zur politischen Bildung. 1985. Н. 1; BdiP. 1986. Н. 4. S. 425—435, 436—447.
- ⁷ Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt a/M., 1986. S. 92.
- ⁸ См.: ZfG. 1983. Н. 5. S. 446.
- ⁹ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1985. Т. 8; Правда. 1985. 30 июня.
- ¹⁰ Цит. по: AfS. 1982. S. 678.
- ¹¹ См.: Stichworte zur geistigen Situation der Zeit. Frankfurt a/M., 1979. Bd. 2. S. 722. Преобладание фактографизма свойственно и другим буржуазным историографиям (см.: Вопр. истории. 1986. № 1. С. 17).
- ¹² Об использовании плодотворных методик и других достижений буржуазной исторической науки подробнее см.: Вопр. истории. 1986. № 1. С. 24—25.
- ¹³ См.: Вопр. истории. 1987. № 12.
- ¹⁴ См.: Федоров В. П. ФРГ: 80-е годы. М., 1986. С. 99, 188.
- ¹⁵ См., напр.: Der Nationalsozialismus als pädagogisches Problem. Frankfurt a/M., 1984.
- ¹⁶ О задачах советского обществоведения см: Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 10; Правда. 1988. 30 июля.
- ¹⁷ См., напр.: Recht, Justiz und Faschismus nach 1933 und heute. Köln, 1984; Hirsch M. et al. Recht, Verwaltung und Justiz im Nationalsozialismus. Köln, 1985.
- ¹⁸ См., напр.: Новейшая история. 9 класс. М., 1985. С. 56, 59.
- ¹⁹ См.: Александров В. В. Новейшая история стран Европы и Америки: 1918—1956. М., 1986. С. 79—80.
- ²⁰ См.: ZfG. 1985. Н. 4. S. 321; Н. 10. S. 928.
- ²¹ Изучению особенностей национальных движений против фашизма посвящена в частности работа историков-марксистов ЧССР (см.: History and Society. Prague, 1986).
- ²² Сталин И. В. Соч.: В 13 т., 1951. Т. 13. С. 293, 303, 377.
- ²³ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1935. С. 608.
- ²⁴ Сталин И. В. Соч.: в 13 т. Т. 13. С. 283, 297.
- ²⁵ См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. С. 207.
- ²⁶ См.: XVI съезд ВКП (б): Стеногр. отчет. М., 1931. С. 357.
- ²⁷ Сталин И. В. Соч.: в 13 т. Т. 13. С. 302.
- ²⁸ См.: Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 106, 124.
- ²⁹ Там же. С. 28.
- ³⁰ Там же. С. 27, 51—52.
- ³¹ См.: Там же. С. 13, 27, 32.
- ³² См.: Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). М., 1950. С. 22.

- ³³ Сталин И. В. Соч.: в 13 т. М., 1947. Т. 6. С. 282, 285.
- ³⁴ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде... С. 161—
- 162.
- ³⁵ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. С. 353.
- ³⁶ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде... С. 37.
- ³⁷ Правда. 1989. 7 апр.
- ³⁸ Цит. по: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. С. 603—604, 610.
- ³⁹ См.: Нева, 1989. № 7. С. 156—179.
- ⁴⁰ См.: За рубежом. 1988. № 47. С. 17; Эхо планеты. 1989. № 18.
- С. 26.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Организационные и методологические аспекты буржуазной историографии	13
§ 1. Основные центры изучения фашизма	13
§ 2. Вопросы методологии и социальных функций науки	21
§ 3. Антикоммунистические и националистические тенденции	36
Глава вторая. Фашизм в освещении консервативной историографии	53
§ 1. Крайне консервативные трактовки истории фашизма	56
§ 2. Умеренно-консервативная литература о фашизме	75
Глава третья. Фашизм в трудах либеральных и буржуазно-демократических исследователей	99
§ 1. Либеральные историки о фашизме	99
§ 2. Фашизм в публикациях буржуазно-демократических историков	131
Заключение	161
Библиографические ссылки и примечания	178

Людмила Андреевна Мерцалова

**ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ В НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ**

Редактор В. И. Селезнева
Обложка Э. К. Китаевой
Художественный редактор А. В. Соколов
Технический редактор О. В. Нагаева
Корректоры Л. Е. Болдырева, Е. В. Орлова

ИБ 1819. Сдано в набор 13.10.89. Подп. в печ. 08.01.90. ЛЕ 12008.
Форм. бум 60 x 84/16. Бумага типографская № 1. Литературная гарни-
тура. Высокая печать. Усл. п. л. 12,1. Усл. кр.-отт. 12,4. Уч.-изд. л. 13,2.
Тираж 1200. Заказ 956. Цена 2 р.

Издательство Воронежского университета
394000. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Типография издательства ВГУ
394000. Воронеж, ул. Пушкинская, 3

